

П 726

Царь и церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій.

XVI и XVII столѣтія нашей исторіи невольнo обращаютъ на себя вниманіе обиліемъ соборовъ не только земскихъ, для которыхъ особенно первая половина XVII вѣка считается золотымъ временемъ, но и соборовъ церковныхъ, которые были въ указаннныя столѣтія особенно часты, а потомъ, со времени учрежденія Св. Синода, прекратились вплоть до настоящаго времени, когда церковно-соборной жизни суждено повидимому возродиться вновь. Въ общественно-политической жизни сейчасъ совершается великій важный переворотъ, всѣ послѣдствія и все значеніе котораго трудно и предвидѣть. Новая возникшія у насъ общественныя теченія, проявившіяся съ такою необычайною силою, естественно и неизбѣжно затронули и нашу церковную жизнь, такъ тѣсно всегда связанную у насъ со всею жизнію общественною и государственною. Пробудившееся общественное самосознаніе, въ лицѣ вѣрующихъ и преданныхъ интересамъ церкви ея сыновъ, обратило вниманіе на наши церковныя порядки и стало находить, что нашъ современный церковный строй, все наше церковное управленіе, наша церковная жизнь вообще, во многомъ ненормальны, несогласны съ духомъ и характеромъ истинной церковной жизни, что и тутъ, какъ и въ сферѣ общественно-политической, многое нужно измѣнить, исправить и прямо перестроить на новыхъ истинно-церковныхъ началахъ, и что обновленіе нашей церковной жизни должно совершиться какъ можно скорѣе. Высшая государственная власть признала полную законность и справедливость стремленій общества обновить

и перестроить нашу церковную жизнь, только предоставила это сдѣлать не современному Св. Синоду или наспѣхъ собранному изъ однихъ епископовъ собору, а настоящему всероссійскому будущему собору.

Итакъ, параллельно переустройству нашей общественно-политической жизни, должно совершиться обновленіе и переустройство всей нашей церковной жизни на будущемъ всероссійскомъ соборѣ, — это вопросъ уже рѣшенный. Естественно, какъ только вопросъ о созывѣ будущаго всероссійскаго собора окончательно былъ рѣшенъ, немедленно явился другой вопросъ: на какихъ основаніяхъ и какъ именно будетъ перестраивать нашу церковную жизнь будущій всероссійскій церковный соборъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ и было устройство при Св. Синодѣ предсоборныхъ комиссій, въ составъ которыхъ вступили лица, вызванныя по усмотрѣнію оберъ-прокурора и по указаніямъ и рекомендаціямъ членовъ Св. Синода, намѣчавшихъ при выборѣ конечно только лицъ имъ желанныхъ, нужныхъ и угодныхъ, могущихъ, по характеру, направленію и свойству ихъ работъ и настроенности, служить отраженіемъ и подкрѣпленіемъ тѣхъ желаній, стремленій и интересовъ, какими воодушевлены высшія правительственныя церковныя сфѣры, въ настоящее время управляющія дѣлами церкви.

Переустройство нашей церковной жизни и, прежде всего, переустройство нашего церковнаго управленія, должно совершиться, заявляютъ, на прочныхъ каноническихъ началахъ, которыя не были, по крайней мѣрѣ во всей полнотѣ, соблюдены при учрежденіи нашего Св. Синода. Съ этимъ согласны всѣ, и потому предсоборныя комиссіи исходной точкой своихъ работъ прежде всего полагаютъ извлеченіе каноническихъ основъ и началъ изъ постановленій и правилъ вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, руководственное значеніе которыхъ признано православною церковію, чтобы на этихъ началахъ и основахъ построить все наше будущее церковное управленіе и всю церковную жизнь. Но здѣсь сей часъ же встрѣчаются и серьезныя затрудненія. Древніе каноны можно понимать и толковать очень различно, почему они даже въ старой Византіи имѣли нужду въ особыхъ толкователяхъ и передатчикахъ ихъ примѣнительно къ пониманію и требованіямъ позднѣйшей жизни. Вполнѣ

естественно поэтому, что и наши современные канонисты не рѣдко очень расходятся между собою въ пониманіи и толкованіи различныхъ каноновъ и особенно въ рѣшеніи того, что нужно и можно по канонамъ и что нѣтъ, а это, конечно, сильно колеблетъ безусловное довѣріе къ извлеченію ими незыблемыхъ каноническихъ началъ для перестройки современного строя нашей церковной жизни. Съ другой стороны, всѣ древніе каноны возникли и извѣстнымъ образомъ формулировались по требованію извѣстныхъ обстоятельствъ, извѣстнаго времени, имѣли въ виду удовлетворить опредѣленныя нужды и запросы современной имъ церковной жизни. Служа по своему общему характеру и направленію выраженіемъ духа и разума вселенской Христовой Церкви, они въ то же время были неотвлеченныя формулы и схемы, лишеныя реального историческаго содержанія, а для данной жизни и времени—живые, реальныя, дѣйствительныя законы, рассчитанныя на то, чтобы упорядочить и устроить современную имъ, опредѣленную церковную жизнь. Съ этой стороны они являлись продуктомъ извѣстнаго момента церковно-исторической жизни, порожденіемъ извѣстныхъ историческихъ условій и обстоятельствъ, а потому они, особенно въ своихъ частностяхъ и подробностяхъ, своимъ такъ сказать историческимъ содержаніемъ, конечно не могутъ быть во всемъ и точно прилагаемы къ совершенно другому времени, къ другимъ совсѣмъ историческимъ обстоятельствамъ и условіямъ, къ другимъ запросамъ, нуждамъ и т. под. Это соображеніе слѣдуетъ имѣть въ виду тѣмъ болѣе, что внѣшнія особенно формы строя своего управленія, своихъ учреждений, ихъ взаимоотношеній и орудій дѣятельности, церковь всегда устрояетъ въ соотвѣтствіи съ формами и строемъ того государства, среди котораго она существуетъ и дѣйствуетъ, такъ что не государство приспособляетъ свой строй, отношенія и пр. къ порядкамъ церковнымъ, а наоборотъ: порядки и учрежденія церковныя приспособляются къ порядкамъ и учрежденіямъ государственнымъ, почему перемѣны въ послѣднемъ, всегда вызываютъ соотвѣтствующія перемѣны и въ порядкахъ церковныхъ. И это понятно. Если въ извѣстномъ, напримѣръ, государствѣ строго послѣдовательно, сверху донизу, проведенъ всюду демократическій принципъ, если въ немъ всюду царитъ избиратель-

ное начало, а въ то же время въ церковномъ управленіи и во всей церковной жизни всецѣло господствуетъ принципъ бюрократическій, то несомнѣнно эти два порядка не могутъ долго существовать рядомъ, и одинъ изъ нихъ обязательно долженъ уступить мѣсто другому, причемъ обыкновенно церковный строй всегда уступаетъ государственному. Въ виду этаго недостаточно еще, для реформы нашей современной церковной жизни, извлечь изъ соборныхъ правилъ и постановленій каноническія начала и основы, тѣ нормы, по которымъ мы должны строить нашу церковную жизнь, а необходимо еще предварительно посмотрѣть: подойдутъ-ли эти нормы подъ нашу современную жизнь. Вѣдь русскій народъ, его прошлая историческая и настоящая современная жизнь, условія его духовнаго и самаго религіозно-церковнаго развитія, вся его культура и пр. могутъ быть совершенно иныя, нежели какія были въ старой Византіи, и то, что хорошо и пригодно было тамъ, можетъ быть не совсѣмъ хорошо и не вполне пригодно для насъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ хорошо шить платье человѣку по мѣркѣ, снятой съ другаго, не подходящаго къ нему ни по росту, ни по породству,—вѣдь такъ сшитое платье нельзя будетъ и надѣть.

Конечно извлечение принциповъ, началъ и нормъ изъ древнихъ каноновъ для благоустроенія нашей современной церковной жизни, дѣло само по себѣ хорошее и совсѣмъ не лишнее, но подъ тѣмъ лишь необходимымъ и обязательнымъ условіемъ, если тщательно и по возможности всесторонне будетъ изучена и русская церковная жизнь въ ея историческомъ прошломъ и современномъ настоящемъ, чтобы всѣмъ было очевидно и понятно, насколько и въ какомъ видѣ нормы, созданныя жизнью другаго народа за тысячу слишкомъ лѣтъ до насъ, дѣйствительно пригодны и приложимы къ нашей жизни. Никакъ нельзя опускать изъ виду и того немаловажнаго обстоятельства, что наша собственная церковная жизнь началась не сей часъ, а имѣетъ свою очень длинную почти тысячелѣтную исторію, въ которой она тоже строила свое церковное управленіе, свои церковныя нормы и отношенія, при которыхъ она жила и дѣйствовала какъ истинная церковь Христова, какъ неразрывная часть православной вселенской церкви, вела ко спасе-

нію во Христѣ души своихъ многочисленныхъ пасомыхъ, вносила свѣтъ Христова ученія въ среду невѣрующихъ племенъ и т. под. Въ виду этого, казалось бы, ближе и естественнѣе начать реформу нашей современной церковной жизни съ изученія именно ея собственнаго прошлаго, и въ немъ прежде всего искать указаній какъ на наши сильныя, такъ и на наши слабыя церковныя стороны, вскрыть истинныя причины этихъ явленій, чтобы избѣгнуть повторенія прежнихъ ошибокъ, и найти вѣрные пути неблагоустроенное замѣнить благоустроеннымъ, отжившее новымъ здоровымъ и сильнымъ, и чтобы въ ней т. е. въ самой же русской церковной жизни найти и развить силы, способныя создать христіански цвѣтущую народную церковную жизнь. Во всякомъ случаѣ при добросовѣстномъ и не тенденціозномъ знакомствѣ съ нашимъ собственнымъ церковнымъ прошлымъ, оно многому и очень многому можетъ научить насъ при реформѣ современной церковной жизни, можетъ предохранить насъ отъ тѣхъ невольныхъ ошибокъ, въ которыя мы иногда впадаемъ единственно только въ силу нашего недостаточнаго знакомства съ нашимъ же собственнымъ прошлымъ.

Къ сказанному слѣдуетъ прибавить и то, что Духъ Святыи, дѣйствовавшій на соборахъ древней Византіи, былъ присущъ и тысячелѣтней почти жизни русской церкви, что Онъ присущъ ей и сей часъ, и что поэтому она, руководясь общимъ духомъ и разумомъ вселенскихъ канонѣвъ, воодушевляемая тѣмъ же вѣчно живымъ и дѣйствующимъ Духомъ Божиимъ, который, конечно, не закончилъ на всегда своей творческой зиждательной дѣятельности на созданномъ имъ въ древней Византіи,—русская церковь и сама можетъ на своихъ соборахъ создавать для себя нужныя, полезныя и необходимыя ей, по условіямъ даннаго времени и обстоятельствъ, церковныя нормы и правила, пусть не всегда и не во всемъ согласныя съ нормами и правилами отжившей древности, но за то согласныя съ ученіемъ Христа и Апостоловъ, съ общимъ духомъ и разумомъ вселенскихъ канонѣвъ, и вполне удовлетворяющія религіозно-церковнымъ нуждамъ и потребностямъ нашей современной жизни. Если бы наша современная церковная жизнь была во всемъ только копіей и точнымъ воспроизведеніемъ жизни древней Византіи, то тогда конечно все созданное для благоустроенія

тогдашней византийской церковной жизни цѣликомъ можно было бы прилагать и къ намъ. Но разъ этого нѣтъ, то и нельзя безъ особаго насилія надъ своею собственною церковною жизнью, и можетъ быть во вредъ ей, только копировать въ своихъ реформахъ отжившую византийскую старину.

Одною изъ самыхъ поучительныхъ для настоящаго времени страницъ родной нашей церковной старины служатъ церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій, которые, по видимому, въ полной мѣрѣ осуществляли собою идею соборнаго церковнаго управленія, а въ тоже время съ замѣчательною наглядностію убѣждаютъ въ томъ, чего нужно избѣгать и что нужно дѣлать, что бы нашъ будущій всероссійскій соборъ былъ истиннымъ настоящимъ соборомъ, а не одною только формою и видимостію собора.

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій можно подраздѣлить на три группы: на соборы *избирательные*, на соборы *неполные* съ ихъ подраздѣленіемъ на меньшіе и большіе, и на соборы въ собственномъ смыслѣ или *истинные*, какъ ихъ иногда называли современники ¹⁾.

---

¹⁾ Встрѣчается еще группа соборовъ, которые въ нѣкоторыхъ актахъ называются *вселенскими*. Такъ въ грамотѣ патріарха Іова (1598 г.) къ казанскому митрополиту Гермогену, объ избраніи царемъ Бориса Годунова, говорится: „и мы, смиренный Іовъ патріархъ московскій и всея Руси, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены съ соборными съ честнѣйшими старцы, и совсемъ освященнымъ *вселенскимъ* соборомъ, и бояре, и князи, и дворяне всякіе, и приказные люди, и діаки, и дѣти боярскіе всѣхъ городовъ московскаго царства, и гости о томъ совѣтовали“. (Собр. госуд. грам. и догов. т. II, № 70, стр. 144). Въ 1614 году послана была къ волжскому казачьему войску соборная грамота отъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, и всего освященнаго *вселенскаго* собора“ (А. Э. III. № 25). Не трудно видѣть, что соборы называются вселенскими потому, что на нихъ были представители всѣхъ классовъ общества, начиная съ духовенства и по возможности представители отъ всѣхъ областей Руси. Соборы эти были не церковными, а занимались дѣлами общегосударственнаго значенія и потому эти вселенскіе соборы правильнѣе называть *земскими*, какими они были въ дѣйствительности. Такой вселенскій соборъ т. е. земскій избиралъ, напримѣръ, на царство Михаила Ѳеодоровича. (Собр. госуд. грам. и дог. т. 1, стр. 619, 628, 631 А. Э. т. р. II, № 7, стр. 19, 24, 28 и др.).

Указанные три группы соборовъ различаются между собою по предметамъ ихъ занятій и по ихъ значенію въ церкви, и только отчасти по своему составу, такъ какъ послѣдній для различныхъ группъ могъ быть, въ извѣстныхъ случаяхъ, одинаковъ, почему составъ собора не всегда можетъ служить точнымъ критеріемъ для отличія одной группы соборовъ отъ другой.

Мы выдѣляемъ прежде всего въ особую группу соборы, которые имѣли свою исключительную задачу выборъ и поставленіе первоіерарха русской церкви, а такъ же выборъ и поставленіе епархіальныхъ архіереевъ, почему и называемъ эту группу соборовъ избирательною. Признать эти соборы особою группою побуждаетъ насъ то обстоятельство, что они были въ дѣйствительности одною лишь формою, не имѣвшею никакого соборнаго содержанія т. е. соборной собственно-дѣятельности, такъ какъ на нихъ не было никакихъ обсужденій и разсужденій, не дѣлалось никакихъ соборныхъ постановленій, не писалось никакихъ соборныхъ актовъ,— это были соборы только по названію. Но это еще не все. На избирательныхъ соборахъ въ дѣйствительности не было никакихъ выборовъ, такъ какъ первоіерарховъ и всѣхъ вообще епископовъ у насъ избиралъ только государь, а не соборъ. Если на дѣло выборовъ, на примѣръ въ патріархи, смотрѣть только чисто съ внѣшней и формальной стороны, то покажется, что въ патріархи какъ будто избиралъ соборъ, такъ какъ сохранились извѣстія, что сначала освященный соборъ избиралъ кандидатовъ въ патріархи, обыкновенно трехъ, а потомъ уже отправлялся къ царю и предлагалъ ему изъ трехъ намѣченныхъ лицъ избрать одно по своему усмотрѣнію. Такой именно характеръ избранія патріарха соборомъ и паремъ повидимому подтверждается нѣкоторыми даже соборными свидѣтельствами. Въ 1665 году патріархъ Никонъ выразилъ желаніе добровольно оставить патріаршество и соглашался на поставленіе ему преемника, если приняты будутъ предлагаемыя имъ условія, между которыми находилось и такое, чтобы его преемникъ былъ избранъ „не по власти міра сего“ т. е. не царемъ, а церковнымъ соборомъ, независимо отъ царя. На это щекотливое предложеніе Никона, хорошо знавшаго дѣло, соборъ епископовъ, созванный для разсмотрѣнія предложеній Никона и составленія на

нихъ отвѣтовъ, сказали слѣдующее: „священный соборъ на сіе отвѣща: яко же древле содѣвашеся о избраніи патріарха московскаго,—царское величество некромѣ священнаго собора избираше, такоже и священный соборъ помощи требоваше у царскаго величества о избраніи патріаршескомъ,— тако и нынѣ: егда благоволитъ Богъ избранію быти святѣйшаго патріарха московскаго; тогда благочестивый царь и священный соборъ *купно* да изберутъ мужа вѣрна, суща въ православіи“ ¹⁾. Отвѣтъ собора очень дипломатиченъ и представляетъ дѣло такъ, что патріархъ всегда избирался „купно“ царемъ и священнымъ соборомъ, при чемъ ни одна сторона при избраніи не перевѣшивала другой. Но неумолимые историческіе факты рѣшительно говорятъ противъ такого идиллическаго представленія о выборѣ у насъ патріарховъ—купно благочестивымъ царемъ и священнымъ соборомъ. Такъ первый патріархъ Іовъ, еще ранѣе собранія церковнаго собора, былъ предъизбранъ государемъ и боярскою думою, и уже въ предварительныхъ съ константинопольскомъ патріархомъ Іеремією переговорахъ выставлялся какъ будущій московскій патріархъ. Собранный же потомъ церковный соборъ, на предложеніе царя избрать патріарха, отвѣтилъ такимъ характернымъ заявленіемъ: „что они (отцы собора) полагаются на волю его—благочестиваго государя“, т. е. соборъ формально отказался отъ выборовъ патріарха, предоставивъ это дѣло исключительно усмотрѣнію и волѣ государя, какъ это всегда потомъ и было. Лжедмитрій низложилъ патріарха Іова и на его мѣсто велѣлъ поставить своего избранника—грека Игнатія. Шуйскій, низвергнувъ Лжедмитрія, низложилъ Игнатія, и на его мѣсто поставилъ патріархомъ своего сторонника—Гермогена. Польская боярская партія низложила Шуйскаго и вмѣстѣ его ставленника патріарха Гермогена, и на мѣсто его снова возвела ранѣе низложеннаго Игнатія, но тотъ скоро совсѣмъ бѣжалъ изъ Москвы. Тогда патріаршій престолъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ оставался не занятымъ, пока не возвратился изъ плѣна отецъ государя Филаретъ Никитичъ, который и сдѣлался патріархомъ. Никонъ, какъ извѣстно, избранъ былъ въ патріархи царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, что подтверждаетъ и слѣдующая современная событію замѣтка; „того жъ (1652) году,

¹⁾ Дѣло о патріархѣ Никонѣ, стр. 245.

іюля въ 25 день, по изволенію Божію и по избранію государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича самодержца всея Русіи з'бояры и со всѣмъ вселенскимъ соборомъ поставленъ бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ патріархи ноугородцкій и великолутцкій митрополитъ Никонъ“ ¹⁾. Соборъ 1660 года постановилъ низложить Никона и немедленно назначить ему преемника, какъ скоро на избраніе новаго патріарха государь дастъ свое богомудрое и преимущественное согласіе съ своимъ преизящнымъ синклитомъ“ ²⁾. Очевидно патріархи избирались только царемъ, который объ этомъ дѣлѣ совѣтывался и съ своимъ преизящнымъ синклитомъ т. е. съ боярскою думою. Впрочемъ соборъ архіереевъ открыто и прямо отказывался отъ выбора патріарха, предоставляя это дѣло исключительно государю, и такъ поступалъ онъ не только въ указанномъ нами случаѣ: при выборѣ перваго патріарха Іова, но и въ послѣдующее время. Когда въ 1672 году умеръ патріархъ Іоасафъ 11-й, то 5 іюля государь велѣлъ, ранѣе имъ созданнымъ въ Москву епископамъ и другимъ властямъ, явиться къ нему въ столовую палату. Когда они пришли, „великій государь изволилъ властямъ говорить, что бы на патріаршескій престолъ избрали они кого всѣмъ освященнымъ соборомъ. И власти, вставъ, великому государю говорили: что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ ты, великій государь, укажешь“. Въ виду такого отвѣта властей государь заявилъ собору, что „мы соблаговоляемъ и соизволяемъ“ быть патріархомъ новгородскому митрополиту Питириму, котораго соборъ и поставилъ въ патріархи. Когда въ 1690 году, 17 марта, умеръ патріархъ Іоакимъ, то 23 августа государи пригласили къ себѣ архіереевъ, архимандритовъ и весь освященный соборъ т. е. бѣлое духовенство: „и великіе государи говорили архіереемъ, о избраніи патріарши. И власти великимъ государемъ говорили: что о такомъ великомъ дѣлѣ какъ они, великіе государи, укажутъ: Государи, посовѣтовавшись съ архіереями, указали на Казанскаго митрополита Адріана, который и былъ поставленъ патріархомъ“ ³⁾.

¹⁾ Чт. общ. ист. и древн. 1905 г. кн. III, смѣсь, стр. 26.

²⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 108.

³⁾ Дворцовые разряды, дополненіе къ 3 му тому, стр. 447 и т. IV, стр. 578.

Понятно почему древне-русскіе епископы даже сами такъ рѣшительно отказывались отъ соборнаго избранія патріарховъ и предоставляли это дѣло всецѣло государю и его боярской думѣ. Московскій патріархъ былъ тогда слишкомъ важное, видное и вліятельное лицо, не только церковное, но и государственное. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ близкихъ къ царю лицъ, съ которымъ государь совѣтывался какъ о дѣлахъ церковныхъ такъ и государственныхъ. Царь и патріархъ видѣлись почти постоянно, такъ какъ царь обязательно присутствовалъ на всѣхъ торжественныхъ патріаршихъ службахъ. Никонъ какъ на одну изъ причинъ неожиданнаго оставленія имъ патріаршаго престола указывалъ на то обстоятельство, что царь не сталъ ходить къ тѣмъ службамъ, которыя совершалъ патріархъ, откуда онъ—Никонъ и заключилъ, что царь на него гнѣвается. Цари очень часто приглашали на свои обѣды патріарховъ, а патріархи царей. Въ Дворцовыхъ разрядахъ постоянно встрѣчаются такія замѣтки: „того жъ дни ѣлъ у государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Русіи святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а съ нимъ власти, а столъ былъ по грановитой палатѣ, а у стола велѣлъ государь быть боярамъ и околничимъ всѣмъ безъ мѣстъ“; или: „того жъ дни ѣлъ у государя святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, а столъ былъ по столовой избѣ“. Такія же записи встрѣчаются когда государь обѣдалъ у патріарха: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всея Русіи, а у стола были бояре и околничіе, всѣ безъ мѣстъ“; или: „того жъ дни государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи ѣлъ у святѣйшаго Никона патріарха московскаго и всея Русіи“¹⁾. При такой такъ сказать постоянной и исключительной личной близости царя и патріарха, при ихъ почти ежедневномъ общеніи естественно было, что кандидата въ патріархи всегда избиралъ царь, избиралъ лицо ему хорошо извѣстное и пріятное. Странно было бы, при такихъ условіяхъ, предо-

---

¹⁾ Дворцовые разряды, т. III, стр. 17, 20, 66, 86, 88, 107, 110, 115, 118, 128, 144, 149, 152, 158, 218, 225, 226, 266, 286, 322, 326, 329, 338, 342, 343, 347 и др.

ставить выборъ въ патриархи собору, а не царю, такъ какъ соборъ могъ выбрать такое лицо, съ которымъ бы царь не могъ и не пожелалъ бы имѣть того постоянного близкаго общенія, какое онъ обычно имѣлъ съ патриархомъ. А это могло бы повести даже къ неожиданнымъ осложненіямъ и столкновеніямъ, какъ это и случилось, когда патриархъ Никонъ разошелся съ царемъ, причемъ недоразумѣнія между царемъ и патриархомъ несомнѣнно неблагоприятно отражались бы на всемъ ходѣ церковныхъ дѣлъ, а въ извѣстной степени и на дѣлахъ государственныхъ. Вообще патриархъ, не пользовавшійся личнымъ расположеніемъ и довѣріемъ государя, не имѣлъ бы, самъ по себѣ, должнаго значенія и вліянія и въ церкви и въ государствѣ. Какъ ненормально тяжело было положеніе патриарха, не пользовавшагося расположеніемъ царя, это хорошо видно изъ тѣхъ горькихъ заявленій, какія своимъ приближеннымъ дѣлалъ патриархъ Іосифъ въ послѣднее время своего патриаршества: „перемѣнить меня, говорилъ онъ, скинуть меня хотятъ; а буде и не отставятъ, я самъ за соромъ объ отставкѣ стану бить челомъ“. При такихъ условіяхъ, очевидно, патриарха могъ избирать не соборъ, а только государь, при томъ изъ лицъ, которыя ему были нужны и которыя ему нравились; собору вмѣшиваться въ это дѣло было неудобно и на его долю только приходилось смиренно заявлять: „что о такомъ великомъ дѣлѣ (выборѣ патриарха) какъ ты, великій государь, укажешь“.

Но если патриарха всегда избиралъ только царь, то что же значать тѣ извѣстія, которыя говорятъ, что кандидаты въ патриархи избирались на соборахъ, а царь избиралъ только изъ числа лицъ, намѣченныхъ соборомъ? Дѣло тутъ происходило, по нашему мнѣнію, такъ: царь, заранѣе намѣтивши извѣстное лицо въ патриархи, сообщалъ объ этомъ, до собранія собора, одному или нѣсколькимъ архіереямъ, которые на соборѣ обязательно и вносили въ число кандидатовъ указанное царемъ лицо, а къ нему, ради соблюденія формальности, присоединяли еще двухъ лицъ, и этихъ трехъ кандидатовъ соборъ представлялъ государю съ тѣмъ, чтобы онъ выбралъ изъ нихъ одного по своему усмотрѣнію. Понятно, что государи всегда избирали то именно лицо, какое они уже ранѣе предназначили въ патриархи, благодаря чему

и получалось такое впечатлѣніе, какъ будто въ патриархи избиралъ соборъ купно съ государемъ, тогда какъ въ дѣйствительности избиралъ только одинъ государь. Все дѣло соборовъ въ этихъ случаяхъ состояло въ томъ, чтобы соборно признать и церковно поставить въ патриархи то именно лицо, которое изберетъ государь.

Не только патриархи, но и всѣ епархіальные архіереи московской Руси тоже избирались не соборомъ, не патриархомъ, не паствою, а государемъ. Извѣстный протопопъ московскаго Казанскаго собора Іоаннъ Нероновъ говорилъ Никону патриарху: „прежде сего совѣтъ имѣлъ ты съ протопопомъ Стефаномъ (царскимъ духовникомъ), и которые совѣтники и любимы были, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда ты былъ въ игуменахъ, и въ архимандритахъ, и въ митрополитахъ. А которые богомольцы *посланны государемъ* блаженные памяти ко Іосифу патриарху, чтобъ ему поставити, *по его государеву совѣту*, оныхъ въ митрополиты, и во архіепископы и епископы, иныхъ въ архимандриты, и игумены и протопопы, а ты съ государемъ духовникомъ протопопомъ Стефаномъ тогда былъ въ совѣтѣхъ и не прекословилъ нигдѣ, а на поставленіи ихъ не говорилъ: „неаксіось, сирѣчь недостойнъ“ ¹⁾. Изъ этихъ словъ Неронова ясно видно, что кандидатовъ на митрополичьи, архіепископскія и епископскія каѳедры, даже кандидатовъ въ архимандриты, игумены и протопопы, конечно на болѣе видныя и вліятельныя мѣста, избиралъ царь, а патриарху только приходилось посвящать указанныхъ или присланныхъ къ нему царемъ лицъ. Про свое время патриархъ Никонъ такъ писалъ константинопольскому патриарху Діонисію: „нынѣ бываетъ (на Руси) вся царскимъ хотѣніемъ: егда повелитъ царь быти собору, тогда бываетъ; и ково велитъ избирати и поставити архіереемъ,—избираютъ и поставляютъ; и ково велитъ судити и обсуждати,—и они судятъ и обсуждаютъ и отлучаютъ“. Въ своихъ отвѣтахъ Паисію Лигариду Никонъ заявляетъ, что царь велитъ избирать и поставлять въ архіереи только тѣхъ, „его жъ любить“ ²⁾. Благовѣщенскаго мо-

¹⁾ Матер. для исторіи раскола, т. I, стр. 110.

²⁾ Записки русск. археол. общ. т. II, стр. 526 — 527. Рукопись нашей акад. библ. № 218, л. 184 об.

сковскаго собора дьяконъ Ѳеодоръ, какъ очевидецъ, рассказываетъ, что въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, ставили въ архіереи на Вологду Симона, игумена Свирскаго монастыря. Его рекомендовалъ царю митрополитъ Крутицкій Павелъ. Во время поставленія Симонъ, при чтеніи имъ Символа вѣры, прочелъ по старому „рожденна, а не сотворенна“. Тогда, рассказываетъ Ѳеодоръ, „не хотѣ его царь поставить во архіепископы; озрѣлся, стоя, на Павла митрополита онаго, и съ яростію пыхнулъ, рекъ: ты мнѣ хвалилъ его; не хочу его азъ! И поиде съ мѣста своего. Павелъ же льстецъ припаде къ нему и рече ему съ клятвою: никакъ, государь, нѣсть въ немъ того, но промолвился. И повелѣша Симону паки символъ глаголати. Онъ же справилъ рѣчь ту по новому реченію, царь же возвратился на мѣсто, и поставиша его во архіепископы“¹⁾. Очевидно выборъ и поставленіе епархіальныхъ архіереевъ въ древней Руси зависѣлъ отъ царя, который могъ остановить даже самый начавшійся актъ церковнаго поставленія, если почему нибудь поставляемое лицо показалось ему неудобнымъ.

Причины почему государи московской Руси держали въ своихъ рукахъ выборъ епархіальныхъ архіереевъ, объясняются тѣмъ особымъ своеобразнымъ положеніемъ, какое епископатъ занималъ въ древней Руси, и которое необходимо ставило его въ полную безусловную зависимость во всемъ отъ государя.

Епископы московской Руси не были только духовными архипастырями, заботившимися о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, но и очень важными, съ обширными правами и полномочіями, государственными чиновниками, управлявшими цѣлыми обширными областями, владѣвшими съ неподчиненными имъ монастырями очень значительными землями и множествомъ крестьянъ, причемъ имъ, на основаніи царскихъ жалованныхъ грамотъ, принадлежала въ ихъ земельныхъ владѣніяхъ власть административная, судебная и финансовая, и царскіе чиновники не имѣли даже права вѣзжать въ архіерейскія владѣнія. Дворъ и вся обстановка архіерея московской Руси напоминали скорѣе владѣтельнаго

---

1) Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 229—239.

князя, чѣмъ смиреннаго духовнаго архипастыря и преемника Апостоловъ, такъ какъ у него, подобно князьямъ, были свои бояре, дѣти боярскіе, дворяне. Цѣлый огромный штатъ разныхъ чиновъ изъ служилыхъ людей постоянно наполнял его дворъ и окружалъ его при всѣхъ входахъ и выходахъ. Въ его распоряженіи, какъ органы его архіерейской власти, были, его собственные бояре, дворецкіе, дьяки, тіуны, десятильники, недѣльщики, праветчики, доводчики, волостели, кравчіе, чашники. Въ старое время у московскаго митрополита былъ даже свой полкъ, который являлся на войну вмѣстѣ съ княжескими войсками и имѣлъ своего особаго—митрополичьяго воеводу. Полкъ новгородскаго владыки составлялъ нѣчто самостоятельное и, кажется, не всегда подчинялся общему главнокомандующему. Подобно владѣтельному князю епископъ московской Руси, чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей, управлялъ не только своимъ домомъ совсѣмъ его обширнымъ и сложнымъ хозяйствомъ, своими обширными землями, судилъ и рядилъ своихъ многочисленныхъ крестьянъ, но чрезъ нихъ же управлялъ и своею громадною епархіею, всѣмъ подчиненнымъ ему духовенствомъ, которое, по отношенію къ своему епархіальному архіерею, было тяглымъ, податнымъ сословіемъ, такъ какъ оно облагалось въ пользу епископа извѣстными податями, которыя собирали съ него архіерейскіе служилые люди, творившіе при этомъ судъ и расправу надъ самымъ духовенствомъ по всѣмъ дѣламъ. Словомъ епископъ московской Руси изъ архипастыря церкви, по всей обстановкѣ и характеру своей жизни и дѣятельности, превратился въ большаго, богатаго и очень властнаго мірскаго чиновника, и притомъ такъ, что чиновникъ почти совсѣмъ затиралъ въ немъ образъ духовнаго архипастыря. Естественно было поэтому, что высшая свѣтская правительственная власть т. е. государь, уступая епископу свои административныя, судебныя и финансовыя права надъ извѣстными землями и крестьянами, дозволяя ему облагать податями въ свою пользу все епархіальное духовенство, судить его во всемъ и управлять имъ, какъ тяглымъ сословіемъ, дозволяя ему, какъ владѣтельному князю, имѣть своихъ собственныхъ бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ и вообще свѣтскихъ служилыхъ людей, приглашая его, какъ важнаго сановника, на засѣданія бояр-

ской думы для рѣшенія мірскихъ государственныхъ дѣлъ,— не могла предоставить выборъ и замѣщеніе каедръ епархіальныхъ епископовъ собору іерарховъ т. е. признать автономной епископскую коллегію, которая бы сама, только по своимъ видамъ и усмотрѣнію, замѣщала угодными ей лицами вакантныя мѣста епископовъ и самую патріаршую каедру. Это бы значило создать изъ епископата, при его тогдашней постановкѣ, такую сильную во всѣхъ отношеніяхъ и тѣсно сплоченную своими интересами правительственную автономную коллегію, которая по своему могуществу и вліянію могла сдѣлаться, въ извѣстныхъ случаяхъ, опасною силою и для государя. Поэтому простое благоразуміе необходимо требовало отъ государей, что бы епископы, наряду со всѣми другими государственными чиновниками, назначались единственно государемъ, во всемъ зависѣли отъ его милости и усмотрѣнія, во всемъ подчинялись ему безусловно. Если епископы очень тяготились этою своею всецѣлою зависимостію отъ свѣтской власти и даже дѣлали попытки освободиться отъ нея, то имъ, очевидно, для достиженія этой цѣли, слѣдовало прежде всего самимъ освободить себя отъ всего, что имъ дала государственная власть, и остаться только при томъ, что имъ дали св. Апостолы т. е. имъ слѣдовало прежде всего перестать быть чиновниками и стать только духовными архипастырями, заботящимися не о мірскихъ выгодахъ, высокоомъ государственномъ положеніи, об исключительныхъ мірскихъ правахъ и привиллегіяхъ, а единственно о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, достигающими своихъ высокихъ христіанскихъ цѣлей не мірскими государственными средствами, а только духовно-нравственнымъ воздѣйствіемъ на своихъ пасомыхъ, вліяя на ихъ совѣсть и убѣжденія мѣрами чисто-духовными, въ духѣ евангельской любви и свободы. Апостолы по отношенію къ своей паствѣ не были „владыками“ и „великими господами“, какъ называли себя древне-русскіе епископы, не были они и чиновниками, надѣленными отъ государей особыми правами и привиллегіями; все это епископы получили не отъ Апостоловъ, а отъ государей, которые поэтому и смотрѣли на нихъ не только какъ на архипастырей, но и какъ на своихъ чиновниковъ, обязанныхъ имъ безусловнымъ повиновеніемъ. Попытка Никона и сочувствовавшихъ ему русскихъ архіе-

реевъ освободиться изъ подъ зависимости свѣтской власти, сдѣлать епископскую коллегію автономною, и даже признать духовную власть высшею, чѣмъ свѣтская, и—въ то же время сохранить за епископами всѣ исторически пріобрѣтенныя ими отъ государей права, всѣ тѣ мірскія выгоды и преимущества, какими ихъ надѣлила та самая мірская государственная власть, противъ которой они возстали,—была, очевидно, совершенно несостоятельная затѣя, по самому своему существу.

Къ сказанному нужно прибавить и то, что московскіе государи, единолично избирая епископовъ, хорошо знали тѣхъ лицъ, которыхъ они назначали на каѳедры. Какъ великіе церковники, наши московскіе государи находились въ постоянномъ общеніи съ разными духовными лицами, особенно настоятелями и властями разныхъ монастырей, изъ которыхъ они обыкновенно избирали архіереевъ. Принимая ихъ у себя, когда они являлись къ нимъ въ извѣстные дни съ поздравленіями и монастырскими подношеніями, присутствуя на торжественныхъ церковныхъ службахъ, въ которыхъ всегда участвовали и монастырскія власти, приглашая ихъ вмѣстѣ съ архіереями къ своему царскому столу въ разныя торжественныя и праздничныя дни, государи имѣли полную возможность лично познакомиться и узнать кандидатовъ въ архіереи и заранѣе намѣчать тѣхъ лицъ, которыхъ они находили болѣе подходящими для занятія архіерейскихъ каѳедръ, которыхъ къ тому же въ древней Руси было очень не много.

Итакъ соборы, названные нами избирательными, которые, предполагается, должны бы были избирать патріарховъ и всѣхъ епархіальныхъ архіереевъ, въ дѣйствительности ихъ вовсе не избирали, а собирались они только для того, что бы торжественно признать царскій выборъ и торжественно посвятить въ патріархи или епископы лицъ, избранныхъ государемъ. Очевидно эти соборы не были соборами въ собственномъ смыслѣ, почему мы и снесли ихъ въ особую группу.

Вторую группу церковныхъ соборовъ московской Руси XVI и XVII столѣтій составляютъ соборы не полные изъ такъ называемыхъ „прилучившихся“ архіереевъ, причемъ эти

соборы подраздѣляются на два вида: на соборы меньшія и большіе.

Неполные соборы составлялись изъ такъ называемыхъ „прилучившихся“ архіереевъ т. е. тѣхъ которые въ данное время случились въ Москвѣ, такъ что нарочитыхъ вызововъ другихъ епархіальныхъ архіереевъ на соборъ въ этихъ случаяхъ не было. „Прилучившіеся“ архіереи однако вовсе не означало того, что архіереи попали въ Москву случайно, по своимъ личнымъ какимъ либо нуждамъ и по своей волѣ. Этого не было и не могло быть. Архіереи древней Руси не смѣли по своему усмотрѣнію оставлять своихъ епархій, и тѣмъ болѣе по своему только желанію появляться и жить въ столицѣ. Они являлись въ Москву обязательно по особому вызову и разрѣшенію государя и патріарха, и только съ ихъ особаго разрѣшенія могли оставить столицу и возвратиться въ свою епархію. „Прилучившимися“ они называются въ томъ смыслѣ, что составъ вызываемыхъ въ Москву архіереевъ чрезъ извѣстные сроки постоянно измѣнялся, и нынѣ „прилучились“ въ Москвѣ одни архіереи, а завтра могли прилучиться уже другіе, смѣнившіе первыхъ, но при этомъ они никогда не были случайными ¹⁾. Терминъ „прилучившіеся“ въ смыслѣ случайности можно еще пожалуй прилагать къ иностраннымъ восточнымъ архіереямъ, которые, пріѣзжая въ Москву за милостынею, нерѣдко надолго оставались въ Москвѣ и здѣсь, особенно со второй половины

¹⁾ Въ 1665 году Никонъ предложилъ свои условія, на которыхъ онъ согласенъ окончательно отказаться отъ патріаршества. Между прочимъ онъ выговаривалъ себѣ право пріѣзжать въ Москву, когда онъ захочетъ. На это священный соборъ, которому поручено было рассмотреть предложенія Никона, отвѣтилъ такъ: „приходити въ царствующій градъ Москву святѣйшему Никону патріарху сиде: первѣе ему о приходѣ своемъ въ царствующій градъ Москву къ великому государю и святѣйшему патріарху московскому писати; какъ и прочіи архіереи о пріѣздѣ своемъ пишутъ. И егда благочестивый государь повелитъ и святѣйшій патріархъ благословитъ, тогда по указу великаго государя и благословенію святѣйшаго патріарха, въ царствующій градъ Москву святѣйшему патріарху Никону приходити. А безъ указу великаго государя и безъ благословенія святѣйшаго патріарха къ Москвѣ ему не приходити“. (Дѣло о п. Никонѣ, стр. 224). Въ одной приказной записи встрѣчается замѣтка, что архіереи являлись въ Москву только по особому царскому повелѣнію, „а самовольствомъ своимъ, безъ царскаго указу и безъ грамотъ, къ Москвѣ они не ѣзживали“. (Н. Виноградова: Церк. соборъ въ Москвѣ 1682 года, стр. 20).

XVII вѣка, приглашались на русскіе соборы, такъ что бывали даже такія случаи, что на нѣкоторыхъ неполныхъ соборахъ иностранные архіереи составляли большинство сравнительно съ русскими.

Необходимость частаго присутствія въ Москвѣ большаго или меньшаго количества епархіальныхъ архіереевъ вызывалась нѣсколькими причинами.

Архіереи древней Руси, вмѣстѣ съ монастырями, были у насъ богатыми землевладѣльцами, и имѣли на своихъ земляхъ много крестьянъ. Они, какъ и другіе помѣщики, должны были съ своихъ земель отбывать разныя государственныя повинности: доставлять даточныхъ людей на войну, доставлять опредѣленные денежные налоги на военныя издержки, доставлять провіантъ на государевыхъ служилыхъ людей, давать нуждающемуся государству займы деньги и т.под. Естественно что государство, когда оно находилось въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ и нуждалось въ помощи и содѣйствіи всей земли, не могло обойтись безъ содѣйствія духовныхъ властей, которыхъ оно всегда и призывало на совѣтъ, вмѣстѣ съ другими представителями земли, на свои земскіе соборы. И такъ какъ земскіе соборы, особенно, на примѣръ, въ первой половинѣ XVII вѣка, были очень часты и продолжались иногда очень долго, то и епархіальные архіереи, являвшіеся на земскіе соборы, понеобходимости должны были подолгу жить въ Москвѣ. И помимо земскихъ соборовъ присутствіе архіереевъ въ Москвѣ всегда признавалось необходимымъ при обсужденіи всѣхъ вообще важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ, такъ какъ архіереи съ монастырями, представляя изъ себя одну изъ крупныхъ финансовыхъ и экономическихъ силъ страны, въ то же время были царскими и всеобщими богомольцами, безъ благословенія и одобренія которыхъ считалось неудобнымъ начинать и совершать какое либо важное общегосударственное дѣло, почему архіереи приглашались не только на земскіе соборы, но и на важнѣйшія засѣданія боярской думы. Даже по такимъ дѣламъ, которыя, по видимому, къ архіереямъ уже не имѣли рѣшительно никакого отношенія, государи однако совѣтовались съ ними. Напримѣръ мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „тогожь числа (30 апр. 1675 г.) былъ у великаго государя, послѣ соборной обѣдни, великій господинъ свя-

тѣйшій Іоакимъ, патриархъ московскій и всея Россіи, со властями въ верху въ передней и сидѣли о посольскомъ дѣлѣ; а пошелъ отъ великаго государя въ восьмомъ часу дни“ 1).

Русскіе государи считали себя обязанными управлять не только дѣлами государственными, но и церковными, руководя ими и направляя ихъ согласно своимъ намѣреніямъ и цѣлямъ. И если въ дѣлахъ государственныхъ они проводили свою волю и свои предначертанія чрезъ боярскую думу, то для проведенія своихъ мѣръ въ церковной сферѣ они желали имѣть, помимо митрополита, а потомъ патриарха, такой органъ, который бы, подобно боярской думѣ, могъ, по мѣрѣ нужды и надобности, функционировать по дѣламъ церковно-религиознымъ, въ качествѣ духовнаго совѣта при нихъ. Для удовлетворенія этой потребности и вызывались въ Москву такъ называемые „прилучившіеся“ архіереи, съ которыми царь могъ всегда посовѣтываться не только по дѣламъ государственнымъ, но и по всѣмъ вопросамъ церковно-религиознымъ.

Присутствія въ Москвѣ нѣсколькихъ архіереевъ требовали и текуція церковныя дѣла, которыя хотя бы и не имѣли общецерковнаго значенія, но не могли однако быть рѣшены властію одного митрополита или патриарха, а только архіерейскою коллегіею, каковы, на примѣръ, всѣ судебныя дѣла надъ епископами.

„Прилучившіеся“ архіереи, вызываемые на извѣстное время въ Москву, во второй половинѣ XVII вѣка получаютъ другое названіе, сохранившееся за ними и въ настоящее время, именно: „чередные“ или очередные. Когда умеръ патриархъ Іоакимъ, то государи „посылаютъ свои царскіе указы по архіереевъ разныхъ градовъ епархій... череднымъ же тогда присутствующимъ архіереомъ, во время жизни и правленія блаженнаго успенія святѣйшаго Іоакима патриарха, и по смерти его оставльшимся и суцимъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ... дабы соборъ, яко архіереи православни и ихъ царскаго пресвѣтлаго величества богомольцы, купно вси сотворили и совѣтъ изнесли“ объ избраніи преемника Іоакиму 2).

1) Дворц. разряды, т. III, стр. 1364—1365.

2) Полн. собр. зак. т. III, № 1381, стр. 70—71.

„Чередные“ епархіальные архіереи вызывались въ Москву всегда по особому указу государя, безъ котораго они ни подь какимъ видомъ не могли явиться въ столицу ¹⁾. Очередной архіерей, прибывъ въ Москву и заявивъ о своемъ пріѣздѣ начальнику большого дворца, въ назначенный ему срокъ прежде всего являлся къ государю или, какъ тогда говорили, былъ „на пріѣздѣ у руки великаго государя“, а затѣмъ являлся къ патріарху, отъ котораго получалъ благословеніе. Въ Дворцовыхъ разрядахъ мы читаемъ; „того жъ году (1675) были на пріѣздѣ, на праздникъ—Богоявленіе въ день, у руки великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима“ Филаретъ митрополитъ нижегородскій и Варсонофій архіепископъ смоленскій. Прослуживъ назначенный срокъ въ Москвѣ, очередной архіерей просилъ государя и патріарха объ отпускѣ въ епархію, и, получивъ его, являлся „на отпускѣ“ къ государю и патріарху. „Того жъ году (1674), декабря въ 26 день, говорятъ дворцовые разряды, пожаловалъ великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, отпустили властей съ Москвы (Корнілія митрополита новгородскаго, Іоасафа митрополита казанскаго и Іону епископа вятскаго) и у руки на отпускѣ у великаго государя и у благословенія святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго и всеа Россіи, были“. Или: „того жъ году (1675), генваря въ „день пожаловали великій государь и святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, отпустили съ Москвы домой Іосифа митрополита резанскаго и муромскаго, къ себѣ на Рязань“. Или: „того жъ числа (24 февр. 1675 г.) пожаловали великій государь и святѣйшій

---

1) Какъ вызывались въ Москву прилучившіеся или очередные архіереи, это хорошо видно изъ слѣдующей записи Дворцовыхъ разрядовъ: „того жъ числа (8 сент. 1674 г.) посланъ, по указу великаго государя, изъ большаго дворца, отъ боярина и оружничего Богдана Матвѣевича, да отъ думнаго дворянина Александра Савостьяновича Хитрово, да отъ думнаго дьяка Федора Михайлова съ товарищи, грамоты: въ Нижній Новгородъ по Филарета, митрополита нижегородскаго и олаторскаго, да въ Бѣлградъ по Мисаила, митрополита бѣлгородскаго и обоянскаго; а святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Росіи, велѣлъ послать къ нимъ же, изъ своего розряду, другую грамоту. И вѣлено быть имъ въ Москвѣ тотчасъ, не мѣшкая; а пріѣхавъ къ Москвѣ, велѣно имъ про себя извѣстить и про свои пріѣзды въ большомъ дворцѣ боярину и оружничему Богдану Матвѣевичу Хитрово съ товарищи“. (т. III, стр. 1008).

Іоакимъ патріархъ московскій и всеа Русіи на отпускѣ: великій государь къ рукѣ, а святѣйшій Іоакимъ патріархъ къ благословенію Симона архіепископа вологодскаго и бѣлозерскаго“ 1).

На какой срокъ вызывались въ Москву очередные архіереи, это видно изъ грамоты государей 1685 года кіевскому митрополиту Гедеону Четвертинскому, утверждающей права и преимущества кіевского митрополита, гдѣ между прочимъ говорится: „а по обыкновенію великороссійскихъ преосвященныхъ митрополитовъ, въ нашъ царствующій градъ Москву на годовое и полугодовое время его не вызывати“ 2). Значить, въ Москвѣ сложился такой обычай, что епархіальныхъ архіереевъ вызывали на очередь или на полгода или на годъ, по истеченіи которыхъ ихъ отпускали въ епархію, а на мѣсто отбывшихъ свою очередь вызывали другихъ. Это подтверждается и тѣми записями, какія дошли до насъ объ участіи очередныхъ архіереевъ въ церковныхъ службахъ въ Москвѣ, изъ которыхъ мы можемъ видѣть: кто, когда и сколько времени изъ епархіальныхъ архіереевъ былъ въ Москвѣ. Къ сожалѣнію такія записи безъ перерывовъ и въ подробномъ видѣ т. е. съ имяннымъ перечисленіемъ служащихъ архіереевъ сохранились только за 1673, 1674 и 1675 года. Но все-таки и онѣ даютъ намъ нѣкоторую возможность, хотя бы отчасти, освѣтить фактически интересующій насъ вопросъ. Въ 1672 году мы встрѣчаемъ въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ: Питирима новгородскаго, Паренія астраханскаго, Иларіона рязанскаго и Филарета нижегородскаго; архіепископовъ: Варсанофія смоленскаго, Стефана суздальскаго и Іосифа коломенскаго и того: семерыхъ очередныхъ архіереевъ. Къ сентябрю 1673 года всѣ они уже оставили Москву и на мѣсто ихъ явились новые, которые и выступаютъ въ церковной службѣ 11-го сентября. Это были митрополиты: Іоакимъ новгородскій, Корнилій казанскій, Іона ростовскій; архіепископы: Іоасафъ тверской и Арсеній псковскій и того: пять архіереевъ. Изъ нихъ Іоакимъ новгородскій 23 іюля 1674 года избирается въ патріархи; второй Корнилій казанскій, переведенный въ Новгородъ, пробылъ въ Москвѣ съ

1) Дворц. разр. т. III, стр. 1156, 1175, 1180, 1246, 1422.

2) Собор. госуд. грам. и догов. т. IV, № 172, стр. 500.

11-го сентября 1673 года до 26 декабря 1674 года,—значить пробыль на очереди годъ и три мѣсяца; Иона ростовскій пробыль въ Москвѣ съ сентября 1673 года по 7 января 1675 года,—значить пробыль въ Москвѣ на очереди годъ и четыре мѣсяца; архіепископы: Иоасафъ тверской пробыль въ Москвѣ съ сентября 1673 г. до начала марта 1674 г. т. е. полгода; Арсеній псковскій пробыль въ Москвѣ съ сентября 1673 г. до начала апрѣля 1674 г. т. е. семь мѣсяцевъ; Симонъ вологодскій, прибывшій въ Москву въ мартъ 1674 г., отпущенъ изъ Москвы 25 февраля 1675 года т. е. пробыль въ Москвѣ на очереди почти годъ; Стефанъ суздальскій прибыль въ Москву 17 августа 1674 года, а уже 21 ноября въ службахъ болѣе не участвуетъ и значить, почемуто былъ отпущенъ изъ Москвы только послѣ трехмѣсячнаго пребыванія въ ней. Что такой краткій срокъ пребыванія архіерея на очереди считался ненормальнымъ, это видно изъ того, что тотъ же Стефанъ; уже чрезъ восемь мѣсяцевъ—въ августѣ 1675 года, снова былъ вызванъ въ Москву на очередь. Иосифъ коломенскій явился въ Москву 1-го сентября 1674 г., а былъ отпущенъ 29 мая 1675 г. т. е. пробыль девять мѣсяцевъ. Иона, епископъ вятскій, помѣчается присутствующимъ въ Москвѣ 17 августа, а 26 декабря былъ уже отпущенъ въ свою епархію и въ Москвѣ значить пробыль съ небольшимъ четыре мѣсяца.

Изъ приведенныхъ данныхъ, какія только сей-часъ доступны намъ (говоримъ за себя), видно, что митрополиты, являясь въ Москву на очередь, проживали здѣсь болѣе года, а архіепископы одни по году, другіе по полгода, а нѣкоторые даже и того менѣе. Значить, показаніе грамоты государей Гедесону Четвертинскому, что въ Москвѣ существуетъ обычай вызывать епархіальныхъ архіереевъ въ Москву на полугодовые и годовые сроки въ существѣ вполнѣ вѣрно, только эти полугодовые и годовые сроки строго не выдерживались, а иногда были нѣсколько длиннѣе, иногда нѣсколько короче, смотря, очевидно, по тѣмъ или другимъ обстоятельствамъ. Но во всякомъ случаѣ самый фактъ вызова епархіальныхъ архіереевъ на очередь въ Москву не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію.

Соблюдался-ли какой-либо разъ строго опредѣленный порядокъ или опредѣленная очередь при вызовѣ епархіаль-

ныхъ архіереевъ въ Москву, по неимѣнію у насъ (говоримъ за себя) данныхъ, сказать не можемъ. Только одно можно замѣтить, что архіереи отдаленныхъ епархій рѣже вызывались въ Москву, чѣмъ ближайшихъ, а сибирскій, напри- мѣръ, архіепископъ, а потомъ митрополитъ, конечно вслѣд- ствіе отдаленности его епархіи, почти и совсѣмъ не вызы- вался въ Москву. Покрайней мѣрѣ мы встрѣчаемъ его въ Москвѣ только два раза.

Относительно промежутковъ времени, чрезъ какія одинъ и тотъ же архіерей призывался на очередь въ Москву, мы можемъ отмѣтить такой фактъ: Филаретъ митрополитъ нижегородскій былъ на очереди въ 1672 году и затѣмъ снова вызванъ въ январѣ 1675 года; Варсанофій архіепископъ смоленскій былъ на очереди въ 1672 году, а въ пер- выхъ числахъ января 1675 года былъ вызванъ вновь; Іосифъ архіепископъ колѣменскій былъ на очереди тоже въ 1672 г., а снова былъ вызванъ въ январѣ 1675 года. Значитъ, всѣ указанные архіереи вызывались на очередь чрезъ два года. Держались-ли этого правила при вызовѣ въ Москву очеред- ныхъ архіереевъ всегда и относительно всѣхъ вообще архі- ереевъ, кромѣ указанныхъ, не знаемъ. Очень возможно, что и всѣхъ другихъ архіереевъ вызывали на очередь не ранѣе какъ чрезъ два года.

Что касается количества вызываемыхъ на очередь архі- ереевъ, то въ этомъ отношеніи не было чего-либо строго опредѣленнаго, число ихъ въ разное время было не одина- ково и постоянно измѣнялось. Такъ лѣтомъ 1672 года въ Москвѣ очередныхъ митрополитовъ было четыре, архіеписко- повъ три, всего—7. Въ 1673 году митрополитовъ было три, архіепископовъ два, всего—5. Въ 1674 года, до 12 апрѣля, составъ очередныхъ архіереевъ оставался тотъ же, что и въ 1673 году; но съ 12 апрѣля 1674 года уходитъ одинъ архі- епископъ, такъ что архіереевъ очередныхъ остается въ Москвѣ только—4. 19 апрѣля новгородскій митрополитъ Іо- акимъ дѣлается патріархомъ, такъ что очередныхъ остается два митрополита и одинъ архіепископъ, всего—3. 17 августа появляется новый митрополитъ, новый архіепископъ и одинъ епископъ, всего становится—6. 1-го сентября появляется еще новый архіепископъ и всѣхъ становится—7. 14 сентября появляется еще новый очередной митрополитъ и всѣхъ ста-

новится—8. 21 ноября уходит одинъ архіепископъ, а 26 декабря сразу отпускаютъ двухъ митрополитовъ и епископа, такъ что всѣхъ очередныхъ остается—4. Января 6-го 1675 г. являются вновь одинъ митрополитъ и одинъ архіепископъ, но за то 7-го января отпускается въ епархію одинъ митрополитъ, а около 12 числа другой, такъ что всего остается—4. Но 7 февраля является новый митрополитъ и всего становится—5. Очевидно количество очередныхъ архіереевъ въ Москвѣ было въ разное время не одинаково и постоянно измѣнялось: иногда число доходило до восьми, а иногда падало даже до трехъ.

Постоянною обязанностію и занятіемъ проживавшихъ въ Москвѣ очередныхъ архіереевъ было, кромѣ участія въ соборныхъ засѣданіяхъ, совершеніе торжественныхъ церковныхъ службъ, по назначенію патріарха. Каждый архіерей являлся въ Москву съ своимъ собственнымъ протодіакономъ и съ своимъ хоромъ пѣвчихъ. Когда они назначались совершать службы въ разные соборы, монастыри и приходскіе церкви (въ ихъ престольные праздники), тогда обыкновенно пѣлъ хоръ архіерея, который первенствовалъ на службѣ 1).

1) Въ Дворцовыхъ разрядахъ мы, напримѣръ, читаемъ такія частыя записи: „того жъ числа (1-го сент. 1674 г.) служили власти: въ соборной и апостольской церкви: святѣйшій Іоакимъ патріархъ московскій и всеа Русіи, да съ нимъ власти: Іона, митрополитъ ростовскій и ерславскій, Іосифъ, митрополитъ резанскій и муромскій, Симонъ, архіепископъ вологодскій и бѣлоозерскій, Стефанъ, архіепископъ суздальскій и юрьевскій, Іосифъ, архіепископъ коломенскій и каширскій, Іона, епископъ вятцкій и великопермскій, да архимандриты и игумены и протопопы: а пѣли пѣвчіе и подъяки патріарши. У Благовѣщенія: Корнилей, митрополитъ новгородскій и великолудцкій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да ключари благовѣщенскіе съ соборомъ: а пѣли пѣвчіе и подъяки новгородскіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ: Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ вознесенской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подъяки крутицкіе. У архангела Михаила: Іоакимъ, епископъ сербословенскій, да съ нимъ игумень, да протопопъ архангельской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подъяки сербо-славянскіе“. Или: „того жъ году сентября въ 4 день, праздновалъ великій государь государыни царевны и великой княжны Марѣи Алексѣевны ангелу; а выходу великому государю не было и государю царевичу въ соборную и апостольскую церковь. А служили: въ соборной и апостольской церкви святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Россіи, да съ нимъ власти: Корнилей, митрополитъ новгородскій и великолудцкій, а съ нимъ архіепископъ Симонъ вологодскій и бѣлоозерскій, Стефанъ архи-

Торжественныя службы въ Москвѣ тогда были очень часты: торжественно служили въ дни рожденій и именинъ государя, государыни и всѣхъ членовъ царской семьи; по умершимъ служили заупокойныя и поминавенныя службы, и всѣ такія службы заканчивались обыкновенно торжественными царскими обѣдами, на которыхъ присутствовать архіереямъ было обязательно. Торжественными службами праздновали всѣ церковные праздники, не только общіе, но частные храмовые, такъ что службъ набиралось очень и очень много. Къ этимъ частымъ службамъ присоединились еще очень частые крестные ходы, въ которыхъ обязательно участвовали назначаемые въ нихъ очередные архіереи. Самовольно, безъ назначенія патріарха, архіерей никогда въ Москвѣ служить не могъ. Но все-таки и въ тѣ дни, когда онъ нигдѣ не служилъ по назначенію, для него обязательно было присутствовать на всѣхъ церковныхъ службахъ въ соборѣ, гдѣ былъ патріархъ, и уклоненіе отъ этой обязанности могло вызвать порицаніе со стороны патріарха. Въ Дворцовыхъ

епископъ суздальскій и юрьевскій, Іосифъ архіепископъ коломенскій и коширскій, да архимандриты, и игумены, и протопопы; а пѣли пѣвчіе и подьяки патріарши. У архангела Михаила служилъ Іона, митрополить ростовскій и ерославскій, да съ нимъ архимандриты и игумены, да протопопъ архангельской съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки ростовскіе. Въ Вознесенскомъ монастырѣ служилъ Павелъ, митрополить сарскій и подонскій, да съ нимъ архимандриты, и игумены, да протопопъ вознесенскій съ соборомъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки крутицкіе. У Спаса на Новомъ служилъ Іосифъ, митрополить резанскій и муромскій, да съ нимъ архимандрить спасской; а пѣли пѣвчіе и подьяки резанскіе. У Николы у Столпа служилъ Іона, епископъ вятцкій и великопермскій, да съ нимъ игумень, да никольской священникъ; а пѣли пѣвчіе и подьяки вятцкіе“ (т. III, стр. 976, 981—982, 995, 1005, 1017, 1046, 1051, 1084, 1110; 1228 и др.).

Тогдашніе москвичи, любители торжественныхъ архіерейскихъ службъ, громогласныхъ протодьяконовъ и церковныхъ пѣвчихъ, переходя изъ одного храма въ другой, могли наслаждаться и торжественными службами разныхъ архіеревъ, и голосами знаменитыхъ протодьяконовъ, и пѣніемъ хоровъ различныхъ епархіальныхъ архіереевъ, воспитывая и развивая свой вкусъ въ этой области. Очевидно и современная всѣмъ извѣстная любовь и пристрастіе москвичей къ торжественнымъ архіерейскимъ службамъ, къ крестнымъ ходамъ, къ громоподобнымъ протодьяконамъ и къ церковнымъ хорамъ, явились не сей-часъ, а воспитывались вѣками,—корни ихъ прочно заложены были еще въ древней до петровской Руси.

разрядахъ мы встрѣчаемъ такую замѣтку: „того жъ числа (8 авг. 1675 г.) указаль святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Русіи, Стефану, архіепископу суздальскому и юрьевскому, ѣздить въ соборную церковь къ себѣ безпрестанно, а служить ему, архіепископу, безъ своего благословенія святительскаго не указаль“ 1).

Несомнѣнно, что отбываніе епархіальными архіереями своей очереди въ царствующемъ градѣ Москвѣ, было для нихъ обязанностію очень тяжелою. Въ Москвѣ епархіальный архіерей находился подъ постояннымъ, очень бдительнымъ и крайне стѣснительнымъ для него надзоромъ патріарха и свѣтскаго правительства, онъ долженъ былъ соразмѣрять здѣсь каждый свой шагъ и поступокъ, чтобы какъ нибудъ не вызвать неудовольствія, а то и прямо замѣчанія начальства. Большая часть его времени была занята очень длинными, утомительными церковными службами, крестными ходами, дѣловыми засѣданіями, парадными обѣдами,—уклоняться отъ исполненія всѣхъ этихъ обязанностей онъ не имѣлъ возможности. Въ своей епархіи „великій господинъ“, неограниченный „владыка“ и безконтрольный распорядитель не только своихъ личныхъ поступковъ и дѣятельности, но жизни и дѣятельности множества подчиненныхъ ему и зависящихъ отъ него лицъ, въ Москвѣ онъ становился въ подчиненное зависимое положеніе, и не могъ сдѣлать ни одинаго самостоятельнаго шага;—великій господинъ дома, въ Москвѣ превращался въ очень маленькаго господина, обязаннаго заискивать и угодничать предъ сильнѣйшими и большими его господами; ему въ Москвѣ приходилось въ морозъ, по часу и по два дожидаться на крыльцѣ, пока большій его владыка и великій господинъ велитъ впустить его въ свою переднюю. Епархіальный очередной архіерей прекрасно понималъ, что пребываніе въ Москвѣ было для него экзаменомъ, искусомъ, который онъ долженъ во чтобы то ни стало пройти съ успѣхомъ, чтобы не испортить своей архіерейской карьеры. Естественно, что очередной епархіальный архіерей напрягалъ въ Москвѣ всѣ свои силы, пускалъ входъ все свое умѣнье, чтобы съ успѣхомъ выдержать экзаменъ и благополучно возвратиться въ свою епархію. Вѣроятно боль-

1) Т. III, стр. 1591.

шинство епархіальныхъ архіереевъ ѣхало въ Москву не особенно охотно; но зато, исполнивъ успѣшно хлопотливую и тяжелую повинность, съ удовольствіемъ спѣшило возвратиться въ свои епархіи.

Когда и какъ сложился и развивался у насъ институтъ „чередныхъ“ епископовъ, которыхъ мы отождествляемъ съ „прилучившимися“, не знаемъ, но несомнѣнно онъ существовалъ уже въ XV вѣкѣ. Первый въ Москвѣ, поставленный независимо отъ константинопольскаго патріарха митрополитъ—Іона, въ своей прощальной грамотѣ владимірскому и берестійскому епископу Данилу, говоритъ: „мы простихомъ его и благословихомъ, съ всѣми нашими дѣтми и съ служебники, съ архіепископомъ и епископы рускими нашими митрополія, *елиции въ сіе время прилучишася при насъ*“¹⁾. Потребность имѣть въ Москвѣ хотя бы не многихъ очередныхъ архіереевъ для совѣтовъ и рѣшенія возникавшихъ разныхъ церковныхъ дѣлъ, которыя не могъ рѣшить одинъ митрополитъ или патріархъ, была такъ естественна и настоятельна, въ виду особыхъ территоріальныхъ условій древней Руси, что къ этому средству правительство должно было прибѣгнуть очень рано. Русскія епархіи занимали тогда собою огромныя пространства, многіе изъ нихъ были крайне далеки отъ столицы, дороги въ то время были чрезвычайно плохи, а въ нѣкоторыя времена года и совсѣмъ непроѣзжны. Чтобы архіерею болѣе или менѣе отдаленной епархіи попасть въ Москву съ цѣлою свитою и даже хоромъ пѣвчихъ, требовалось много сборовъ, хлопотъ, времени, и то только подъ условіемъ, что состояніе пути допускаетъ поѣздку. Въ виду этаго обсужденіе неожиданно возникавшихъ и требовавшихъ немедленнаго или во всякомъ случаѣ скораго рѣшенія дѣлъ, не могло бы состояться при указанныхъ условіяхъ, приходилось и дѣла неотложныя отлагать на очень долгое время, пока вызванные епархіальные архіереи, получивъ предварительное извѣщеніе, могутъ пріѣхать въ Москву. Всѣ эти неудобства и неизбѣжныя затрудненія, которыя могли иногда имѣть серьезныя неблагоприятныя послѣдствія для правильнаго и безпрепятственнаго теченія дѣлъ, уничтожались сами собою, когда въ Москву

1) Русск. истор. библ. т. VI, стр. 589.

стали, болѣе или менѣе правильно, вызывать очередныхъ архіереевъ. Мы не можемъ сказать, когда этотъ обычай сложился окончательно и сталъ дѣйствовать непрерывно, такъ что мѣнявшіеся въ своей очереди архіереи всегда, безъ перерывовъ, въ томъ или другомъ количествѣ, находились въ Москвѣ. Одно только несомнѣнно, что къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка, этотъ обычай уже окончательно сложился и дѣйствовалъ вплоть до учрежденія Св. Синода. Вѣроятно дѣло шло такъ: сначала очередные архіереи, конечно изъ ближайшихъ епархій, вызывались въ Москву только въ особыхъ случаяхъ и, по рѣшеніи ими извѣстныхъ дѣлъ, возвращались въ свои епархіи и немедленно не замѣнялись другими, вновь вызываемыми архіереями, такъ что между ихъ вызовами въ Москву были, смотря по обстоятельствамъ, болѣе или менѣе продолжительные промежутки. Но съ теченіемъ времени жизнь все болѣе усложнялась, все настоятельнѣе и чаще являлась потребность въ соборахъ прилучившихся епископовъ, и они все чаще и чаще стали появляться въ Москвѣ, пока наконецъ не пришли къ мысли постоянно имѣть въ Москвѣ нѣсколькихъ епархіальныхъ архіереевъ, удерживая ихъ на болѣе или менѣе продолжительное время. А чтобы надолго однихъ и тѣхъ же архіереевъ не отрывать отъ ихъ епархій, стали вызывать на извѣстные сроки по очереди: нынѣ однихъ, завтра другихъ, и такимъ образомъ къ семидесятымъ годамъ XVII вѣка прилучившіеся архіереи превратились въ очередныхъ. Значить, у насъ до Петра 1-го самой практикой церковной жизни уже создано было особое церковно-правительственное учрежденіе, ведущее текуція церковныя дѣла и состоящее изъ нѣсколькихъ вызываемыхъ на извѣстные сроки въ Москву епископовъ т. е. создано было нѣчто вродѣ Св. Синода. Въ виду этаго думать, что Петръ, учреждая Синодъ, сдѣлалъ въ церковномъ управленіи что-то у насъ невиданное, новое, небывалое, имъ сочиненное чуть не по иновѣрному иностранному образцу, есть чистое недоразумѣніе, основанное на недостаточномъ ознакомленіи съ своею собственною церковною стариною; въ дѣйствительности Петръ, учреждая Синодъ, взявъ, извѣстнымъ образомъ приспособилъ и узаконилъ то, что уже ранѣе существовало, что создано было нашею же собственною церковною жизнію.

Соборы изъ прилучившихся или очередныхъ архіереевъ занимались разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ только текущихъ дѣлъ, не имѣвшихъ общецерковнаго характера и значенія, они не устанавливали общецерковныхъ нормъ, неиздавали распоряженій, касающихся всей церкви, не рѣшали вопросовъ вѣры и благочестія, а только обсуждали и рѣшали относительно частныя случаи, входившія въ специальную архіерейскую компетенцію, почему эти соборы по большей части состояли изъ однихъ только епископовъ и только иногда, по особымъ обстоятельствамъ, къ нимъ присоединяли еще нѣсколько архимандритовъ, игуменовъ и представителей бѣлаго духовенства. На этихъ соборахъ разсматривались и рѣшались дѣла главнымъ образомъ касающіяся проступковъ и неправильныхъ дѣйствій какъ самихъ епископовъ, такъ и разныхъ членовъ клира, почему на такіе соборы можно смотрѣть какъ на высшее судебное духовное учрежденіе, только дѣйствовавшее не постоянно, а по временамъ; причемъ когда судился епископъ,—архимандриты, игумены и бѣлое духовенство на соборѣ не присутствовали, когда судился низшій членъ клира, и притомъ чѣмъ либо выдающійся и популярный, на соборѣ, кромѣ епископовъ, приглашались еще архимандриты, игумены и бѣлое духовенство. На этихъ соборахъ царь лично не присутствовалъ, не присутствовали на нихъ и члены боярской думы, но царь имѣлъ на нихъ своихъ представителей—кого либо изъ своихъ бояръ и дьяка.

Соборы изъ прилучившихся епископовъ, съ половины XVII вѣка, нерѣдко называются въ документахъ, да и сами себя называютъ „преосвященный соборъ“, „святительскій соборъ“, „архіерейскій соборъ“, „архіерейское собраніе“, причемъ всѣ эти названія имѣютъ въ виду выразить одну и ту же мысль, что такой соборъ въ большинствѣ случаевъ составлялся изъ однихъ архіереевъ, и потому былъ соборомъ неполнымъ, ненастоящимъ, такъ какъ, съ одной стороны, на немъ не было всѣхъ архіереевъ страны, съ другой — ему не доставало необходимыхъ членовъ настоящаго собора: монашества, бѣлаго духовенства и мірянъ.

„Преосвященные“ или неполные соборы древней Руси были нѣчто въ родѣ нынѣшняго св. Синода, состоящаго тоже не изъ всѣхъ архіереевъ, а только изъ вызываемыхъ на очередь и потому постоянно мѣняющихся. Но между ними было

и важное различіе, какъ въ учрежденіи судебномъ. Всѣ судебныя рѣшенія Синода, какъ высшей инстанціи, есть окончательныя и обжалованію не подлежатъ; тогда какъ судебныя рѣшенія древне-русскаго собора изъ прилучившихся епископовъ были не окончательныя. Недовольный ихъ рѣшеніемъ, находя, что оно неправильно и не законно, всегда могъ апеллировать къ другому, такъ называемому большому собору, который обязанъ былъ пересмотрѣть вновь все дѣло, и постановить свое рѣшеніе независимо отъ состояшагося ранѣе. Этотъ другой—большій соборъ образовывался обыкновенно такимъ образомъ, что къ прежнему составу собора изъ прилучившихся епископовъ, чрезъ особый царскій вызовъ, присоединяли нѣсколько новыхъ архіереевъ и, смотря по лицу и важности обвиненія, къ архіереямъ присоединяли еще иногда нѣсколькихъ представителей изъ бѣлаго и чернаго духовенства. Этотъ-то второй соборъ, съ увеличеннымъ составомъ членовъ, и назывался, по отношенію къ первому—меньшему, „большимъ“ соборомъ, „совершеннымъ соборомъ“, а иногда даже „великимъ соборомъ“, и представлялъ изъ себя высшую судебную инстанцію, куда апеллировали лица не довольныя рѣшеніемъ перваго—меньшаго собора.

О раздѣленіи неполныхъ соборовъ на меньшія и большія, въ смыслѣ низшей и высшей судебной инстанціи, мы находимъ прямыя и ясныя указанія. „Въ нынѣшнемъ, господа, 7171 году (1663 г.), іюля въ 17 день, посланы вы (газскій митрополитъ Пайсій Лигаридъ и астраханскій архіепископъ Юсеифъ) отъ великаго государя и отъ насъ—*всего преосвященнаго собора* въ Воскресенскій монастырь къ бывшему патріарху Никону говорить, что вѣдомо учинилось великому государю и намъ—*преосвященному собору*“, что Никонъ будто-бы проклиналъ царя. „И нынѣ намъ—*преосвященному собору*... вѣдомо учинилось“, что Никонъ не хотѣлъ выслушать посланныхъ „отъ великаго государя и отъ насъ—*преосвященнаго собора*“. „И мы, преосвященный соборъ, сихъ ради всѣхъ дерзновеній его (Никона) вышеписанныхъ, приговорили, что ему, Никону патріарху, быти въ Воскресенскомъ монастырѣ, въ который онъ самъ, оставя патріаршество, пришелъ своею волею, не исходну до *совершеннаго собору*. А и *большому собору* утребилось быти его же ради *Никонова дерзновенія*, что

онъ Никонъ, бывшій патріархъ, ни во что вѣтнилъ прежде бывшее собраніе архіерейское о его патріаршемъ оставленіи“ 1). Или напрімѣръ: „въ прошломъ во 168 году (1660 г.), по божественному повелѣнію благочестивѣйшаго государя, собравшися преосвященный соборъ въ богохранимый царствующій градъ Москву, и снідохомся въ крестовую патріаршу палату: митрополити, архіепископи и епископи. И въ то время великій государь прислалъ къ намъ, преосвященному собору, обыскныя рѣчи съ бояриномъ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, да съ думнымъ діакомъ Алмазомъ Ивановымъ, о Стефанѣ, архіепископѣ суздальскомъ, по челобитію и извѣту того же суздальскаго града соборнаго попа Никиты, и чтобъ намъ по тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ правильно объ этомъ Стефанѣ архіепископѣ поразсудить; и у того дѣла великій государь указалъ съ нами, архіереями, бытъ боярину своему Петру Михайловичу Салтыкову, да думному діаку Алмазу Иванову. И тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы соборныя съ бояриномъ и діакомъ слушали, и по тѣмъ обыскамъ и рѣчамъ познали“, что архіепископъ Стефанъ попомъ Никитою оклеветанъ. И тогда т. е. въ 1660 году преосвященный соборъ въ виду того, что архіепископъ Стефанъ „возненавидѣнъ того града людьми“, перевелъ его изъ суздальской епархіи въ Москву, въ Архангельскій соборъ, а попъ Никита за клевету подвергнутъ былъ запрещенію. Но въ 1661 году, февраля 5-го, архіепископъ Стефанъ „ту соборную архангельскую церковь оставилъ, и въ ней служить не сталъ самовольно. И въ нынѣшнемъ 171 году (1661 г.), мая въ 26 день, по указу великаго государя преосвященный соборъ: Лаврентій митрополитъ казанскій и свѣяжскій, Питиримъ митрополитъ сарскій и подонскій, Паисій митрополитъ газскій, Θεодосій митрополитъ сербской земли вершацкій, Филаретъ архіепископъ смоленскій и дорогобужскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій и муромскій, Иосифъ архіепископъ астраханскій и терскій,

1) Подъ этимъ соборнымъ дѣяніемъ собственноручно подписались: Лаврентій митрополитъ казанскій, Θεодосій митрополитъ вершацкій, Филаретъ архіепископъ смоленскій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, Симеонъ архіепископъ сибирскій, Нектарій архіепископъ погоянинскій и Александръ епископъ вятскій. Значитъ соборъ состоялъ изъ однихъ епископовъ. Это дѣло и слѣдующе приводимое нами о суздальскомъ Стефанѣ взято нами изъ одной архивной выписки.

Нектарій архієпископъ погоніатскій, Александръ епископъ вятскій и великопермскій—въ крестовой патріарховой палатѣ Стефана архієпископа допрашивали“, почему онъ не сталъ служить и самовольно оставилъ архангельскій соборъ? На это архієпископъ отвѣчалъ: „потому-де я не служу у архангельскія соборныя церкви, что—де я отъ своего престола, къ которому поставленъ сперва—въ Суздаль, изгнанъ, и то ея ради скорби никогда въ ней съ чистою совѣстію не служилъ, и впредь въ той церкви за тѣмъ же не могу служить до совершеннаго собора“. Преосвященный соборъ приговорилъ архієпископа Стефана на житье въ монастырь, какой укажетъ государь. Черезъ нѣсколько времени архієпископъ Стефанъ подалъ государю челобитную, въ которой объясняетъ, что за ослушаніе государю „и святительскаго собора приговору“, онъ сосланъ въ ростовскій Борисо - Глѣбскій монастырь, „подъ запрещеніемъ отъ святительскаго собору“ и теперь, въ виду его тяжкой болѣзни, проситъ дать ему отъ собора разрѣшеніе. Съ своей стороны суздальскій попъ Никита, запрещенный соборомъ за ложный извѣтъ на архієпископа Стефана въ 1666 году подавалъ государю о разрѣшеніи челобитную, въ которой запретившій его соборъ называетъ „*архіерейскимъ соборомъ*“ 1).

Чтобы лучше видѣть, что такое были у насъ соборы меньшіе и большіе, приведемъ нѣсколько фактическихъ данныхъ. Въ 1653 году патріархъ Никонъ собралъ соборъ для суда надъ протопопомъ московскаго Казанскаго собора Іоанномъ Нероновымъ. На соборѣ, кромѣ предсѣдателя, патріарха Никона, были архіереи, архимандриты, игумены, протопопы и священники, такъ что соборъ былъ очень разнообразнаго состава. Соборъ произнесъ запрещеніе на Неронова и сослалъ его на смиреніе въ монастырь. Но Нероновъ счелъ себя не правильно осужденнымъ и публично сталъ заявлять—въ челобитныхъ царю, царицѣ, въ письмахъ къ царскому духовнику и всюду, что Никонъ осудилъ его неправильно, пристрастно, незаконно. Тогда патріархъ Никонъ, въ виду протестовъ Неронова, въ 1656 году собралъ на него новый—большій соборъ, на которомъ, кромѣ самаго Никона, были: антиохійскій патріархъ Макарій, пять митрополитовъ,

1) Матер. для исторіи раск. т. I, стр. 379.

изъ нихъ два иностранца, четыре архіепископа и одинъ епископъ, восемнадцать архимандритовъ, десять игуменовъ, восемь протопоповъ и, кромѣ того, говоритъ соборное дѣяніе, „священники и діакони мнози, еoliko ихъ случися быти“. Этотъ новый—большій, чѣмъ въ 1653 году, соборъ на Неронова, поясняетъ соборное дѣяніе, созванъ въ силу 12 правила антиохійскаго собора, „глаголющему сиче: изверженъ бывъ изъ сана, аще притужаетъ церкви, возвѣщая о себѣ, да проситъ къ большому собору приступити и судитися: и каковъ судъ ти изнесутъ нань, въ томъ да пребываетъ. Аще же и потомъ противу глаголетъ, да не имать оправданія. Толкованіе: Аще который епископъ, или пресвитеръ, или діаконъ, изверженъ бывъ отъ сана соборомъ, и мнитъ, яко безъ правды изверженъ бысть, се правило не возбраняетъ, но паче повелѣваетъ ему къ большому собору приступити и судитися, и отъ того исправитися, въ нихъ же мнится правъ быти, на превращеніе изнесеннаго нань суда отъ собора того“ 1). 18 декабря 1664 года патріархъ Никонъ не ожиданно прибылъ изъ Воскресенскаго монастыря въ Москву, явился, во время службы, въ Успенскій соборъ, гдѣ мѣстоблюститель патріаршаго престола, ростовскій митрополитъ Іона, принялъ отъ него благословеніе. По поводу этаго поступка митрополита Іоны, который, по заявленію государя, „до большаго собора сообщенія съ нимъ (Никономъ) не долженъ имѣть“, по повелѣнію царя 22 декабря, въ патріаршей крестовой палатѣ, собрался соборъ „изъ прилучившихся“ въ то время въ Москвѣ митрополитовъ: Павла сарскаго, Паисія газскаго, Космы амасійскаго, Макарія гревенскаго, Феодосія сербскаго и архіепископа погоянинскаго Некторія. Соборъ этотъ временно отстранилъ митрополита Іону отъ мѣстоблюстительства патріаршаго престола и даже совершенія службъ, но въ то же время призналъ, что окончательное рѣшеніе этаго дѣла требуетъ созванія большаго собора. Дѣйствительно 10 февраля 1665 года, по дѣлу митрополита Іоны, собрался новый—большій соборъ изъ одиннадцати архіереевъ, на которомъ Іона принесъ покаяніе въ своемъ простукѣ, оставленъ былъ по прежнему митрополитомъ ростовскимъ, но лишенъ былъ званія патріаршаго мѣстоблюстителя 2). Въ 1660 году госу-

1) Ibid. стр. 124—133.

2) Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 161—163, 175—177.

дарь собралъ соборъ, чтобы окончательно рѣшить вопросъ о Никонѣ и выборѣ ему преемника. На этомъ соборѣ, въ качествѣ присутствовавшихъ членовъ подписалось 16 архіереевъ, между которыми были три греческихъ и одинъ сербскій, 29 архимандритовъ, 13 игуменовъ, 5 протоповъ и старецъ Епифаній Славинецкій. Кромѣ подписавшихся на соборѣ были конечно и другія лица, которыя не подписывались подъ соборными дѣянiями. Соборъ, значить, былъ очень многочисленный и разнообразный по своему составу. Продолжался онъ очень долго, именно; открытъ былъ 17 марта, а закончился 14 августа т. е. тянулся почти пять мѣсяцевъ. На немъ подробно изслѣдовано было все дѣло оставленiя Никономъ патриаршей каѳедры, дѣлались и русскими и греческими архіереями выписки изъ всевозможныхъ правилъ примѣнительно къ случаю, и наконецъ соборъ пришелъ къ единодушному рѣшенiю на мѣсто Никона избрать и немедленно поставить новаго патриарха. Это свое рѣшенiе члены собора ради торжественности подписали въ Успенскомъ соборѣ въ присутствiи царя и всего царскаго синклита 1). Такимъ образомъ этимъ соборомъ, который собственно былъ судомъ надъ Никономъ, послѣднiй былъ признанъ виновнымъ въ своевольномъ оставленiи патриаршей каѳедры и потому соборно присужденъ былъ къ лишенiю патриаршества, а на его мѣсто рѣшено было немедленно избрать новаго патриарха. Но Никонъ не призналъ правильнымъ состоявшимся о немъ соборнаго постановленiя, рѣшительно и энергично, заявлялъ, что соборъ 1660 года не имѣлъ права судить его, что это былъ не соборъ, „а сонмище іудейское“, какъ выражался онъ, такъ какъ судить его—Никона имѣетъ право только константинопольскій патриархъ, а не подчиненные ему и, въ большинствѣ, имъ же поставленные русскіе епископы. Этотъ протестъ Никона царь принужденъ былъ признать заслуживающимъ полнаго вниманiя, и потому требующимъ созванiя новаго—большаго собора для окончательнаго суда надъ Никономъ т. е. призналъ, что должна быть образована новая высшая судебная инстанція для суда надъ Никономъ, которая вновь разсмотритъ все дѣло и такъ или иначе порѣшитъ его окончательно. Въ силу такого положе-

1) Ibid. стр. 109.

нія дѣла приговоръ собора 1660 года о лишеніи Никона патріаршества и немедленномъ избраніи на его мѣсто другаго лица, не былъ приведенъ въ исполненіе, а отложенъ до созванія новаго—большаго собора, на который, какъ извѣстно, приглашены были греческіе восточные патріархи. Въ ихъ присутствіи, въ 1666 году, и состоялся большій, сравнительно съ 1660 годомъ, соборъ, который вновь пересмотрѣлъ все дѣло Никона и окончательно осудилъ его, послѣ чего немедленно былъ избранъ и поставленъ новый патріархъ, преемникъ Никона. Значить въ дѣлѣ суда надъ Никономъ соборъ 1660 года, несмотря на свой очень большой и разнообразный составъ, игралъ роль низшей судебной инстанціи, соборъ же 1666 года съ восточными патріархами, роль высшей апелляціонной инстанціи, одинъ былъ меньшимъ, другой сравнительно съ нимъ большимъ. Поэтому названіе собора 1666 — 1667 года, на которомъ присутствовали восточные патріархи, большимъ соборомъ, какъ его обыкновенно называютъ, неправильно. Это *не большій соборъ, а большій*. Но большій соборъ, покончивши судебное дѣло, по поводу котораго онъ созывался, могъ потомъ, если былъ полного состава, заниматься и рѣшеніемъ всѣхъ другихъ уже общецерковныхъ имѣвшихся тогда дѣлъ т. е. изъ высшей судебной инстанціи онъ превращался въ истинный или настоящій соборъ.

Третью группу церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій составляли соборы въ собственномъ смыслѣ, соборы „истинные“, какъ иногда называли ихъ въ отличіе отъ соборовъ изъ однихъ епископовъ. Такъ Іоаннъ Нероновъ въ 1654 году изъ Спасо-Каменнаго монастыря писалъ государю: „молимъ тя, о христіюбивый царю, изволи собору быть, и отъ писанія свидѣтельству положену быти,—*собору же истинному, а не сонмище іудейско: не единымъ бо архіереомъ подобаетъ собратися, но и священно-архимандритомъ, и священно-игуменомъ, и протопопомъ, и священно-инокомъ, іереомъ и діакономъ, вѣдущимъ до конца божественное писаніе, также же и въ мірѣ живущимъ и житіе добродѣтельное проходящимъ всякаго чина людемъ, поискати же лѣпо, государь, и въ пустыни живущихъ иноковъ, искусныхъ отецъ, науку имѣющихъ отъ божественнаго писанія, паче же житія ради добродѣтельнаго и чистоты и дарованію сподобившихся отъ*

Бога, да же споспѣшествуютъ намъ, государь, не точію слова, но и молитвы ихъ, ко исправленію православныя на-
шея христіанскія вѣры, да же истинна свѣтлѣе солнца явится.
Тебѣ же, государю, яко превеликому столпу, ту предсѣдѣти
и всѣхъ зрѣти“ ¹⁾).

Такимъ образомъ „истинный соборъ“, въ противополож-
ность состоящему изъ однихъ архіереевъ, долженъ состоять,
по взгляду Неронова, выражавшему пониманіе лучшей тог-
дашней Руси, изъ предсѣдателя царя, изъ архіереевъ, изъ
архимандритовъ, игуменовъ и иноковъ, изъ протопоповъ,
священниковъ и діаконовъ, изъ мірянъ, ведущихъ добро-
дѣтельную жизнь, и изъ пустынниковъ, извѣстныхъ свято-
стію своей жизни. Нельзя отказать этому взгляду на составъ
истиннаго собора ни въ широтѣ, ни въ вѣрности пониманія
идеи истинной церковной соборности.

Въ дѣйствительности составъ истинныхъ церковныхъ со-
боровъ XVI и XVII столѣтій не всегда былъ одинаковъ:
иногда они были полнѣе и разнообразнѣе по составу, иногда
же составъ ихъ значительно сокращался, такъ что на нихъ
не участвовали даже всѣ наличные епархіальные архіереи.
Но настоящій соборъ никогда не состоялъ изъ однихъ архі-
ереевъ, на немъ обязательно, кромѣ архіереевъ, были пред-
ставители монашества, бѣлаго духовенства и нерѣдко мі-
рянъ, помимо самого государя, который почти всегда при-
сутствовалъ на этихъ соборахъ, и если не на всѣхъ его за-
сѣданіяхъ, то обязательно на первомъ, такъ какъ такіе со-
боры открывались обыкновенно самимъ царемъ.

Чтобы составить себѣ представленіе о составѣ того или
другаго собора, обыкновенно берутъ соборные акты или дѣя-
нія и, на основаніи имѣющихся на нихъ подписей, дѣлаютъ
заключеніе: сколько и какія именно лица присутствовали
на извѣстномъ соборѣ. Дѣло тутъ заключается въ слѣдую-
щемъ.

Соборныя дѣянія обыкновенно скрѣплялись собственно-
ручною подписью присутствовавшихъ на соборѣ лицъ, при
чемъ въ случаяхъ, казавшихся особенно важными, сами
члены собора подчеркивали то обстоятельство, что, въ знакъ
крѣпости и незыблемости принятыхъ соборныхъ рѣшеній,

---

¹⁾ Матер. для исторіи раскола т. I стр. 66.

всѣ они собственноручно подписываются подъ ними. Такъ соборное дѣяніе 1660 года о необходимости немедленнаго избранія преемника Никону говоритъ: „да сіе соборное дѣяніе твердо, крѣпко и незыблемо будетъ, сего ради мы, *весь священный соборъ*... нашими руками согласно подписахомся“ ¹⁾. И дѣйствительно подъ соборнымъ дѣяніемъ 1660 года собственноручно подписались всѣ бывшіе на немъ архіереи, архимандриты, игумены, старецъ Епифаній Славинецкій и соборные протопопы. Въ 1674 году, 3-го декабря, патріархъ Іоакимъ составилъ соборный приговоръ: гдѣ и какія службы могутъ отправлять въ Москвѣ вдовы священники, „и тотъ приговоръ свой закрѣпилъ своею рукою и властямъ тоже указалъ къ тому приговору руки приложить“ ²⁾. На соборѣ 1682 года архіереи заявляютъ: „мы есми готови, не отреченнаго же ради нашего соборнаго совѣщанія, отвѣты *вси* руками нашими подписахомъ“. Какое важное значеніе придавалось подписанью подъ соборными постановленіями всѣхъ присутствующихъ лицъ, когда постановленія собора считались имѣющими особую общественную важность, это видно изъ земскаго собора (порядки котораго были тѣ же, что и соборовъ церковныхъ) 1682 года объ уничтоженіи мѣстничества, на которомъ присутствовало и высшее духовенство. На этомъ соборѣ „о святомъ Духѣ отцу своему и богомольцу, великому господину святѣйшему Іоакиму, патріарху Московскому и всея Россіи, и преосвященнымъ митрополитамъ и архіепископамъ, и своимъ государевымъ боярамъ и окольничимъ и думнымъ людямъ изволилъ онъ, великій государь, говорить: сего боголюбезнаго и всему нашему царствію доброполезнаго дѣла на вѣчное непремѣнное укрѣпленіе, изволяемъ мы, великій государь, наша царскія десницы приписаніемъ утвержденіе учинити; такожде и вы бѣ, святѣйшій патріархъ, и всѣ архіереи и наши бояре и окольничіе и думные люди то дѣяніе руками своими подписали. А которые выборные стольники, стряпчіе, дворяне московскіе и жильцы, и городовые дворяне жъ и дѣти боярскіе отъ всѣхъ чиновъ челобитье доносили, и тѣ бѣ потому жъ руками своими приписали“ ³⁾.

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 109.

²⁾ Дворц. разр. т. III, стр. 1122.

³⁾ Собор. госуд. грам. и догов. т. IV, стр. 405—406.

Но уже тотъ фактъ, что архіереи нарочито подчеркиваютъ, что подъ соборными постановленіями они подписались всѣ, тотъ фактъ, что царь нарочито требуетъ, что бы подъ соборнымъ дѣяніемъ подписались всѣ, показываетъ, что обычно подъ соборными дѣяніями подписывались далеко не всѣ присутствующіе, что это не было всегдашнимъ, всѣми принятымъ и обязательно неизмѣнно исполняемымъ обычаемъ. Кто и какъ подписывался на соборахъ и кто вовсе не подписывался, это прекрасно видно изъ заключительныхъ словъ дѣяній земскаго собора 1566 года, собраннаго по поводу возникшаго вопроса о продолженіи войны съ Польшею, такъ какъ порядки земскихъ соборовъ въ общемъ были тождественны съ порядками соборовъ церковныхъ. Здѣсь говорится: „и мы, государевы богомольцы, архіепископы и епископы, на чемъ есмь государю своему и великому князю совѣтъ свой дали, и мы къ сей грамотѣ, къ своимъ рѣчемъ, руки свои приложили и печати привѣсили. А мы — архимандриты игумены и старцы — къ сей грамотѣ, къ своимъ рѣчемъ, руки свои приложили. А мы государя своего и великаго князя бояре, и окольнічіе, и приказные люди, и діаки къ сей грамотѣ государю своему царю и великому князю крестъ цѣловали и руки свои приложили. А мы — князата и дѣти боярскіе и дворяне — на сей грамотѣ, на своихъ рѣчехъ, государю своему крестъ цѣловали. А — мы гости и купцы — на сей грамотѣ государю своему царю и великому князю на своихъ рѣчехъ крестъ цѣловали“ 1). Такимъ образомъ оказывается, что подъ дѣяніями собора архіереи привѣсили свои печати и руки свои приложили; архимандриты, игумены и старцы только подписались, а печатей не привѣшивали. Бояре, окольнічіе, приказные люди и дьяки крестъ цѣловали и подписывались. Всѣ же прочіе члены собора, очень многочисленные, но не родовитые и не чиновные, ограничились только крестнымъ цѣлованіемъ, а рукъ своихъ къ соборнымъ дѣяніямъ не прикладывали.

Съ подобнымъ же явленіемъ мы встрѣчаемся и въ церковныхъ соборахъ т. е. и здѣсь далеко не всѣ члены собора и не всегда подписывались подъ соборными дѣяніями; въ большинствѣ случаевъ довольствовались подписями важнѣй-

1) Собр. госуд. грам. и дог. т. I, № 192, стр. 554.

шихъ членовъ собора—архіереевъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ очень не рѣдкихъ, къ нимъ присоединялись подписи: архимандритовъ, игуменовъ, въ XVI вѣкѣ подписи соборныхъ монастырскихъ старцевъ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ монастырей, а въ XVII вѣкѣ подписи нѣкоторыхъ протопоповъ, по большей части московскихъ кремлевскихъ соборовъ.

Подъ дѣянiями церковныхъ соборовъ никогда не подписывались присутствовавшіе на нихъ мірскіе лица: бояре, окольничіе и думные люди, хотя они, какъ увидимъ, были столь же равноправными членами соборовъ, какъ и архіереи. Никогда не подписывались подъ соборными дѣянiями члены такъ называемаго „освященнаго собора“, когда подъ нимъ разумѣлось бѣлое духовенство или клиръ вообще, исключая соборныхъ протопоповъ, которые, какъ „нарочитые мужи“, начиная съ XVII вѣка, стали подписываться подъ дѣянiями нѣкоторыхъ соборовъ, отдѣлившись отъ остальнаго клира—священниковъ и діаконовъ.

Подъ нѣкоторыми соборными дѣянiями мы не находимъ подписей архимандритовъ и игуменовъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда они несомнѣнно присутствовали на соборахъ, о чемъ заявляютъ самыя соборныя дѣянiя. Ихъ подписей мы не встрѣчаемъ въ большинствѣ случаевъ подъ тѣми соборными дѣянiями, въ которыхъ всѣ присутствовавшіе архіереи названы поименно съ обозначеніемъ ихъ каедръ, тогда какъ о другихъ членахъ собора сказано только вообще и безлично, что, кромѣ поименованныхъ архіереевъ, присутствовали еще архимандриты, игумены и освященный соборъ, подъ которымъ, при такихъ перечисленіяхъ присутствующихъ, всегда разумѣется бѣлое духовенство. Напримѣръ соборный актъ 1503 года, о не взиманіи мзды съ священнослужителей за хиротонію, говоритъ о составѣ членовъ собора такъ: „мы Іоаннь, Божією милостію государь всея Русіи и великій князь, и сынъ мой князь великій Василій Ивановичъ всея Русіи, поговоря съ Симономъ митрополитомъ, и со архіепископомъ Генадіемъ Великаго Новгорода и Пскова, и съ Нифонтомъ епископомъ суздальскимъ иторускимъ, и Пратасьемъ епископомъ резанскимъ и муромскимъ, и съ Васьяномъ епископомъ тѣрьскимъ, и съ Никономъ епископомъ коломенскимъ, и съ Трифономъ епископомъ сарьскимъ и

поддонскимъ, и съ Никономъ епискупомъ перьмскимъ и вологодскимъ, и со архимандриты, и со игумены, и со всѣмъ священнымъ соборомъ.... уложили есмь и укрѣдили“ ¹⁾. Подъ этимъ соборнымъ дѣяніемъ подписались одни лично указанные архіереи, а подписей безличныхъ архимандритовъ, игуменовъ и представителей бѣлаго духовенства не имѣется, хотя они и присутствовали на соборѣ. Буквально тоже самое явленіе мы встрѣчаемъ и относительно подписей подъ дѣяніями собора 1503 — 1504 годовъ о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ. Точно такъ же и на соборѣ 1564 года, о бѣломъ кlobукѣ, присутствовавшіе архіереи указаны поименно, между тѣмъ какъ архимандриты и игумены упомянуты безлично, почему и подъ соборными дѣяніями подписались только одни архіереи, подписей же архимандритовъ и игуменовъ, присутствовавшихъ на соборѣ, во лично не поименованныхъ, нѣтъ ²⁾. На оборотъ подъ тѣми соборными дѣяніями, которыя поименно называютъ не только присутствовавшихъ архіереевъ, но и архимандритовъ и игуменовъ, обыкновенно подписываются не одни архіереи, но и архимандриты и игумены, ранѣе названные по именамъ. Такъ на соборѣ 1572 г. о признаніи четвертаго брака царя Ивана Васильевича, по именно перечислены всѣ присутствовавшіе архіереи, архимандриты и игумены и подписи ихъ мы находимъ подъ соборнымъ дѣяніемъ ³⁾. Въ уложенной грамотѣ 1589 года объ учрежденіи въ Россіи патріаршества говорится: „а на соборѣ, и на избраніи, и на поставленіи патріарше, и на всемъ соборномъ уложеніи были“, и за тѣмъ поименно перечисляются всѣ бывшіе архіереи, архимандриты, игумены, соборные старцы, и къ этому поименному перечисленію прибавлено безличное указаніе „и весь освященный соборъ“. А для укрѣпленія, говоритъ грамота, царь велѣлъ къ соборнымъ дѣяніямъ привѣсить свою печать, патріархи и всѣ другіе архіереи „печати свои приложили и руки свои приписали, а архимандриты, и игумены, и соборные старцы руки свои приписали“. Освященный соборъ—клиръ рукъ своихъ неприкладывалъ ⁴⁾. Въ дѣяніяхъ собора 1649 года о едино-

¹⁾ А. э. т. I, № 382.

²⁾ А. и. т. I, № 173.

³⁾ А. э. т. I, № 284.

⁴⁾ Собр. госуд. грам. и дог. т. II, № 59.

гласіи перечисляются всѣ присутствовавшіе на соборѣ архіереи, архимандриты, игумены, а также и протопопы и подписи перечисленныхъ мы находимъ подѣ соборнымъ дѣяніемъ ¹⁾. На соборѣ 1654 года о книжныхъ исправленіяхъ точно также поименно перечислены всѣ присутствовавшіе архіереи, архимандриты, игумены и протопопы, и всѣ они подписались подѣ соборнымъ дѣяніемъ ²⁾. Здѣсь, какъ и на предшествующемъ соборѣ 1649 года о единогласіи, протопопы выдѣлены въ отдѣльную группу отъ остальнаго клира, который при перечисленіи присутствующихъ только безлично упоминается вслѣдъ за протопопами „и весь освященный соборъ“ и, какъ безличный, не подписывается подѣ соборными дѣяніями. Точно также и на соборѣ 1656 года, противъ Іоанна Неронова, поименно перечисляются и потому подписываются подѣ соборнымъ дѣяніемъ, не только архіерей, но и архимандриты, игумены, протопопы ³⁾. На соборѣ 1666 года кромѣ архіереевъ, перечисленныхъ поименно, хотя и присутствовали „отъ прочихъ чиновъ нарочитіи мужи: архимандриты, игумены и протопопы“, но такъ какъ они не указаны поименно, а только вообще т. е. безлично, то и подѣ соборными дѣяніями нѣтъ ихъ подписей, — подписались одни архіереи ⁴⁾.

Но если въ соборныхъ дѣяніяхъ и перечисляются иногда поименно почти всѣ присутствовавшіе на соборѣ лица, то и изъ этихъ перечисленныхъ лицъ далеко не всѣ подписывались подѣ соборными дѣяніями. Такъ было, на примѣръ, на земскомъ соборѣ 1566 года по вопросу о продолженіи войны съ Польшей, гдѣ между боярами, присутствовавшими на соборѣ, и подававшими свое мнѣніе вмѣстѣ съ другими, въ числѣ подписавшихся однако не встрѣчается слѣдующихъ бояръ: князя Івана Бѣльскаго, князя Михаила Воротынскаго, Василия Юрьева, Василия Данилова, Василия Юрьевича Малаго, Семена Яковля, царскаго казначея Курцева и печатника Висковатаго, который впрочемъ подаль отдѣльное мнѣ-

---

¹⁾ Статья С. А. Вѣлюкурова: Дѣяніе московскаго церковнаго собора 1649 г. (Чт. общ. ист. и древн. 1894 г. кн. IV.).

²⁾ Дѣянія собора 1654 г. изд. Братства св. Петра.

³⁾ Матер. для ист. раск. т. I, стр. 124—133.

⁴⁾ Ibid. т. II, стр. 144 и 207.

ніе ¹⁾. Подъ уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича не подписались 25 присутствовавшихъ при его ставленіи членовъ и пять дьяковъ, а всего—30 человекъ ²⁾. Съ подобнымъ же явленіемъ, т. е. что не всѣ присутствовашіе на соборѣ и „нарочитые мужи“, лично поименные въ началѣ соборныхъ дѣяній, обязательно подписывались подъ соборными дѣянiями, мы встрѣчаемся и на церковныхъ соборахъ. Такъ на соборѣ 1580 года, разсуждавшаго о церковныхъ земляхъ, значатся присутствующими на соборѣ, но не подписавшимися подъ соборными дѣянiями слѣдующія лица: казанскій архимандритъ Германъ, московскій богоявленскій игумень изъ за Торгу Авраамій, антоньевскій игумень изъ Великаго Новгорода Іосифъ, печерскій изъ Пскова игумень Сильвестръ, прилуцкій игумень съ Вологды Іоакимъ, игумень троицкій Павлова монастыря Иванъ, глушецкій игумень Адрианъ, никитскій изъ Переяславля Никонъ, колоцкій изъ Можайска Евѣимій, изъ троицы - Сергіева монастыря старцы: Леонидъ, Измайло Сназинъ, Іосифова монастыря старецъ Измайло ³⁾. На соборѣ 1589 года объ учрежденіи у насъ патріаршества, значатся присутствующими, перечисленные по именамъ, архимандриты, игумены, монастырскіе старцы—всего 52 человекъ. Но подъ соборной уложенной грамотой ихъ подписались только 18 человекъ, а остальные: 10 архимандритовъ, 16 игуменовъ и 8 старцевъ—всего 32 человекъ не подписались ⁴⁾. На соборѣ 1649 года о единогласіи присутствовали, но подъ его дѣянiями не подписались игумены: угрѣшскій, даниловскій и донской, а также протопопъ архангельскаго собора Никифоръ. То же явленіе встрѣчается и на другихъ церковныхъ соборахъ.

Было бы совершенно ошибочно смотрѣть на не подписавшихся подъ соборными дѣянiями, какъ на протестантовъ; какъ на несогласныхъ съ тѣми или другими соборными постановленіями. Причины, почему нѣкоторые лица, присутствовавшіе на соборѣ, не приложили однако своихъ рукъ подъ соборными дѣянiями, были совершенно другія, а никакъ не протестъ противъ соборныхъ постановленій.

¹⁾ Собр. госуд. грам. и дог. т. I, № 192.

²⁾ Лашкина, земскіе соборы древней Руси, стр. 217.

³⁾ Собр. госуд. грам. и дог. т. I, № 202.

⁴⁾ Собр. госуд. грам. и дог. т. II, № 59.

Прежде всего нужно имѣть въ виду слѣдующее обстоятельство: соборныя нѣкоторыя засѣданія продолжались довольно продолжительное время—по нѣскольку мѣсяцевъ. Вызванные на соборъ церковныя чины, оторванные отъ своихъ занятій и обязанные проживать въ Москвѣ, не играя къ тому же на соборѣ никакой активной роли, естественно стремились поскорѣе воротиться домой, и потому при первомъ удобномъ случаѣ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, спѣшили оставить Москву, напередъ выражая полное согласіе со всѣмъ, что бы ни постановилъ соборъ, такъ что къ концу длительныхъ соборныхъ засѣданій нѣкоторые изъ второстепенныхъ членовъ собора, конечно съ разрѣшенія государя, оставляли Москву, почему ихъ подписей и нѣтъ подъ соборными дѣяніями, на которыхъ они значатся присутствующими. Съ другой стороны много членовъ собора оставляло Москву въ промежутокъ времени между окончаніемъ соборныхъ засѣданій и составленіемъ оффиціального соборнаго дѣянія, такъ какъ на соборныхъ засѣданіяхъ велись записи преній, рѣчамъ и мнѣніямъ, высказываемымъ на соборѣ, которыя подвергались обработкѣ, какъ матеріаль для составленія оффиціального соборнаго дѣянія, которое потомъ давалось для подписи членамъ собора. А для всего этаго требовалось необходимо иногда довольно много времени. Въ этотъ, иногда довольно длинный промежутокъ времени, между послѣдними засѣданіями собора и окончательнымъ составленіемъ его дѣяній, многіе второстепенные члены собора оставляли Москву и возвращались домой къ своимъ прерваннымъ обычнымъ занятіямъ, къ исполненію своихъ прямыхъ постоянныхъ обязанностей, не ставя своей подписи подъ соборными дѣяніями. Правительство, съ своей стороны, не имѣло причинъ удерживать ихъ въ Москвѣ до тѣхъ поръ, пока окончательно составлены будутъ соборныя дѣянія, такъ какъ не придавало подписямъ лицъ низшихъ іерархическихъ ранговъ особаго значенія и легко обходилось безъ нихъ.

Итакъ, на земскихъ соборахъ подписывались подъ соборными постановленіями только лица высшихъ привилегированныхъ классовъ, стоящихъ на верху служебной лѣстницы, низы же только цѣловали крестъ, какъ знакъ своего согласія съ соборными постановленіями, не прикладывая къ нимъ

своихъ рукъ. Но даже и изъ привилегированныхъ лицъ подписывались иногда не всѣ изъ присутствовавшихъ на соборѣ. Точно такъ же и на церковныхъ соборахъ подписывались далеко не всѣ изъ присутствовавшихъ на нихъ лицъ. Такъ, подъ ихъ дѣянiями никогда не подписывались присутствовавшiе на нихъ бояре, окольничiе и думные люди, или такъ называемый царскiй синклитъ; никогда не подписывались затѣмъ члены бѣлаго духовенства, исключая почетныхъ протопоповъ. Мы видѣли, что нерѣдко подъ соборными дѣянiями не подписывались и присутствовавшiе на соборахъ „честнiи архимандриты и преподобнiи игумены“, или, если когда они и подписывались, то не всѣ, а только нѣкоторые. Тоже нужно сказать и о монастырскихъ соборныхъ старцахъ и о протопопахъ. Все это показываетъ, что въ древней Руси совсѣмъ не считали нужнымъ имѣть подъ соборными дѣянiями подписи всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ лицъ, а считали достаточнымъ подписи хотя и не многихъ, но за то важнѣйшихъ лицъ, какими всегда признавались епископы. Только подпись присутствовавшихъ на соборѣ архiereевъ подъ соборными дѣянiями считалась обязательною, а подписи другихъ лицъ могли быть и не быть, — сущность дѣла отъ этого не мѣнялась. Очевидно епископскiя подписи служили выраженiемъ согласiя съ соборными постановленiями всего вообще духовенства, хотя бы подъ ними другихъ подписей кромѣ архiereйскихъ и не было. Правда, мы имѣемъ два случая, когда даже не всѣ присутствовавшiе на соборахъ архiereи подписались подъ соборными дѣянiями. Такъ на соборѣ 1580 года въ числѣ присутствовавшихъ архiereевъ значится: Корнелiй епископъ юрьевскiй и вилянской, Теодоритъ епископъ сарскiй и подонскiй, но подписей ихъ подъ соборными дѣянiями нѣтъ. Точно также на соборѣ 1589 года, объ учрежденiи патрiаршества, присутствовали, но не подписались подъ уложенной грамотой: митрополитъ новгородскiй и архиепископъ нижегородскiй. Несомнѣнно однако, что отсутствiе подъ соборными дѣянiями подписей указанныхъ iерарховъ, было явленiемъ исключительнымъ и чисто случайнымъ, такъ какъ на всѣхъ другихъ соборахъ всѣ присутствовавшiе архiereи, обязательно до своего отъѣзда изъ Москвы, подписывались подъ соборными дѣянiями, о чемъ всегда заботились сами госу-

дари, которые не допускали разъѣзда архіереевъ съ Москвы прежде, чѣмъ они не подпишутся подъ соборными дѣянiями.

Изъ сказаннаго о подписяхъ подъ церковными соборными дѣянiями само собою слѣдуетъ, что отъ этихъ подписей дѣлать заключенiя о составѣ собора, о числѣ присутствовавшихъ на соборѣ лицъ, было бы крайне ошибочно. Подписи говорятъ только за то, что подписавшіеся дѣйствительно присутствовали на соборѣ, но вовсе не говорятъ за то, чтобы на соборѣ, кромѣ подписавшихся, не присутствовали и другія лица, разныхъ общественныхъ ранговъ и положенiй, лица можетъ быть болѣе многочисленныя, чѣмъ подписавшіеся.

На всякомъ „истинномъ“ или настоящемъ соборѣ XVI и XVII вѣка присутствовалъ всегда царь, открывавшій соборъ, которому принадлежала главная руководящая роль на соборѣ, о чемъ мы скажемъ подробно ниже. На соборѣ обязательно присутствовали по возможности всѣ епископы страны. Они были главными дѣятелями въ соборныхъ обсужденiяхъ и рѣшенiяхъ и всѣ они обязательно подписывались потомъ подъ соборными дѣянiями. За епископами слѣдовали обыкновенно архимандриты и игумены важнѣйшихъ монастырей и въ разномъ для разныхъ соборовъ количествѣ, смотря потому, откуда и сколькихъ настоятелей монастырей пожелаетъ вызвать царь. Подъ дѣянiями нѣкоторыхъ соборовъ находятся ихъ подписи; но и на тѣхъ, подъ которыми ихъ подписей нѣтъ, они всегда присутствовали, о чемъ прямо говорятъ самыя соборныя дѣянiя. Ни одинъ соборный актъ, или какой либо документъ, не говоритъ, что бы когда либо и какой либо архимандритъ и игумень выступали съ чѣмъ либо на соборѣ и что нибудь заявляли на нихъ,— это были всегда соборные молчальники, не игравшіе на соборахъ никакой активной роли, значеніе ихъ на соборахъ было чисто декоративное. Въ XVI вѣкѣ въ числѣ членовъ соборовъ изъ чернаго духовенства встрѣчаются иногда такъ называемые монастырскіе соборные старцы, вызывавшіеся на соборъ изъ нѣкоторыхъ (впрочемъ двухъ—трехъ) важнѣйшихъ монастырей. Подъ дѣянiями нѣкоторыхъ соборовъ (1581 г. и 1589 г.) есть даже ихъ подписи. Въ XVII вѣкѣ монастырскихъ старцевъ на соборахъ мы болѣе не встрѣча-

емъ конечно потому, что ихъ нестали болѣе вызывать на церковные соборы. Монастырскіе соборные старцы никакой активной роли на соборахъ не играли, ихъ значеніе было чисто декоративное. Кромѣ соборныхъ монастырскихъ старцевъ на соборахъ иногда присутствовали другаго рода старцы, выдавшіеся строгою подвижническою жизнію, особыми духовными дарованіями, а иногда ученостію и вообще образованностію. Такъ на соборахъ присутствовали старцы: Паисій Ярославовъ, Ниль Сорскій, Іосифъ Волоколамскій, Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій. Послѣднимъ двумъ царь Алексѣй Михайловичъ поручалъ составлять акты дѣяній нѣкоторыхъ соборовъ. Съ своей стороны царь Иванъ Васильевичъ сильно желалъ имѣть на соборѣ противъ Башкина старца Максима Грека и даже писалъ ему отъ себя особую пригласительную грамоту на соборъ, но Максимъ рѣшительно отказался присутствовать на соборѣ. Этого рода старцамъ на соборахъ принадлежала очень активная роль, о чемъ скажемъ ниже.

На всѣхъ истинныхъ или настоящихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій помимо чернаго духовенства всегда присутствовали и представители духовенства бѣлаго—протопопы, священники и діаконы и вообще члены клира, какъ необходимая составная часть истиннаго собора. Подъ дѣяніями нѣкоторыхъ соборовъ мы встрѣчаемъ подписи присутствовавшихъ на нихъ протопоповъ. Такъ сохранились подписи протопоповъ подъ дѣяніями соборовъ: о единогласіи въ 1649 году, собора 1654 года о книжныхъ исправленіяхъ, собора 1656 года объ изданіи исправленнаго Потребника ¹⁾, собора того же года противъ Неронова, собора 1660 года о судѣ надъ Никономъ. На дѣяніяхъ нѣкоторыхъ соборовъ подписей протопоповъ нѣтъ, но за то въ самыхъ соборныхъ дѣяніяхъ прямо говорится, что на соборѣ присутствовали и протопопы. Такъ на соборѣ 1551 года царь говорилъ, что на соборъ онъ собралъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ. На соборѣ 1554 года противъ Башкина, Артемія, Висковатаго были, кромѣ архіереевъ, архимандриты, игумены и „священные протопопы“ ²⁾. На соборѣ 1647 года, составив-

1) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 9—10.

2) А. Э. т. I, № 239. Чт. общ. ист. и древн. 1847 г. № 3: Московскіе соборы на еретиковъ XVI вѣка.

шемъ постановленіе о почитаніи воскресныхъ и праздничныхъ дней, какъ это видно изъ грамоты патріарха Іосифа въ Горицкій монастырь, кромѣ патріарха, архіереевъ архимандритовъ и игуменовъ, были и протопопы ¹⁾. На соборѣ 1653 года, собранномъ Никономъ для суда надъ Нероновымъ, протопопы присутствовали ²⁾. Соборъ 1666 года говоритъ о себѣ, что на немъ, кромѣ архіереевъ, присутствовали „и отъ прочихъ чиновъ нарочитіи мужи: архимандрити, и игумени и протопопы“ ³⁾. Въ числѣ членовъ собора 1667 года прямо называются между другими и протопопы ⁴⁾. Соборное разрѣшеніе Сильвестра Медведева состоялось въ присутствіи не только архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ, но „и священнопресвитеровъ и всего священнаго клира“ ⁵⁾.

Что вмѣстѣ съ протопопами на соборахъ присутствовали и другіе члены клира, на это имѣются прямыя указанія въ самыхъ актахъ нѣкоторыхъ соборныхъ дѣяній. Такъ на столбовомъ соборѣ, говорятъ его дѣянія, присутствовали не только протопопы, но „и попы“. На соборѣ 1653 года, противъ Неронова, были архіереи, архимандриты, игумены „со протопопы и іереи“. Кромѣ того на этомъ же соборѣ присутствовалъ патріаршій архидіаконъ Григорій „съ своими совѣтниками“, причемъ Григорій съ совѣтниками даже вмѣшивался въ судебныя соборныя пренія, чѣмъ очень возмущался Нероновъ ⁶⁾. На соборѣ 1656 года противъ Неронова были не только протопопы, но „къ симъ же и священники и діакони мнози, елико ихъ случися быти“. На соборѣ того же 1656 года объ учрежденіи архіерейскихъ каедръ въ Смоленскѣ и Вяткѣ и о печатаніи новоисправленнаго Потребника, присутствовали, кромѣ архіереевъ, архимандритовъ и игуменовъ „и прочіи священнаго причта“ ⁷⁾. На соборѣ по поводу разрѣшенія Сильвестра Медвѣдева присутствовали кромѣ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ“ и священнопротопресвитеры со всѣмъ священнымъ клиромъ“.

1) А. Э. т. IV, № 324.

2) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 45

3) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 207.

4) Матер. для ист. раск. т. II, стр. 170.

5) А. И. т. V, № 194.

6) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 45, 49, 128.

7) Матер. для ист. раск. т. I, стр. 11.

Правда о присутствіи клира въ большинствѣ соборныхъ дѣяній прямо во все не упоминается, чаще упоминаются, какъ мы видѣли, только протопопы. Но это потому, что протопопы тогда причислялись „къ нарочитымъ мужамъ“, почему они иногда даже подписывались подъ соборными дѣяніями. Но что и другіе члены клира—соборные и приходскіе священники и діаконы, тоже присутствовали на соборахъ, это не подлежитъ сомнѣнію, только они, какъ не привилегированныя лица, не причислявшіяся къ нарочитымъ мужамъ, выдѣлялись въ особую безличную группу, обычно обозначаемую въ соборныхъ актахъ терминомъ „весь освященный соборъ“.

Терминъ „освященный соборъ“ употреблялся у насъ въ различныхъ значеніяхъ. Когда въ какомъ либо актѣ или документѣ говорится, что освященный соборъ постановилъ, уложилъ, утвердилъ то-то и то-то, причемъ не указывается на составъ собора т. е. не перечисляются группы участвовавшихъ въ немъ лицъ, то подъ терминомъ освященный соборъ (иногда „священный“, „святый“) разумѣлась вся совокупность духовныхъ членовъ собора, или церковный соборъ вообще, изъ кого бы онъ ни состоялъ, и въ этомъ смыслѣ всякій церковный соборъ можно было назвать освященнымъ. Когда въ соборныхъ актахъ и другихъ документахъ говорилось, что на соборѣ присутствовали такіе-то архіереи, которые перечисляются по именному, и затѣмъ добавлялось „и весь освященный соборъ“, то въ такихъ случаяхъ подъ освященными соборами разумѣлись не архіереи, какъ уже выдѣленные въ особую группу и поименованныя, а всѣ остальные духовные члены собора. Когда говорится, что присутствовали на соборѣ архіереи, архимандриты, игумены „и весь освященный соборъ“, то подъ послѣднимъ разумѣется одно бѣлое духовенство, такъ какъ другіе члены собора уже выдѣлены изъ его состава и отдѣльно поименованы по ихъ іерархическимъ группамъ. Въ нѣкоторыхъ соборныхъ актахъ къ архіереямъ, архимандритамъ и игуменамъ, присоединяется еще особая группа: протопоповъ и велѣдъ затѣмъ прибавляется „и весь освященный соборъ“. Въ такихъ случаяхъ подъ освященнымъ соборомъ, такъ какъ протопопы выдѣлены въ особую группу, разумѣется рядовое соборное и приходское духовенство. Наконецъ есть и такіе соборные акты, кото-

рые въ числѣ членовъ собора указываютъ не только архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, но и священниковъ и діаконовъ, или вообще „священный клиръ“, „священный причтъ“, т. е. іерархически и въ отдѣльности перечисляютъ всѣхъ возможныхъ духовныхъ членовъ собора; то въ такихъ актахъ, вслѣдъ за перечисленіемъ всѣхъ группъ присутствующихъ членовъ собора, уже никогда не встрѣчается обычнаго въ другихъ актахъ добавленія—„и весь освященный соборъ“, такъ какъ это добавленіе въ указанныхъ случаяхъ было бы не умѣстно и совершенно излишне.

Такимъ образомъ терминъ „освященный соборъ“ употреблялся у насъ въ XVI и XVII вѣкахъ въ очень различныхъ смыслахъ, то болѣе въ широкомъ, то болѣе въ узкомъ и даже въ узко-спеціальномъ смыслѣ. Этимъ терминомъ въ соборныхъ актахъ означался то весь составъ собора, то большія или меньшія его части, то спеціально только бѣлое духовенство. Укажемъ нѣкоторыя свидѣтельства фактически подтверждающія высказанныя нами положенія.

Въ соборномъ опредѣленіи 1503 года о не взиманіи съ священнослужителей мзды за хиротонію, составъ собора опредѣляется такъ: „мы Іоаннъ Божіею милостію государь всея Русіи, и сынъ мой князь великій Василій Ивановичъ всеа Русіи, поговоря съ Симономъ митрополитомъ всеа Русіи, и со архіепископомъ Генадіемъ Великаго Новгорода и Пскова (затѣмъ поименно перечисляются и другіе бывшіе на соборѣ епископы)... и со архимандриты, и со игумены, и со *всѣмъ священнымъ соборомъ*... уложили есмя и укрѣпили“¹⁾. Точно въ тѣхъ же выраженіяхъ говорится о составѣ собора о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ²⁾. Въ своемъ окружномъ посланіи 1547 года объ установленіи празднованія новымъ русскимъ святымъ, митрополитъ Макарій говоритъ, что „повелѣніемъ господина и сына нашего смиренія“ великаго князя и по совѣту съ епископами, которые и перечисляются“, и съ честными архимандриты, и съ честными игумены, и *совсѣмъ священнымъ соборомъ русскія митрополія*“ (т. е. съ духовенствомъ кафедральнаго митрополичьяго со-

¹⁾ А. Э. т. 1, № 382.

²⁾ А. Э. т. 1, № 383.

бора?) установили праздновать новымъ русскимъ святымъ ¹⁾. На Стоглавомъ соборѣ царь говорилъ: „по повелѣнію нашему архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и пустынники, и духовные старцы, и протопопы и попы *и со-всѣми освященными соборы всего нашего російскаго царствія въ царствующемъ градѣ Москвѣ собираются*“ ²⁾. Соборъ 1554 года противъ Башкина и другихъ происходилъ въ присутствіи царя, его братьевъ, бояръ, митрополита, другихъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ „*и совсѣмъ священнымъ соборомъ рускія митрополія*“ ³⁾. Въ грамотѣ 1564 года о выборѣ на мѣсто умершаго Макарія новаго митрополита и о бѣломъ клобукѣ, царь говоритъ: „повелѣхомъ снитися преосвященнымъ архіепископомъ, и епископомъ, и честнѣйшимъ архимандритомъ и игуменомъ, *и всѣмъ освященному собору*“ ⁴⁾. Или: „лѣта 7072 (1564) февраля въ 20 день, приговорилъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Росіи, и съ своимъ сыномъ царевичемъ Иваномъ, и съ своими богомольцы съ архіепископы и епископы, и съ архимандриты, и съ игумены, *и совсѣмъ освященнымъ соборомъ*, и со всѣми бояры, какъ быти чину на постановленіи митрополита“ ⁵⁾. Въ уложенной грамотѣ 1589 года объ учрежденіи у насъ патріаршества говорится, что царь поручилъ совершить это великое дѣло константинопольскому патріарху Іереміи „по совѣту съ нами (т. е. государемъ) и съ первопрестольникомъ Іевомъ... и съ архіепископы, и епископы, и архимандриты, и игумены, и совсѣмъ освященнымъ соборомъ нашего великаго російскаго и греческаго царствія“ ⁶⁾. Соборное дѣяніе 1649 года о единогласіи, перечисливъ всѣхъ присутствовавшихъ на соборѣ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и протопоповъ, къ этому перечисленію присовокупляетъ „и со всѣмъ освященнымъ соборомъ“. Тоже самое мы встрѣчаемъ и въ другихъ актахъ и дѣяніяхъ соборовъ, въ нихъ всегда указывается, какъ особая самостоятельная часть въ составѣ членовъ собора „освященный соборъ“ т. е.

1) А. Э. т. 1, № 213.

2) Изд. братства св. Петра, стр. 42—43.

3) А. Э. т. 1, № 239.

4) А. И. т. 1, № 173.

5) А. Э. т. 1, № 264.

6) Собр. госуд. грам. и дог. т. II, № 59.

ближайшимъ образомъ соборный клиръ, къ которому преыкало и приходское духовенство.

Что подъ освященнымъ соборомъ въ соборныхъ дѣянiяхъ, въ указанныхъ нами случаяхъ, дѣйствительно разумѣется бѣлое и по преимуществу соборное духовенство или соборяне, какъ отдѣльная и самостоятельная группа относительно другихъ членовъ собора, это не подлежитъ сомнѣнiю, такъ какъ подтверждается множествомъ несомнѣнныхъ данныхъ. Напримѣръ говорится: „приговорилъ государь царь и великiй князь Иванъ Васильевичъ, всея Руси самодержецъ, со отцемъ своимъ Макариемъ митрополитомъ всеа Русii: въ недѣлю седьмую повелицѣ дни быти въ пречистой соборному моленiю со звономъ, а *пѣти всѣму освященному собору*: митрополиту Макарию и архіепископу казанскому и свiязскому Гурью, и крутицкому владыкѣ Нифонту, и архимандритомъ, и игуменомъ, и *всѣму освященному собору*“¹⁾. Очевидно въ послѣднемъ случаѣ подъ „всѣмъ освященнымъ соборомъ“, который долженъ пѣть вмѣстѣ тоже „съ освященнымъ соборомъ“, составъ котораго точно указанъ, разумѣется соборный клиръ—соборяне. Въ актахъ объ отпускѣ въ Казань (1555 г.) архіепископа Гурія говорится, что царь и митрополитъ „со благословенiемъ и о Христѣ цѣлованiемъ архіепископа казанскаго отпускаетъ, съ его архимандриты и съ его освященнымъ соборомъ“²⁾. Въ 1649 году царь Алексѣй Михайловичъ предписываетъ вологодскому архіепископу Маркеллу о празднованiи явленiю чудотворной иконы Казанской Богородицы: „и какъ къ тебѣ наша грамота придетъ, и ты бѣ, богомолецъ нашъ, въ соборной церкви, *со всѣмъ освященнымъ соборомъ*“ велѣлъ праздновать³⁾. Въ 1660 году по поводу побѣды надъ поляками Алексѣй Михайловичъ предписываетъ архіепископу псковскому Макарию молебствовать „*со всѣмъ освященнымъ соборомъ*“⁴⁾. Въ 1668 году, 6 iюня, оставлявшаго Москву антиохiйскаго патрiарха Макарія провожали съ крестнымъ ходомъ изъ Успенскаго собора патрiархи: александрiйскiй Паисiй, московскiй Иоасафъ съ митрополитами, епископами, архимандритами, игуменами, которые всѣ

¹⁾ А. Э. т. 1, № 241.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ А. Э. т. IV, № 40.

⁴⁾ А. Э. т. IV, 119, стр. 165.

перечисляются поименно“ „и со всѣмъ освященнымъ соборомъ“, причемъ запись поясняетъ, кто именно разумѣется подъ освященнымъ соборомъ: „большаго собора протопопъ Михайло, архангельскаго собора протопопъ Кондрать и всѣхъ соборовъ протопопы и священники, отъ приходскихъ церквей священники“ т. е. бѣлое по преимуществу соборное духовенство, неисключая и приходскихъ священниковъ¹⁾.

Очевидно при каждомъ епархіальномъ архіереѣ древней Руси былъ свой собственный „освященный соборъ“, какое названіе приурочивалось по преимуществу къ клиру кафедральнаго собора и къ клиру вообще. Когда царь Иванъ Васильевичъ заявляетъ, что на Стоглавый соборъ имъ созваны, между другими, „протопопы и попы со всѣми освященными соборы всего нашего російскаго царствія“, то это значитъ, что онъ приказалъ епархіальнымъ архіереямъ пріѣхать каждому въ Москву на соборъ съ своимъ освященнымъ соборомъ т. е. съ клиромъ своего кафедральнаго собора. Поэтому иногда выраженіе „освященный соборъ“ замѣняется, въ такихъ случаяхъ, равнозначущимъ и нынѣ употребительнымъ выраженіемъ—соборяне. На похоронахъ царицы Ирины въ 1673 году шли: патріархъ, митрополиты, архіепископы „и иные власти съ соборяны“²⁾.

Такимъ образомъ представители бѣлаго духовенства обязательно входили въ составъ членовъ настоящихъ соборовъ XVI и XVII столѣтій и обозначались въ соборныхъ актахъ и дѣяніяхъ, когда перечислялись члены собора, однимъ и тѣмъ же терминомъ: „весь освященный соборъ“, исключая тѣхъ случаевъ, когда они или прямо назывались по своему званію: протопопы, іереи, діаконы, или когда названіе—освященный соборъ замѣнялось равнозначущимъ: „священный причтъ“, „священный клиръ“.

Что же касается той роли, какую бѣлое духовенство играло на соборахъ, то ни откуда не видно, чтобы она была активной и дѣятельною; повидимому и бѣлое духовенство, такъ же какъ и черное, было на соборахъ пассивнымъ и безгласнымъ, его значеніе было болѣе декоративное.

---

¹⁾ Дворцовые разряды, т. III, стр. 769—773, 818—819 и др. Собр. госуд. гр. и дог. т. II, №№ 92, 228, 229, 236, 239, 241, 251, 275.

²⁾ Дворцовые разряды, т. IV, стр. 76, 154.

На вопросъ, почему терминъ „освященный соборъ“, при перечисленіи членовъ собора, приурочивается по преимуществу къ бѣлому духовенству, можно отвѣтить слѣдующимъ соображеніемъ: приурочиваніе названія „освященный соборъ“ къ бѣлому духовенству имѣетъ за себя очень далекое прошлое. Оно говоритъ, что въ древнее время освященный соборъ, какъ соборъ чисто епархіальный, составлялся изъ бѣлаго приходскаго духовенства данной епархіи подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго епископа. Послѣдній собиралъ подвѣдомственное ему приходское духовенство въ извѣстные сроки для архипастырскаго наученія и назиданія его по дѣламъ вѣры и благочестія, для совмѣстнаго обсужденія и рѣшенія различныхъ дѣлъ мѣстнаго церковнаго управленія, суда, устройства и упорядоченія приходской благотворительности ¹⁾. Эти епархіальные соборы изъ бѣлаго приходскаго духовенства, въ средѣ котораго очень рано стало выдвигаться на первое мѣсто, ради постоянной близости къ епископу, соборное духовенство того города, гдѣ жилъ епископъ, въ древнее время получили названіе освященныхъ соборовъ, почему и въ позднѣйшее время это названіе по преимуществу усвоилось бѣлому духовенству и соборному прежде всего. Повидимому мѣстные епархіальные соборы изъ приходскаго духовенства, получившіе названіе освященнаго собора, имѣли въ своей средѣ и мірскихъ лицъ, причислявшихся къ клиру, но не имѣвшихъ священнаго сана. На послѣднее обстоятельство указываютъ нѣкоторыя позднѣйшія грамоты, относящіяся къ началу XVII вѣка, въ которыхъ къ освященному собору причисляются и лица, не имѣвшія священнаго сана. Такъ въ 1611 году съ воззваніемъ на Вологду обращаются нижегородскіе архимандриты, игумены, протопопы, попы „и весь освященный соборъ“, въ составъ котораго, очевидно, входили еще какія-то лица, помимо архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ и поповъ. Въ грамотѣ изъ Ярославля на Вологду говорится: „господамъ на Вологду: архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и попамъ, и всему освященному собору“. Окружная грамота Троицы-

¹⁾ Подобные епархіальные соборы изъ приходскаго духовенства собирались у насъ и въ позднѣйшее время въ такъ называемое „сборное“ воскресенье, хотя характеръ этихъ позднѣйшихъ „сборовъ“ уже былъ другой.

Сергіева монастыря архимандрита Діонисія и келаря Авраамія Палицына во всѣхъ російскія города адресовывается: „архимандритамъ, и игуменамъ, и протопопамъ, и попамъ, и дьяконамъ, и всему освященному собору“ ¹⁾. Здѣсь перечислены всѣ имѣющія священный санъ лица, и однако отъ нихъ отдѣльно находится еще обращеніе къ освященному собору, который, очевидно, мыслится составителями грамотъ какъ установленіе, имѣвшее въ своемъ составѣ и лицъ не имѣвшихъ священнаго сана.

Терминъ „освященный соборъ“ обозначая только бѣлое духовенство, тѣмъ легче могъ быть перенесенъ потомъ на всякій вообще церковный соборъ, что самые епископы, составлявшіе главную неизмѣнно обязательную силу церковныхъ соборовъ, причислялись у насъ въ старину не къ черному, какъ теперь, а къ бѣлому духовенству, и даже въ позднѣйшихъ сравнительно документахъ, въ противоположность *властямъ чернымъ—монастырскимъ*, называются „*бѣлыми властями*“ ²⁾. Патриархъ Филаретъ Никитичъ, вмѣстѣ съ митрополитами, архимандритами и игуменами, часто присутствовалъ на царскихъ приемахъ иностранныхъ пословъ, а иногда и самъ принималъ ихъ у себя. Это обстоятельство въ Дворцовыхъ разрядахъ отмѣчается такъ: по правую сторону государя сидѣлъ Филаретъ Никитичъ на своемъ мѣстѣ; „по той же по большой лавкѣ сидѣли власти *бѣлыя и черныя*: митрополиты, и архимандриты, и игумены“. Очевидно здѣсь подъ бѣлыми властями разумѣются митрополиты, подъ черными—архимандриты и игумены. Это подтверждается и другими данными подобнаго рода. Такъ турецкаго посла грека *Ѳому Контакузина* принимаетъ у себя государь вмѣстѣ съ

¹⁾ Собр. гсуд. и дог. т. II, стр. 499, 506—507, 510, 577.

²⁾ Епископы въ нашихъ старинныхъ документахъ обыкновенно титулуются: преосвященными, а протопопы: просто: священными; клиръ: священный клиръ, священный причтъ; все вообще бѣлое духовенство: священный или освященный соборъ. Архимандриты же и игумены обыкновенно называются: честными, честнѣйшими, преподобными, такъ что титулъ: священно-архимандритъ въ старое время не упот. обаялся и раза два встрѣчается только уже во второй половинѣ XVII вѣка. Очевидно самый титулъ приурочивалъ архіереевъ къ бѣлому, а не черному духовенству. Впрочемъ архіереи въ древней Руси назывались иногда, въ отличіе ихъ какъ отъ бѣлаго—женатаго духовенства, такъ и отъ чернаго—монашествующаго: *пестрыя власти*.

патріархомъ“: а при государѣ и при великомъ государѣ святѣйшемъ патріархѣ были въ полатѣ: Паисій митрополитъ Селунскій, Павелъ митрополитъ крутицкій, Аверкій митрополитъ верійскій, и черныя власти“. Въ другой записи, при приѣмѣ датскаго посла говорится, что съ патріархомъ тогда были: крутицкій митрополитъ Павелъ, севастійскій митрополитъ, верійскій митрополитъ и черныя власти: архимандриты и игумены“¹⁾.

Кромѣ епископовъ, бѣлаго и чернаго духовенства на соборахъ, хотя бы и не на всѣхъ, присутствовали и міряне, не отдѣльныя только лица: какой-либо бояринъ и дьякъ, которые, какъ представители государя, обязательно были на всѣхъ соборахъ и играли на нихъ роль нынѣшняго оберъ-прокурора Св. Синода, — но цѣлый опредѣленный классъ мірскихъ людей, являвшихся на церковные соборы вмѣстѣ съ государемъ. Это были члены боярскаго думы: бояре, окольнічіе и думные люди, или, какъ ихъ иногда называютъ соборные акты, „преизящный царскій синклитъ“. Такъ на столѣвомъ соборѣ присутствовали „братья государя, князи, бояри и воины“. Но соборѣ противъ Башкина вмѣстѣ съ царемъ и духовенствомъ присутствовали братья государя и бояре. На соборѣ 1564 года государь былъ съ своимъ сыномъ Иваномъ „и совѣми бояры“. Бояре присутствовали на соборахъ 1573, 1581 и 1584 года, на которыхъ обсуждался вопросъ о монастырскихъ вотчинахъ. На соборѣ 1666 года, открытомъ 19 апрѣля, кромѣ духовныхъ лицъ присутствовалъ и царскій синклитъ: князи, бояре, окольнічіе и думные люди. Въ томъ же 1666 году 1-го декабря государь указалъ быть другому собору на Никона патріарха въ своей государевѣ столовой избѣ“. А на томъ соборѣ указалъ быть преосвященнымъ московскимъ и греческимъ митрополитомъ, и архіепископомъ, и епископомъ, и архимандритомъ, и его царскаго величества бояромъ, и окольнічимъ и думнымъ людемъ“²⁾.

Можно было бы думать, что бояре, окольнічіе и думные люди присутствовали на церковныхъ соборахъ только какъ свита государя, составляя его личную, торжественную обста-

1) Т. II, стр. 129, 222, 251, 263—264, 277 и др.

2) Гиббенетъ: Дѣло патр. Никона, т. II, стр. 1002.

новку, требуемую придворнымъ этикетомъ. За такое пониманіе дѣла повидимому говорить то обстоятельство, что „синклитъ“ являлся на церковныхъ соборахъ только тогда, когда на соборныхъ засѣданіяхъ присутствовалъ самъ царь. Но если послѣдній оставлялъ соборъ, то вмѣстѣ съ нимъ его обыкновенно оставляли и царскіе синклитики, при чемъ и самыя соборныя засѣданія, когда на нихъ присутствовалъ царь, обязательно происходили въ царскихъ палатахъ, послѣ же его удаленія переводились въ патриаршую крестовую палату. Соборъ 1666 года, на примѣръ, открытъ былъ государемъ 29 апрѣля въ царской столовой палатѣ въ присутствіи боярѣ, окольных и думныхъ людей. Но на второмъ и послѣдующихъ соборныхъ засѣданіяхъ царь уже не присутствуетъ, а вмѣстѣ съ нимъ отсутствуетъ и синклитъ, причемъ соборныя засѣданія изъ царскаго дворца переводятся въ патриаршую крестовую палату. Такимъ образомъ бояре, окольные и думные люди были на церковныхъ соборахъ какъ будто не членами его, а только свитою при государѣ. Но такъ понимать дѣло было бы несправедливо. Въ разныхъ документахъ и въ нѣкоторыхъ соборныхъ дѣяніяхъ, сохранились указанія, что бояре, окольные и думные люди были дѣйствительными членами соборовъ, и этому обстоятельству сами соборы придавали особое значеніе. На примѣръ, въ грамотѣ митрополита Макарія 1554 года въ Соловецкій монастырь о заточеніи Артемія, говорится, что царь Иванъ Васильевичъ „съ нашимъ смиреніемъ, и со архіепископомъ, и епископъ, и совѣмъ освященнымъ соборомъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ, въ царскихъ его палатахъ, *соборовавъ* съ ними, и съ *братьею и советми боляры* на богопротивнаго, лукаваго и безбожнаго еретика и отступника православныя вѣры Матѣя Башкина и на его единомысленниковъ“¹⁾. Здѣсь братья государя и всѣ его бояре ставятся, какъ участники собора по строго церковному дѣлу, наравнѣ съ архіереями и другими духовными членами собора. Соборное уложеніе 1580 года о монастырскихъ и архіерейскихъ земляхъ говоритъ: „сего ради со благочестивымъ царемъ и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичъ всеа Русіи, и съ его сыномъ царевичемъ со княземъ Иваномъ, мы, пресвящен-

1) А. Э. т. I, № 239, стр. 250.

ный Антоній митрополитъ всеа Русіи, и совѣтъмъ освященнымъ соборомъ, и совѣтъмъ царскимъ синклитомъ уложихомъ сице“ ¹⁾). Опять царскій синклитъ ставится равнозначущимъ съ другими духовными членами собора. На соборѣ 1654 г., на которомъ рѣшался въ высшей степени важный чисто-церковный вопросъ: нужна или нѣтъ предлагаемая Никономъ церковная реформа, присутствовалъ и царскій синклитъ, на какое обстоятельство счелъ нужнымъ указать соборъ 1666 года въ своемъ предсоборномъ собраніи ²⁾). Открывая 29 апрѣля 1666 года соборъ царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ принести на соборъ „богодуховенную книгу Хризовулъ именованную“, которая представляла изъ себя извѣстное дѣяніе константинопольскаго собора объ учрежденіи у насъ патриаршества. Сказавъ рѣчь къ собору и прочитавъ затѣмъ вслухъ поданный ему Хризовулъ царь, по прочтеніи заключающагося въ немъ символа вѣры, „створи вопросъ къ архіереомъ и бояромъ: тако-ли символъ святыи и прочія догматы по написанному въ Хризовулѣ держать?“ Когда на этотъ вопросъ царя, обращенный одинаково и къ архіереямъ и боярамъ, Питиримъ, митрополитъ Новгородскій, отвѣтилъ отъ лица собора: „такъ вѣримъ, такъ держимъ“, тогда „благочестивый скипетродержецъ цѣловавъ символъ святыи въ Хризовулѣ, и вручи ѿ преосвященному собору, его же, по чину цѣловавшие архіереи, *предаша и блгороднымъ бояромъ, окольничимъ и думнымъ людемъ, кое же цѣловати*“ ³⁾). Очевидно, что царь своихъ бояръ, окольничихъ и думныхъ людей, присутствовавшихъ на апрѣльскомъ засѣданіи церковнаго собора 1666 года, считалъ вполне равноправными съ архіереями, почему и обращается съ вопросомъ чисто церковнымъ: о новоисправленномъ символѣ и другихъ догматахъ къ архіереямъ и боярамъ вмѣстѣ, не дѣлая между ними никакого различія. И когда на свой вопросъ государь получилъ утвердительный отвѣтъ, онъ, поцѣловавъ самъ Хризовулъ, передаетъ его для цѣлованія всѣмъ архіереямъ, боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, что имѣло, очевидно, смыслъ нынѣшняго поименнаго голосованія вопроса,

¹⁾ Собр. госуд. гр. и дог. т. I, стр. 585.

²⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 35.

³⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 73—77.

причемъ бояре, окольничіе и думные люди голосовали наравнѣ съ архіереями, какъ полноправные на соборѣ съ ними лица.—Соборъ 1666 года издалъ „наставленіе благочинія церковнаго“, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ и слѣдующее: „нынѣ мы сошедшеся испытахомъ подробно, при благочестивѣйшемъ государѣ нашемъ... *и при всемъ его царскомъ синклитѣ*, чтуше славянскія наши древнія рукописныя книги... и ничтоже стропотно, или развращенно, или вѣрѣ нашей православной противно въ новопечатныхъ книгахъ и въ чинѣхъ церковныхъ обрѣтохомъ“ ¹⁾. Здѣсь самъ соборъ, какъ на доказательство правильности произведенныхъ книжныхъ и обрядовыхъ церковныхъ исправленій указываетъ на то обстоятельство, что провѣрка этихъ исправленій производилась на соборѣ между прочимъ „и при всемъ царскомъ синклитѣ“, который значитъ, призывается въ свидѣтели правильности церковныхъ исправленій, какъ дѣйствительный участникъ соборныхъ дѣяній. На другомъ соборѣ въ томъ же 1666 году, на которомъ присутствовали и восточные патріархи, читанъ былъ въ присутствіи царя и его синклита, свитокъ отвѣтовъ восточныхъ патріарховъ на предложенные имъ вопросы о власти царской и патріаршей. Когда чтеніе свитка кончилось, говоритъ современная записъ соборныхъ дѣяній, восточные патріархи обратились къ собору съ вопросомъ: „и по сему свитку бывший патріархъ Никонъ въ отсутствіи своемъ съ патріаршескаго престола волею своею безо всякіе церковныя вины и безъ повелѣнія царскаго величества и безъ совѣту всего освященнаго собора—повиненъ-ли? „И преосвященные митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, *и царскаго величества бояря, и окольничіе, и думные люди говорили*, что по тѣмъ ихъ патріаршескимъ присланнымъ свиткомъ, за ихъ руками, бывший Никонъ патріархъ повиненъ во всемъ и отъ патріаршества имѣеть быти отлученъ“ ²⁾. Значитъ на соборѣ бояре, окольничіе и думные люди подавали, когда это требовалось, свой голосъ наравнѣ съ архіереями, какъ вполне равноправные имъ члены собора. Во время самага соборнаго суда надъ Никономъ, когда оглашено было заяв-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 125.

²⁾ Гиббенеть, Дѣло патр. Никона, т. II, стр. 1000—1001.

леніе Никона, что онъ считаетъ русскую церковь уклонившеюся въ латинство, такъ какъ въ ней тогда самымъ виднымъ дѣятелемъ былъ Паисій Лигаридъ, весь пропитанный латинствомъ; то, говоритъ современная запись соборныхъ дѣяній, „великій государь и весь освященный соборъ и его царскаго величества синклитъ говорили святѣйшимъ патріархамъ, что бывшій Никонъ патріархъ писалъ и назвалъ ихъ всѣхъ еретиками, а не одного газскаго митрополита, и чтобъ въ томъ учинили указъ по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ“. Еще такой же случай на томъ же соборѣ: „и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе и думные люди Никону патріарху говорили: какъ онъ не утрашитца Бога, непристойные слова говорить и великаго государя безчестить“¹⁾.

Изъ приведенныхъ фактовъ очевидно, что бояре, окольничіе и думные люди не просто только присутствовали на церковныхъ соборахъ, какъ свита государя, но были такими же дѣйствительными членами соборовъ, какъ и архіереи и, когда это требовалось, наравнѣ съ ними принимали участие въ рѣшеніи поставленныхъ на соборѣ вопросовъ.

Предметомъ занятій истинныхъ или настоящихъ соборовъ служили вопросы вѣры и благочестія, подъ которыми у насъ, за однимъ-двумя исключеніями, всегда разумѣлись вопросы церковно-обрядовые, касавшіеся правильнаго совершенія церковныхъ службъ, соблюденія церковныхъ уставовъ и предписаній, измѣненія извѣстныхъ церковныхъ обрядовъ и чиновъ, въ связи съ исправленіями церковно-богослужебныхъ книгъ; вопросы о церковномъ управленіи и органахъ управленія, о недостаткахъ и исправленіи жизни духовенства и всего народа и т. под. Вообще эти соборы обсуждали и рѣшали всѣ дѣла, имѣвшія обще-церковное значеніе, опредѣляли нормы и правила обще-церковной жизни и дѣятельности, всего церковнаго строя и управленія, такъ какъ именно въ нихъ сосредоточена была вся организаціонная, законодательная и нормирующая обще-церковная дѣятельность тогдашней церковной правительственной власти.

Такимъ образомъ истинный или настоящій церковный соборъ, имѣвшій важность и значеніе для всей русской церкви,

¹⁾ Гиббенетъ, Дѣло патр. Никона, т. II, стр. 1019, 1075.

для всѣхъ сторонъ церковно-религіозной жизни цѣлаго народа, соборъ церковный законодатель и устроитель, составлялся: изъ государя, изъ митрополита, а потомъ патріарха; изъ всѣхъ по возможности епархіальныхъ архіереевъ; изъ архимандритовъ и игуменовъ разныхъ монастырей, къ которымъ иногда присоединялись монастырскіе соборные старцы, а иногда и старцы извѣстные своею благочестивою жизнію, или своими знаніями и образованностію; изъ бѣлаго духовенства какъ соборнаго, такъ и рядоваго приходскаго; изъ мірянъ-членовъ боярской думы. Никакихъ ранѣе опредѣленныхъ нормъ, чтобы изъ каждой указанной группы присутствовавшихъ на соборѣ вызывать обязательно столько-то и именно такихъ-то лицъ, совсѣмъ не было; старались, чтобы на соборѣ по возможности представлены были всѣ группы, особенно изъ духовенства, но кто именно и сколько, всегда зависѣло исключительно отъ воли и усмотрѣнія государя. Если предметъ соборныхъ засѣданій казался ему очень важнымъ, онъ могъ вызвать на соборъ больше присутствующихъ, если казался менѣе важнымъ, то онъ могъ вызвать и меньшее число присутствующихъ. Точно также отъ царя зависѣло вызвать членовъ одной группы въ болѣе усиленныхъ размѣрахъ, чѣмъ членовъ другой группы. Словомъ ничего разъ точно опредѣленнаго и постоянно твердаго и неизмѣннаго въ этомъ отношеніи не существовало: руководились обычаемъ, предшествующими примѣрами, наличностію данныхъ обстоятельствъ, а главнымъ образомъ, какъ мы сказали, личною волею и усмотрѣніемъ государя. При назначеніи въ члены собора цѣнилось не лицо, принимались во вниманіе не личныя качества членовъ—ихъ знаніе, широкое знакомство съ церковными дѣлами, ихъ убѣжденія, заинтересованность въ возбужденномъ вопросѣ, а единственно: для архіереевъ—ихъ санъ, для настоятелей монастырей—важность и извѣстность ихъ обителей, для бѣлаго духовенства—принадлежность къ извѣстнымъ по преимуществу московскимъ кремлевскимъ соборамъ, для мірянъ — принадлежность къ боярской думѣ. Вообще какъ екорочеловѣкъ занималъ извѣстный церковно-іерархическій постъ: былъ архіерей, настоятель извѣстнаго монастыря, протопопъ извѣстнаго московскаго собора, а для евѣтскихъ—членъ боярской думы, онъ обязательно дѣлался членомъ со-

бора, каковы бы ни были его личныя качества и свойства, пусть самыя не нужныя и для собора непригодныя,—это было безразлично, такой человѣкъ всетаки дѣлался членомъ собора въ силу одного своего извѣстнаго оффиціального положенія. Конечно можно было вмѣсто одного архіерея вызвать на соборъ другого, вмѣсто настоятеля одного монастыря, вызвать настоятеля другого, вмѣсто протопоповъ и клира однихъ соборовъ вызвать протопоповъ и клиръ другихъ соборовъ; но сущность дѣла отъ этаго мало измѣнялась. Понятно, какъ невыгодно такой порядокъ назначенія членовъ соборовъ, отзывался на самой соборной дѣятельности. Мы не говоримъ уже о томъ, что подобный порядокъ допускалъ возможность со стороны свѣтской власти нѣкотораго, въ извѣстныхъ цѣляхъ, искусственнаго подбора членовъ собора; но и помимо этаго: при такихъ порядкахъ на соборъ въ большинствѣ являлись лица не убѣжденія, не интереса по затронутымъ не ими и можетъ быть совершенно чуждымъ или безразличнымъ для нихъ вопросамъ, и потому люди всячески не старавшіеся глубже, всестороннѣе и безпристрастнѣе изучить, освѣтить и порѣшить тотъ или другой вопросъ, а люди отбывавшіе неизбѣжную возложенную на нихъ повинность. Ихъ канцелярски-казенно вызывали на соборъ для рѣшенія не ими возбужденныхъ вопросовъ, и они обсуждали и рѣшали ихъ тоже казенно-чиновнически, не вкладывая въ это дѣло своей души и своего сердца; и это тѣмъ болѣе, что члены собора прекрасно знали, что дѣйствительную душу всякаго собора, его главную управляющую и все рѣшающую силу составляетъ никто иной, какъ самъ великій государь, къ выясненію отношеній котораго къ церковнымъ соборамъ мы теперь и перейдемъ.

Главную роль во всѣхъ церковныхъ соборахъ московской Руси XVI и XVII столѣтій игралъ государь, безъ воли и согласія котораго не могъ состояться ни одинъ церковный соборъ, равно какъ и соборныя постановленія безъ его одобренія не могли получить силы закона. Причина этаго явленія коренилась въ тѣхъ особыхъ представленіяхъ о царѣ, какія имѣла древняя Русь, и по которымъ царю принадлежить всецѣлая забота не только о дѣлахъ государственныхъ, но въ равной мѣрѣ и о дѣлахъ церковныхъ. Царь есть единственный источникъ всякаго закона, какъ гражданскаго, такъ

и церковнаго, такъ какъ онъ, по мнѣнію древней Руси, былъ намѣстникомъ Бога на землѣ и ему Господь, какъ своему намѣстнику, вручилъ заботу и попеченіе не только о дѣлахъ государственныхъ, но и о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ.

Іосифъ Волоцкій о царяхъ выражается такъ: „бози бо есте (цари) и сынове Вышняго. Васъ бо (царей) Богъ въ себе мѣсто посади на престолѣ своемъ... Царь убо естествомъ подобенъ есть всѣмъ человѣкомъ, властію же подобенъ есть вышнему Богу... Господь Богъ устроилъ царя въ свое мѣсто, и посадилъ на царскомъ престолѣ, судъ и милость предасть ему, и церковное и монастырское, и всего православнаго государства и всея рускія земли власть и попеченіе вручилъ ему“ ¹⁾. При вѣнчаніи на царство Феодора Ивановича (1584 г.) митрополитъ между прочимъ говорилъ ему: „васъ (царей) Господь Богъ въ себе мѣсто избра на земли, и на свой престолъ вознесъ, посади, милость и животъ положи у васъ“ ²⁾. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ пишетъ государю Алексѣю Михайловичу отъ 27 февраля 1654 года: „припадаю, молю твое благородіе, о равноапостольне, послушати изволи въ сокрушеніи сердца вопіющаго ти и слезный источникъ проливающаго ти, государю, и яко богу по Бозѣ прибѣгающаго къ державѣ твоей... О благочестивый царю, иже воистину по Бозѣ божи“. Другой противникъ патріарха Никона—Лазарь училъ, что власть царя божественна, и что „якоже отстоять небо отъ земли, и солнце выше луны и больши свѣтомъ есть: сице и царская божественная власть вышшии и больши прочихъ властей“. Гдѣ нѣтъ царя, или гдѣ царская власть восхищена другими, тамъ, по мнѣнію Лазаря, царствуетъ антихристъ“. Егда въ Римѣ, говоритъ онъ, духовный чловѣкъ—папа восхити на ся царскую Божию власть: и оттолѣ антихристово властительство есть въ Римѣ. Сице бо и о Цареградѣ: яко Божія царскія власти не имѣють“. Инокъ Амвросій пишетъ государю Алексею Михайловичу: „вся тягота церковная нынѣ на твоей выи висить; а на властей нынѣ ни на которыхъ нечево смотрѣтъ—времени служить, а напередъ не озираются бѣдніи пастуси“ ³⁾.

1) И. Хрущера: Исслѣдованіе о сочиненіяхъ Іосифа Санина, стр. 201 и 226.

2) Собр. госуд. грам. и доч. т. II, № 51, стр. 81.

3) Матѣр. для ист. раск. т. I, стр. 53, 60. т. IV, стр. 251, 253—254. т. VII, стр. 275.

Церковные наши соборы, съ своей стороны, тоже проповѣдывали, что вѣдѣнію царя подлежатъ всѣ церковныя дѣла и самые церковные соборы. Такъ въ постановленіяхъ собора 1660 года о царѣ говорится: „ему же (царю) свою церковь Господь преда, и закону ея поучатися день и ночь научи на устроеніе и вознагражденіе сущимъ подъ рукою людямъ... Царь Боговѣнчанный, паче же благочестивый, православный и христоклюбивый, *есть благочинный раздаватель чина; ему, яко благочинному чина раздателю, о благочиніи церковномъ, о боголѣпномъ православныя церкви апостольскія благоустроеніи же опасно пецися и тщатися всегда подобаетъ*.... Оному-царю, яко общему всѣхъ благу, не точію о благочиніи церковномъ тщатися, и опасное о боголѣпномъ православныя церкви Христовы благоустроеніи попеченіе творити, но и во общую спасаемыхъ душъ православныхъ пользу, по благословной винѣ церковной, богоугодно *священныи соборъ созывати подобаетъ*“¹⁾.

И сами русскіе цари вѣрили и заявляли, что имъ Господомъ поручена забота и попеченіе не только о дѣлахъ государственныхъ, но и о всѣхъ дѣлахъ церковныхъ, тѣмъ болѣе что отъ правильнаго теченія церковныхъ дѣлъ зависѣло и благосостояніе самаго государства. Первый русскій царь—Иванъ Васильевичъ, въ соборной грамотѣ 1564 года о бѣломъ клобукѣ, такъ опредѣляетъ свои отношенія къ церковнымъ дѣламъ: „пріяхомъ скипетры російскаго царства, такоже и во благосостояніе святыхъ Божіихъ церквей, и монастырей, и мѣсть“²⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ отличалъ себя отъ Царя небеснаго существенно только тѣмъ, что онъ, въ противоположность небесному вѣчному Царю, *есть царь „тлѣнный“*. Въ письмѣ къ боярину и воеводѣ В. Б. Шереметеву онъ пишетъ: „вѣдомо тебѣ самому, какъ великій Царь и вѣчный изволилъ быть у насъ, великаго государя *и тлѣннаго царя*, тебѣ, Василью Борисовичу, въ боярехъ не туне... Не просто Богъ изволилъ намъ, великому государю *и тлѣнному царю*, честь даровати, а тебѣ принять... Какъ *по изволенію Божію* и по нашему великаго государя *и тлѣннаго царя указу*“³⁾... Онъ же, въ грамотѣ къ антиохій-

1) Гиббенета: Дѣло патріарха Никона, т. I, стр. 215. Дѣло о Никонѣ, стр. 95.

2) А. И. т. I, № 173, стр. 331.

3) Зап. рук. археол. общ. т. II, стр. 751—754.

скому патриарху Макарію, приглашая его пребыть въ Москву для суда надъ Никономъ, между прочимъ пишетъ, что обязанности царя не о царскомъ только пещися, но самое главное: „еже есть общій міръ церквамъ и здраву вѣру крѣпко соблюдать и хранить намъ; егда бо, посвящаетъ свою мысль царь, сія въ насъ въ цѣлости снабдятся, тогда намъ вся благая строенія отъ Бога бывають: миръ, и умноженіе плодовъ, и враговъ одолѣніе, и прочіи вещи вся добръ устроитися имуть“ ¹⁾. Царь Феодоръ Алексѣевичъ въ грамотѣ объ устройствѣ въ Заиконоспасскомъ монастырѣ академіи заявляетъ, что его царская „первая и величайшая должность—охраненіе восточныхъ православныхъ вѣры, и тоя о разширеніи промышленія“ ²⁾.

Московскіе государи въ сознаніи лежащей на нихъ высокой и очень отвѣтственной обязанности заботиться о всѣхъ дѣлахъ вѣры и церкви, направлять и испрлвлять ихъ, если бы онѣ въ какомъ либо отношеніи приняли неправильное теченіе, считали себя, какъ намѣстники Бога на землѣ, призванными контролировать всю церковно-религіозную жизнь народа, имѣть надъ нею свой постоянный верховный надзоръ, руководить и заправлять всѣми дѣйствіями самыхъ церковныхъ высшихъ властей, строго наблюдая, что бы ихъ церковная дѣятельность всегда была согласована съ божественнымъ закономъ, охранителями и исполнителями котораго являются цари.

Въ виду указаннаго представленія о себѣ нашихъ московскихъ государей, они считали себя въ правѣ, и помимо представителей церкви, предпринимать свои собственныя мѣры къ упорядоченію, исправленію и улучшенію религіозно-нравственной жизни народа, дѣйствуя въ этомъ случаѣ помимо всѣхъ церковныхъ властей и учреждений. Примѣровъ этаго рода распоряженій государей очень много и мы укажемъ здѣсь только нѣкоторыя.

Отъ 10 марта 1660 года государь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ Великій Новгородъ свою грамоту къ боярину и воеводѣ князю Григорію Семеновичи Куракину съ товарищи. Въ этой грамотѣ государь заявляетъ: ему, государю,

¹⁾ Гиббевель, т. 11, стр. 578.

²⁾ Воробьева: О московскомъ соборѣ 1681—1682 года, стр. 9.

вѣдомо учинилось, что есть такіе разныхъ чиновъ люди, веуе называющіе себя православными христіанами, которые со всѣмъ не имѣютъ у себя отцевъ духовныхъ, не считаютъ нужнымъ исповѣдываться въ своихъ грѣхахъ, хотя бы имѣли уже болѣе пятидесяти лѣтъ отъ роду; что если такія лица захворавъ и боясь, что ихъ, въ случаѣ смерти, не похоронятъ около церкви, и прибѣгаютъ къ исповѣди, но эта исповѣдь бываетъ уже подневольной и „вмалѣ пріятна Богу“, тѣмъ болѣе что выздоровѣвъ, они опять перестаютъ исповѣдываться, и нѣкоторые изъ нихъ такъ потомъ и умираютъ безъ покаянія, ради внезапной смерти. Царь настаиваетъ, что бы всѣ говѣли и исповѣдывались во всѣ четыре поста, а если это кому невозможно „великія ради нужды“, то три или два раза въ годъ. А если кому „отнюдь невозможно и дважды въ годъ“, то говѣли бы каждый великій постъ, „оставя всякую нужду и презря всякое дѣло земное, и всякія суеты и душегубныя печали“, иначе, говоритъ царь, „той нѣсть достоинъ нарецися истиннымъ христіаниномъ.... таковой чуждъ есть христіанскаго званія, и святые отцы іереемъ Христовымъ заповѣдаша не приняти у таковыхъ никакого приношенія въ церкви Божіи, не повелѣша входить въ церковь Божію“. „И сего ради пишетъ царь, мы, великій государь, о таковыхъ погибельныхъ и не кающихся душахъ изволили душею своею поскорбѣти, что бѣ таковыхъ погибельныхъ душъ на истинный путь—на покаяніе обратити, и тѣмъ гнѣвъ Божій укротити, и милостива Его сотворити православному роду російскому благочестивыя своя держава“. И вотъ царь приказываетъ воеводѣ съ товарищами, когда къ нимъ придетъ эта царская грамота: „и вы бѣ, въ Новгородѣ и новгородскомъ уѣздѣ, архимандритомъ, и игуменомъ, и протополомъ, и приходскихъ встѣхъ церковей попомъ и дьякономъ церкви Божіи пасты, законъ и заповѣдь хранить такожде велѣли“. Затѣмъ идутъ царскія наставленія духовенству, какъ оно должно дѣйствовать въ данномъ случаѣ, причемъ ему повелѣвается „росписи ослушниковъ и безстрашниковъ“ т. е. ни разу въ годъ не исповѣдывавшихся, присылать въ Москву въ монастырскій приказъ скольничему Стрѣшневу и дьякамъ, и тогда „таковымъ ослушникамъ нашъ, великаго государя, указъ будетъ съ опалю, безъ всякія пощады“. А если бѣ кто изъ духовныхъ сталъ покрывать

такихъ ослушниковъ, не сталъ бы на нихъ доносить и это царю сдѣлается извѣстнымъ, то такимъ „приходскихъ церквей попомъ и дьякономъ за то отъ насъ, великаго государя, быть въ великой опалѣ и пени, а по правиломъ св. апостолъ и св. отецъ въ большомъ запрещеніи“, Въ заключеніе царь приказываетъ воеводѣ съ товарищами ѣхать съ этою грамотою въ соборную церковь, предварительно собравъ въ ней все духовенство и прихожанъ, „и велѣли бѣ сію нашу, великаго государя, грамоту честь всѣмъ людямъ въ слухъ, что бѣ сей нашъ, великаго государя, указъ всѣмъ былъ вѣдомъ, и ходили бѣ противъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ по сему нашему, великаго государя, указу“. Списки съ грамоты повелѣвается разослать по монастырямъ и приходскимъ церквамъ новгородскаго и великолупскаго уѣздовъ ¹⁾.

Приведенная грамота государя очень характерна въ томъ отношеніи, что въ ней царь рѣшительно и открыто выступаетъ въ качествѣ епархіальнаго архіерея, удрученнаго заботами о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, объ обращеніи на путь истинный—путь покаянія грѣшниковъ, о чемъ прежде всего и ближе всего должно бы было позаботиться не царю, а мѣстному епархіальному архіерею и мѣстному духовенству. Съ другой стороны эта грамота характерна въ томъ отношеніи, что она посылается царемъ не мѣстному архіерею или какому либо другому духовному лицу, а чиновнику государственному: воеводѣ съ товарищами. Имъ поручается въ соборѣ собрать архимандритовъ, игуменовъ, все соборное и приходское духовенство и народъ, и прочесть предъ всѣми учительна-назидательную грамоту государя, а списки съ нея разослать по монастырямъ и приходскимъ церквамъ въ уѣздахъ. Наконецъ царь требуетъ отъ духовенства, чтобы оно о не бывшихъ на исповѣди своихъ прихожанахъ обязательно доносило не архіерею, не духовному вообще начальству, а начальнику монастырскаго приказа — окольничему Стрѣшневу, и тогда, не архіерей или какая либо иная церковная власть, а самъ царь, какъ виновныхъ грѣшниковъ, такъ и тѣхъ духовныхъ лицъ, которые не будутъ доносить о не бывшихъ на исповѣди прихожанахъ, станутъ наказывать своею великою опалою и пенями и большимъ за-

¹⁾ А. Э. т. IV, № 115.

прещеніемъ. О томъ, что бы передать надзоръ за всѣмъ этимъ чисто духовнымъ дѣломъ мѣстному архіерею и духовнымъ властямъ, имъ поручить наблюденіе за исполненіемъ царской грамоты, нѣтъ и намека — все дѣлаетъ только царь чрезъ своего воеводу съ товарищами, епархіальной же духовной власти какъ будто и не существуетъ.

Укажемъ на другое распоряженіе царя Алексѣя Михайловича: „лѣта 7170 (1662 г.) царь Алексѣй Михайловичъ указалъ: филипповъ постъ, отъ вачала до совершенія, всѣмъ православнымъ христіаномъ поститися; въ монастырѣхъ потому жъ имѣти житіе, приличное иноческому общанію. Притомъ въ монастырѣхъ и по соборамъ и по мірскимъ церквамъ предъ литургією, или послѣ, пѣть молебны: въ понедѣльникъ—о соединеніи церквей, въ среду—Богородицѣ, въ пятокъ—о побѣдѣ на супостаты“¹⁾. Въ этомъ чисто церковномъ распоряженіи царя скорѣе видѣнъ заботливый, ревнующій о спасеніи душъ своихъ пасомыхъ, архипастырь, нежели свѣтскій правитель государства.

Какъ сильно наши московскіе благочестивые государи были проникнуты церковностію, это особенно ярко видно изъ того, что они даже на военное дѣло, съ его удачами и не удачами, смотрѣли съ строго религіозно-церковной точки зрѣнія, и побѣды и пораженія своихъ генераловъ—воеводъ объясняли не иначе, какъ степенью ихъ благочестія и истовостію соблюденія ими церковнаго устава. Воеводѣ Лобанову-Ростовскому, потерпѣвшему, въ войнѣ съ Польшею, не удачу подъ Мстиславлемъ, Алексѣй Михайловичъ пишетъ, „нынѣ къ тебѣ окольникъ нашему и воеводѣ, пишемъ не для того, что къ городу не приступать и промыслу не чинить, но для того, что ты къ городу приступалъ безъ разсмотрѣнія всякаго, положи *упованіе на свое челоувѣчество и дородство, кромѣ Бога*, а божественная писанія не вспомянулъ: не надѣйтесь на кесари, на сыны челоувѣческія, въ нихъ же нѣсть спасенія, изыдетъ духъ ихъ и возвратится въ землю свою. А, по прилучаю, время то и пришло, что приступать, и въ началѣ тебѣ, окольникъ и воеводѣ, достойтъ внутри себя пріити и сокрушить сердце свое предъ Богомъ, и восплакать горцѣ въ хранинѣ своей тайно предъ образомъ Божиимъ

1) Изъ имѣющейся у насъ архивной выписки.

о побѣдѣ, и предъ образомъ Пречистыя Матери Его, пресвятыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ тоже достоинъ призывать молитву ихъ о побѣдѣ же, что бы Господь Богъ, въ началѣ, нашихъ, великаго государя, воеводъ и всѣхъ ратныхъ людей сохранилъ, а всепѣтая наша и общая заступница пресвятая Богородица покрыла омофоромъ своимъ, юже видѣ Андрей на воздухѣ молящуюся за ны къ сыну своему и Богу нашему; такъ же бы и всѣ святые сотворили молитву къ Господу Богу за васъ, воеводъ, и за всѣхъ нашихъ, великаго государя, ратныхъ людей, во еже помощи вамъ и спасти васъ отъ всякаго вреда,—*а не на свое высокоуміе полагающа.* Да достоинъ и святымъ и страннымъ позѣумыти; а кто святые и странные меньшая братія Христова? По Его евангельскому словеси: бѣдныя, маломощныя сироты.... Аще бы у васъ въ полку сотворилося крѣпко, вѣрую Богу и Господу нашему, что бѣ Мстиславль вскорѣ одолѣнъ былъ отъ васъ, воеводъ нашихъ. *Покоянію, молитвъ, милостынь, страннлюбію не можетъ никакой непріятель сопротивъ стати:* ни агаряне, ни самъ адскій князь, всѣ окрестъ бѣгають и трепещуть“.—Еще болѣе характернымъ и оригинальнымъ является посланіе царя Алексѣя Михайловича къ другому генералу - воеводѣ, которому онъ указываетъ одно изъ вѣрныхъ средствъ одержать побѣду надъ непріятелемъ. Царь пишетъ: „*да держись единоголаснаго пѣнія,* аще и нужда приключится—непоспѣть отпѣть единоголасно... и тебѣ бы, рабу Божию, творити по сему указу. Какъ застанеть дѣло (т. е. битва), и ты отъ пѣнія поди и вси слушаещи съ тобою на дѣло Божіе (т. е. на битву со врагомъ), за помощію Его святою; а въ умѣ помышляй Иисусову молитву, а пѣніе великое послѣ себя *по уставу и по чину единоголасно же.* Ей причтенъ будешь въ царствіи небесномъ съ лики святыхъ, аще сія заповѣди Божіи управлены будутъ по сему указу, и поспѣшатъ сія заповѣди Божія и святыхъ отецъ тебѣ, рабу Божию, во всякомъ дѣлѣ. А о томъ не оскорбляйся, что не дослушалъ и пойдешь на дѣло воинское съ радостію; поди безъ всякаго сомнѣнія, а пѣніе вмѣнитися тебѣ въ слушаніе, что и безъ тебя то пѣніе кончается почину и по заповѣди св. отецъ. А будетъ и при тебѣ то пѣніе сотворяему чрезъ заповѣдь Божию и святыхъ отецъ (т. е. многогласно), и то (т. е. многогласное) пѣніе тебѣ и всѣмъ

ратнымъ людямъ не къ поспѣшенію и не ко одолѣнію будетъ, но ко всякому нестроенію и поврежденію всякому доброму дѣлу; и о семъ да дастъ тебѣ Господь Богъ благое разсужденіе и твердое состояніе въ семъ дѣлѣ, и да явишся всѣмъ врагомъ страшень“¹⁾).

Если царь и на военное дѣло смотрѣлъ съ церковно-уставной точки зрѣнія, и считалъ своею священною обязанностію назидать своихъ боевыхъ генераловъ-воеводъ прежде всего въ благочестіи, какъ главномъ условіи одержанія побѣдъ надъ врагами; то тѣмъ болѣе, конечно, онъ старался прилагать эти свои возрѣнія ко всѣмъ житейски — государственнымъ отношеніямъ и положеніямъ, всячески проводить ихъ во всю общественную жизнь, и особенно настойчиво и внимательно слѣдилъ, что бы высшая церковная власть всегда дѣйствовала въ этомъ духѣ и направленіи, исполняя волю и желаніе благочестиваго государя, который, по этому, являлся въ Московской Руси главнымъ инициаторомъ церковныхъ распоряженій высшей духовной власти. Изъ множества фактовъ этаго рода укажемъ на два. Патріархъ Іосифъ въ 1646 году, 16 февраля, писалъ: „указалъ государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всеа Русіи, на Москвѣ, сій святой великій постъ, *протопопомъ, и попомъ и дякономъ, и всѣмъ православнымъ христіаномъ* поститися и жити въ чистотѣ совсякимъ воздержаніемъ, и отъ пьянства и отъ неправды и отъ всякаго бѣ грѣха удалялись“. Въ виду полученія такого указа отъ государя патріархъ и дѣлаетъ соотвѣтствующія распоряженія по Москвѣ, посылая объ этомъ московскому духовенству свой наказъ²⁾. Въ 1649 году тотъ же патріархъ Іосифъ, въ грамотѣ къ Маркеллу, архіепископу вологодскому, вооружается противъ сильно развившагося среди иноковъ монастырей пьянства; противъ недостатка въ монастыряхъ церковнаго благочинія, противъ не единогласнаго пѣнія и другихъ монастырскихъ не порядковъ и безчиній, при чемъ патріархъ поясняетъ: „а мнѣ, богомольцу своему, *государь велѣлъ послать по всѣмъ монастыремъ* грамоты, что бѣ отнюдь въ монастыряхъ хмѣльнаго никакаго питья не было, и жили бѣ по преданію древнихъ святыхъ

1) Записки русск. археол. общ. т. II, стр. 744—745, 762—763.

2) А. э. т. IV, № 321.

отецъ, и по чину монастырскому и уставу“, т. е. самъ патріархъ открыто признаетъ, что его теперешнія заботы о введеніи благочинія въ монастыряхъ, есть только исполненіе воли и приказа государя, а не результатъ его личной архипастырской заботливости объ устроеніи монастырской жизни 1).

Церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій были однимъ изъ проявленій верховныхъ заботъ нашихъ благочестивыхъ государей о церкви, о правильномъ теченіи всѣхъ церковныхъ дѣлъ; церковный соборъ XVI и XVII вѣка это—органъ, при посредствѣ котораго царь осуществлялъ свои верховныя права и заботы о процвѣтаніи православной вѣры и благочестія. Этимъ и опредѣлялись особыя отношенія московскаго царя къ церковнымъ соборамъ.

Всѣ церковные соборы московской Руси XVI и XVII столѣтій всегда обязательно созывались только по особому повелѣнію государя, безъ его согласія не могъ состояться ни одинъ соборъ 2).

1) А. э. т. IV, № 327.

2) Въ 1554 г. царь Иванъ Васильевичъ, въ грамотѣ къ Максиму греку, раскрывъ еретическія мнѣнія Башкина, пишетъ: „тѣмъ же убо умыслихъ сице: да соберутся вси, елици сущіи обрѣтаются подъ областію моею: архіепископи же и епископи, архимандриты же и игумени и чернорици, иже въ благочестіи пребывающіи“ на соборъ, для осужденія Башкина (А. И. т. I, № 161, стр. 298). Въ соборной грамотѣ 1554 г. о бѣломъ клобукѣ, царь заявляетъ: „во всю свою область царскаго самодержства послахомъ къ сущимъ подъ областію святѣйшія русскія митрополія къ своимъ богомольцомъ, и повелѣхомъ снитися преосвященнымъ архіепископомъ, и епископомъ, и честѣйшимъ архимандритомъ, и игуменомъ, и всему освященному собору“ (А. И. т. I, № 173, стр. 331). Или на примѣръ: „въ прошломъ во 168 (1660) году по божественному повелѣнію и (повелѣнію) благочестивѣйшаго государя царя и великаго князя Адексѣя Михаиловича, всея великія и малыя и бѣлыя Русскія самодержца, собравшися преосвященный соборъ въ богохранимый царствующій градъ Москву, и снідохомся въ патріаршую крестовую палату митрополити, архіепископи и епископи“. Или: 21 декабря 1662 года государь, празднуя память московскаго митрополита св. Петра, задумываясь надъ судьбами вдовствующей русской церкви и о разныхъ церковныхъ нестройностяхъ, „изволилъ онъ, великій государь, учинити соборъ и писати о томъ ко вселенскимъ патріархамъ“, чтобы они пріѣхали въ Москву. „А къ своимъ государевымъ богомольцамъ, къ преосвященнымъ митрополитомъ, къ архіепископомъ, и епископомъ указалъ послать свои государевы грамоты, чтобъ они къ тому жъ собору пріѣхали къ Москвѣ изъ

Принявъ рѣшеніе созвать церковный соборъ, царь разсылалъ отъ себя особыя пригласительныя грамоты ко всѣмъ архіереямъ, съ предписаніемъ явиться въ Москву въ назначенное царемъ время. Безъ этого особаго царскаго приглашенія ни одинъ архіерей, только своею волею, ни подъ какимъ видомъ не смѣлъ явиться на соборъ. Тоже нужно сказать и о другихъ лицахъ, входившихъ въ составъ собора, какъ его члены, хотя приглашенія имъ шли не непосредственно отъ царя, а вѣроятно чрезъ одно изъ дворцовыхъ учрежденій. Такимъ образомъ составъ членовъ собора всякій разъ зависѣлъ отъ воли и усмотрѣнія государя, являлись на соборъ только тѣ, кого онъ самъ приглашалъ или повелѣвалъ другимъ пригласить.

Мѣсто, гдѣ происходили засѣданія собора, назначалось царемъ. Обыкновенно дѣло въ этомъ отношеніи ставилось такъ: если на соборѣ присутствовалъ самъ государь, то соборныя засѣданія обязательно происходили въ царскихъ палатахъ въ средней, золотой и такъ называемой столовой избѣ; а если царь на соборныхъ засѣданіяхъ не присутствовалъ, то онѣ обыкновенно происходили въ такъ называемой патриаршей крестовой палатѣ. Только два раза: въ 1572 г. и при патриархѣ Филаретѣ Никитичѣ, соборы происходили въ московскомъ Успенскомъ соборѣ.

Всѣ истинные или настоящіе соборы открывались обыкновенно самимъ государемъ, который по большей части лично присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, хотя далеко не на всѣхъ. Нерѣдко на соборъ онъ являлся въ сопровожденіи своихъ бояръ, окольных и думныхъ людей, которые принимали участіе въ соборныхъ засѣданіяхъ наравнѣ съ другими членами собора. Если царь оставлялъ соборныя засѣданія, или вовсе на нихъ не присутствовалъ, то ихъ оставляли или на нихъ не присутствовали и бояре, окольные и думные люди. Присутствіе царя на „истинномъ“ соборѣ считалось почти обязательнымъ, такъ какъ

давшихъ городовъ марта къ 25 числу, а изъ ближнихъ мая къ 9 числу“. Тоже говорится и относительно собора 1666 года, т. е. что государь разослалъ по всѣмъ архіереямъ особыя посланія, которыми приглашалъ ихъ явиться въ Москву на соборъ. (Гиббенста: Дѣло патр. Никона, т. I, стр. 242—243. Матер. для ист. раск. т. II, стр. 60. Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53).

оно придавало собору настоящую силу и авторитетность. Нероновъ на соборѣ 1653 года говорилъ Никону патріарху: „достоить поистинѣ и благочестивому царю быти на семъ соборѣ: понеже дѣло великое, Божіе и ево гусударево, и общее всѣхъ православныхъ христіанъ; а ими, благочестивыми и православными цари, всякъ глаголь вѣренъ бываетъ... Безъ нихъ же, благочестивыхъ государей, не состоится ничтоже, и вселенстіи семь соборовъ благочестивыхъ царей имѣли, и въ пособіе и въ помощь призывали съ моленіемъ, понеже ихъ помощію и совѣтомъ вѣра христіанская утвердися. И нынѣ также симъ благочестивымъ нашимъ государемъ царемъ всякая истина утверждается и правовѣріе и въ руссійскомъ его государствѣ яко солнце сіяетъ“. Убѣждая царя созвать истинный соборъ, и указывая изъ кого онъ долженъ состоять, Нероновъ говоритъ: „тебѣ же государю, яко превеликому столпу ту (на соборѣ) предсѣдѣти и всѣхъ зрѣти“. ¹⁾ Другой противникъ церковной реформы Никона, дьяконъ Ѳеодоръ, приглашаетъ царя стать на соборѣ безпристрастнымъ судьей между двумя сторонами, борящимися за старое и новое. „Аще не собереши государь, говоритъ онъ, всѣхъ насъ во едино (не о себѣ азъ глаголю, ничто же бо есмь), кои стоятъ застарое и кои за новое, и обоихъ странъ словесъ самъ не услышиши: не познаешь, государь, истинны. Егда будетъ праведный между нами судія—или ты самъ, христіанская наша надежда, или кто вѣрный твой царевъ слуга въ тебе мѣсто, аще мы предъ твоимъ царскимъ лицомъ недостойны стати: тогда сіи святіи себе оправятъ и леть прогонятъ отъ церкви далѣе, да паки чиста явится церковная нива отъ соблазнъ!“ ²⁾ Соборное рѣшеніе, состоявшееся въ присутствіи царя, считалось окончательнымъ и неизмѣннымъ, не допускающимъ апелляціи и перерѣшенія, потому что „царское осуженіе суду не предлежитъ и не пресужается“ ³⁾. Тогда какъ недовольный рѣшеніемъ собора, на которомъ царь не присутствовалъ, всегда могъ апеллировать къ новому—большому собору, который обязанъ былъ вновь пересмотрѣть дѣло и могъ поставить по немъ иное рѣшеніе.

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. I, стр. 66, 235—236.

²⁾ Матер. для ист. раск. т. VI, стр. 42—43.

³⁾ Макарія: Ист. рус. церкви т. VI, стр. 146, примѣчаніе.

Состоявшіяся на соборѣ тѣ или другія постановленія получали обязательную силу закона и вводились въ церковную практику не иначе, какъ только послѣ просмотра и одобренія ихъ царемъ, который привѣшивалъ къ нимъ свою печать или скрѣплялъ ихъ своею подписью, безъ чего соборныя постановленія, сами по себѣ, не имѣли никакой силы. Въ большинствѣ случаевъ сами государи разсылали потомъ въ разныя мѣста и установленія соборныя постановленія въ формѣ своихъ указовъ и распоряженій.

Такимъ образомъ вся внѣшняя, такъ сказать техническая сторона московскихъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, исключительно зависѣла отъ царя: онъ былъ инициаторомъ соборовъ и безъ его согласія они не могли состояться; онъ опредѣлялъ время и мѣсто соборныхъ собраній, составъ и количество лицъ, засѣдающихъ на соборѣ, онъ открывалъ соборныя засѣданія, утверждалъ состоявшіяся соборныя постановленія, придавая имъ силу закона, и потомъ заботился о проведеніи ихъ въ жизнь, съ помощію своихъ царскихъ указовъ и распоряженій.

Государь, рѣшивъ собрать церковный соборъ, естественно долженъ былъ прежде всего позаботиться приготовить и извѣстнымъ образомъ предварительно обработать тотъ матеріалъ, надъ которымъ потомъ долженъ былъ оперировать соборъ. Отцы Стоглаваго собора объ этой предварительной предсоборной дѣятельности государя говорятъ слѣдующее: „нѣкогда вниде въ слухи боговѣнчаннаго и христіюлюбиваго царя и государя великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи самодержца, что по многимъ святымъ Божиимъ церквамъ звонять и поютъ не вовремя, кромѣ божественнаго устава, и многіе церковныя чины не сполна совершаются по священнымъ божественнымъ правиламъ, и не поуставу. Онъ же, боголюбивый царь, о томъ таковая слыша, не просто вмѣни, но разжеся Духомъ святымъ, вскорѣ *повелъ исписати о тѣхъ многоразличныхъ церковныхъ чинехъ*, которые не по уставу и несполна по священнымъ правиламъ совершаются, и вдасть на соборѣ отцу своему Макарію митрополиту всея Русіи, и повелѣ ему о всѣхъ тѣхъ церковныхъ чинехъ, разсудивъ, указъ учинити по божественному уставу и по священнымъ правиламъ“. Итакъ, царь Иванъ Васильевичъ, прежде созванія собора 1551 года, „повелѣлъ исписать“ о тѣхъ цер-

ковныхъ и богослужебныхъ нестроеніяхъ, о которыхъ онъ получалъ свѣдѣнія т. е. еще до собора имъ назначена была особая предсоборная коммисія, которая должна была собрать и приготовить весь матеріалъ для предстоящаго собора. Несомнѣнно, что въ составъ предсоборнаго матеріала входили и личныя свѣдѣнія и наблюденія самого государя. На это есть прямое указаніе въ царскихъ вопросахъ собору. Въ 34-мъ царскомъ вопросѣ говорится: „да на Божественной литургіи: Отца и Сына и Святаго Духа Троицу единосущную и нераздѣльную всегда не поютъ, рѣшью говорить въ нашемъ царствѣ. *Какъ есмь былъ въ Новгородѣ Великомъ и во Псковѣ, во святой Софее претрудности Божіи и у жизвоначальныя Троицы, и во всѣхъ святыхъ Божіихъ церквахъ по воскреснымъ днемъ, и по господскимъ праздникомъ, и нарочитымъ святымъ на вечерни: святыя славы поютъ и славословіе поютъ на заутрени*“ 1).

1) Что цари и лично намѣчали тѣ вопросы, какіе у нихъ самихъ вызвали недоумѣнія и потому предназначались ими къ передачѣ на соборное обсужденіе, это хорошо видно изъ черновой записки вопросовъ и предметовъ, которые царь Алексѣй Михайловичъ набросалъ для себя, имѣя въ виду передать ихъ потомъ на обсужденіе церковнаго собора. Этотъ любопытный документъ найденъ не очень давно и напечатанъ С. А. Бѣлокуровымъ. Текстъ этой записки слѣдующій: 1) „О единогласномъ пѣніи въ святой Божіей церкви и въ монастыряхъ, и въ соборахъ, и въ мірѣ (т. е. приходскихъ церквахъ). Едина вѣра, едино крещеніе, и единъ Богъ и Господь. 2) На рѣчь пѣти всякое знамя, какъ въ печати написано... и переводы есть старыя на рѣчь. 3) Псалтырь пѣти на востокъ лицомъ и *достойно* на литургии навсходѣ и на всякой службѣ. 4) Возгласы: *яко святъ еси Боже, нашъ и: яко да подѣ державою Твоею всегда держимы*, что на литургии, и молитва: *Владыко многомилостиве*—на востокъ. 5) О четырехдесятницѣ, когда бываетъ литургія съ вечерней въ навечеріе Рождества Христова и Богоявленія и Свѣтлаго Воскресенія, тогда уставъ повелѣваетъ пѣти поздно; также и въ великій постъ въ пятиднехъ пѣти поздно. 6) А часы по уставу поютъ въ монастырехъ часъ третей и шестой предъ обѣденою, а блаженну поютъ на обѣдни, а девятый часъ послѣ литургии, а индѣ поютъ всѣ часы и блаженну предъ обѣдней, а на литургии: *благо есть*. 7) Молебень пѣти по единому канону Спасу и Богородицы и святымъ праздничнымъ или храму. 8) По три каеизмы на заутрени уставъ повелѣваетъ съ сентября: отъ Воздвиженія честнаго креста декабря по 20 число. 9) Церковныя чтецы и пѣвцы по правиломъ рукоположены служатъ въ церкви. 10) Облачитися къ вечерни и заутрени и ко всякой церковной службѣ Ивандъ Милостивый повелѣваетъ облачитися во вся священная одежда. 11) Люди Божія по-

Точно такъ же, какъ на Стоглавомъ соборѣ, дѣло происходило и на другихъ церковныхъ соборахъ т. е. по распоряженію и указанію царя сначала учреждалась предсоборная коммиссія, которая собирала и извѣстнымъ образомъ обрабатывала (напримѣръ въ формѣ царскихъ запросовъ на Стоглавомъ соборѣ) весь матеріалъ, который потомъ и поступалъ на разсмотрѣніе, обсужденіе и рѣшеніе собора. Такъ, на соборѣ 1660 года, который долженъ былъ установить фактъ добровольнаго, или вѣрнѣе. самовольнаго оставленія Никономъ патріаршей кафедры, по указу государя, бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ „принесъ сказки писмянныя“ т. е. письменныя показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія были свидѣтелями обстоятельствъ оставленія Никономъ патріаршаго престола, которыхъ показанія ранѣе были отобраны по особому распоряженію государя. Эти сказки должны были служить матеріаломъ для соборнаго сужденія.—Когда 21 декабря 1662 года царь рѣшилъ созвать для суда надъ Никономъ новый—большій соборъ, и на него пригласить восточныхъ патріарховъ, то, въ тоже время, „указалъ великій государь быти въ Москвѣ: Иларіону архіепископу рязанскому и муромскому *для собранія къ тому собору всякихъ чинъ*, да у тогожъ дѣла быти боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да дьяку Лукьяну Голосову“. Очевидно этой коммиссіи поручалось собрать для предстоящаго собора весь матеріалъ, необходимый для настоящаго освѣщенія и составленія правильнаго соборнаго сужденія о всей дѣятельности и поступкахъ бывшаго патріарха Никона. Но этого мало. „А во время того собора указалъ великій государь *соборное дѣло вѣдать*

учати повелѣваетъ въ праздники и въ воскресные дни архіереемъ и ереемъ о вѣрѣ и о всякомъ благочестіи и о житіи христіанствомъ послѣ заутрени и обѣдни на рѣчь сказати, чтобъ всѣмъ людямъ откровенно было слово Божіе. 12) А которыхъ во священныи чинъ и во діаконски поставляти, и выбирати избранныхъ людей учительныхъ, чтобы знали кругъ церковный и уставъ; а которые не учены, и тѣхъ во училищѣ подобаетъ учити, чтобъ по правиломъ святыхъ отецъ всѣ знали, какъ души христіанскія просвѣщати. *Соль земли и святъ міру*. 13) А священническому и иноческому чину отъ пьянства трезвитесь и сквернословія отнюдь бы не держатися не токмо въ церкви, но и въ міру; на нихъ многіе мірскіе люди соблазняются“. (Чт. общ. ист. и древн. 1894 г., кн. IV, статья: Дѣяніе моск. церк. собора 1649 года, стр. 48—49).

своимъ государевымъ богомольцамъ: ростовскому митрополиту Іонѣ, да рязанскому архіепископу Иларіону, да своимъ государевымъ бояромъ: боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да боярину Петру Михайловичу Салтыкову, да думному дворянину Прокофью Кузмичу Елизарову, да думному дьяку Алмазу Иванову, да дьяку Ивану Голосову⁴. Значить, въ эту вторую комиссію, которой поручалось „соборное дѣло вѣдать“, вошла вся предсоборная комиссія съ присоединеніемъ къ ней нѣсколькихъ новыхъ лицъ: изъ духовныхъ—митрополита Іоны, изъ свѣтскихъ—боярина Одоевскаго и думнаго дьяка Алмаза Иванова. Эта вторая комиссія, предназначенная дѣйствовать уже во время самыхъ соборныхъ засѣданій, играла роль справочнаго и дѣловаго бюро, которое хранило у себя весь ранѣе собранный для собора матеріаль, передавало его въ соборныя засѣданія, давало собору нужныя справки, разъясненія, наблюдало заведеніемъ записей по соборнымъ преціямъ, приводило ихъ въ порядокъ и единство и о всемъ, что происходило на соборѣ, докладывало государю, когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ. Нельзя, въ данномъ случаѣ, не обратить вниманіе на то важное обстоятельство, что обѣ комиссіи, какъ предсоборная, такъ и соборная, по составу своихъ членовъ смѣшаннаго характера, состоятъ изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, при чемъ послѣдніе численно рѣшительно преобладаютъ надъ духовными. Само собою понятно, что какъ предсоборная, такъ и соборная комиссіи находились въ непосредственномъ вѣдѣніи государя и руководствовались въ своей дѣятельности его непосредственными указаніями.—Въ 1682 году царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ собралъ церковный соборъ и прислалъ рядъ своихъ письменныхъ предложеній, съ повелѣніемъ собору разсмотрѣть, обсудить ихъ и дать на нихъ свой отвѣтъ. Важнѣйшимъ изъ царскихъ предложеній былъ проектъ реформы высшаго церковнаго управленія и увеличеніе числа епархій до 72-хъ. Всѣ нужныя обширныя справки и матеріалы по этому дѣлу заранѣе были собраны предсоборной комиссіей и въ готовомъ видѣ представлены были на соборѣ. Такъ какъ всѣ архіереи на соборѣ единодушно отклонили предложенную

⁴ Гиббенета: Дѣло о патр. Никонѣ, т. I, стр. 245.

царемъ реформу, то отсюда можно заключить, что въ предсоборной комиссіи, разработывавше й проектъ реформы, архіереи вовсе не участвовали.

Такимъ образомъ весь матеріалъ для предназначеннаго того или другаго церковнаго собора, по распоряженію государя, собирался и разработывался заранѣе особою назначенною имъ для этого комиссіею, и затѣмъ поступалъ на соборъ въ формѣ царскихъ предложеній или вопросовъ, на которые соборъ и давалъ свои отвѣты. Значить, какъ самыя вопросы или точнѣе предметы, которые долженъ былъ разсматривать и обсуждать соборъ, опредѣлялись не имъ, а исключительно государемъ, который вѣроятно предварительно совѣтывался обо всемъ съ митрополитомъ, а потомъ патриархомъ; точно такъ же царскими же вопросами и предложеніями создавались и тѣ опредѣленныя рамки, только въ предѣлахъ которыхъ и могла двигаться вся соборная дѣятельность, не имѣвшая права переходить за установленныя для нея царемъ границы, или вносить отъ себя что-либо новое, чего не давалось и не предусматривалось въ царскихъ вопросахъ и предложеніяхъ,—дѣло собора было отвѣчать на предложенные вопросы, а не ставить ихъ отъ себя.

Когда всѣ подготовительныя работы къ предстоящему собору были закончены, царь открывалъ соборъ и произносилъ на немъ рѣчь, въ которой указывалъ на причины собранія собора, на главный предметъ и конечную цѣль соборныхъ занятій. Нѣкоторыя изъ дошедшихъ до насъ царскихъ рѣчей къ соборамъ очень характерны въ томъ отношеніи, что онѣ имѣютъ видъ поученій и назиданій отцамъ собора, выражаютъ открытое стремленіе государей побудить своихъ богомольцевъ стоять на высотѣ своего церковнаго призванія, воодушевить ихъ дѣйствовать безъ лѣности, безъ угодничества и уклончивости, руководствуясь только истиною, только опираясь на находящіяся въ ихъ распоряженіи церковныя правила и узаконенія, руководственное значеніе которыхъ признаетъ православная церковь.

На Стоглавомъ соборѣ царь въ первой своей — устной рѣчи, говорилъ: „не обълѣнитесь изрещи слово къ благочестію единомысленно о православной нашей христіанской вѣрѣ, и о благосостояніи святыхъ Божіихъ церквахъ, и о нашемъ благочестивомъ царствіи, и о устроеніи всего православнаго

христіанства, зѣло бо желаю и срадуюся и согласую сослужебень съ вами быти, и вѣрѣ поборникъ.“ Во второй своей—письменной рѣчи, которую царь передалъ собору, онъ между прочимъ взываетъ: „Бога ради и пречистыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ ради, потружайтесь, во еже исправити истинная и непорочная наша христіанская вѣра, иже отъ божественнаго писанія во исправленіе церковному благочинію и царскому благозаконію и всякому земскому строенію, и нашимъ единокровнымъ и безсмертнымъ душамъ на просвѣщеніе и на оживленіе и на утверженіе истинныя православныя христіанскія вѣры“. И обращаясь особенно къ пастырямъ церкви царь говоритъ: „вы же, отцы наши—пастыри и учителя, внидите въ чувства ваща, прося у Бога помощи, изтрезвите умъ вашъ и просвѣтитесь во всякихъ богодухновенныхъ обычаяхъ, яко же предаде вамъ Господь“. И затѣмъ, прося отцовъ собора научать и просвѣщать на всякое благочестіе его—царя, князей, бояръ и все православное христіанство „нелѣпно и тщательно“, говоритъ: „прежде убо вы сами—пастыри и учителя извѣстите себе и утвердитесь, и умножите данный вамъ отъ Бога талантъ... Потружайтесь о истиннѣй и непорочнѣй православной христіанствѣй вѣрѣ, и утвердите и изъясните, яко жъ предаша вамъ святіи отцы по божественнымъ правиламъ; и не токмо, глаголю вамъ, потрудитесь, но и постраждете за имя Христово, яко жъ они, божественніи мужіе, не токмо бо за имя Того страдаху, но и за образъ“. Въ заключеніе царь говоритъ: „азъ же вкупѣ единодушно всегда есмь съ вами исправляти и утверждати, яко наставитъ насъ Духъ святыи“ и заявляетъ, что—пастыри безъ страха должны воспрещать и ему—царю, если онъ явится въ чемъ ослушникомъ божественныхъ правилъ.—Характеръ приведенной рѣчи царя къ собору—учительно-назидательный относительно отцовъ собора, самый ея тонъ, показываетъ, что царь чувствовалъ и сознавалъ, что именно онъ есть верховный управитель не только дѣлъ государственныхъ, но и церковныхъ, и что его „царскіе богомольцы“ нуждаются въ его царскомъ поощреніи и наставленіи въ дѣлѣ церковнаго устройства.

Въ 1660 году царь собралъ соборъ по дѣлу отреченія Никона патріарха и, рассказываетъ соборное дѣяніе, „февраля въ 16 день предсташа весь преосвященный соборъ предъ

лицомъ великаго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержца, и слыша отъ святыхъ устъ его веліе попеченіе, зане святая соборная церковь пастыря и жениха не имѣеть, да преосвященный соборъ о семъ крѣпко и единодушно праведнѣ, не имѣя кто ненависти и тщетныя любви, по правиломъ святыхъ апостолъ и святыхъ отецъ, разсуждаютъ, памятуя кійждо страшный судъ и воздаяніе комуждо по дѣломъ его... И въ нынѣшній же настоящій 168 годъ, февраля въ 27 день, говоритъ тоже соборное дѣяніе, по указу великаго государя... преосвященный соборъ о отреченіи патриаршества святѣйшаго патриарха Никона правильной выписки слушали, и по выпискѣ правилнѣ разсуждали, бояся кійждо страшнаго суда Божія, *и помня великаго государя мудрѣйшее повелѣніе вышестисанное*, крѣпцѣ смотриша, да не како неправилнѣ управленіе сіе совершиться иматъ¹⁾. Опять царь обращается къ членамъ собора съ навиданіемъ, что бы они обсудили предложенное имъ дѣло справедливо, по божественнымъ правиламъ, не увлекаясь, при рѣшеніи его, личной ненавистію и пристрастіемъ, памятуя каждый страшный судъ и воздаяніе на немъ каждому по дѣломъ его. И члены собора сами свидѣльствуютъ, что они всячески старались рѣшить дѣло справедливо, „бояся кійждо страшнаго суда Божія и помня великаго государя премудрѣйшее повелѣніе вышестисанное“, чѣмъ отцы собора какъ будто даютъ понять, что „премудрѣйшее повелѣніе государя“ о справедливости и безпристрастїи соборныхъ рѣшеній было для нихъ далеко не лишнимъ, такъ какъ намятованіе объ немъ было для нихъ однимъ изъ мотивовъ рѣшить дѣло безпристрастно.

Открывая соборъ 1666 года царь въ своей рѣчи къ собору между прочимъ говорилъ: „молимъ убо вы (отцовъ собора) и увѣщаемъ, яко да со всякимъ тщавіемъ прилежите о семъ дѣлѣ Божіи, во ежебы намъ о непопеченіи, вамъ же о нерадѣніи и небреженіи, въ страшный день отмщенія Судїи величїемъ рному слова не воздати. Се мы засвидѣтельствуемъ безначально живущаго и безконечно царствующаго, яко готови есмы вся наша и самыхъ насъ положити на по-

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53 и 62.

бореніе по церкви Божіи; вы точію, о дѣлательіе нивы Христовы, небреженіемъ отягчени не будите“¹⁾. И здѣсь царь убѣждаетъ отцовъ собора необлѣниться, не быть небрежными и нерадивыми къ дѣлу Божію, показать въ немъ тщаніе и ревность; а про себя заявляетъ, что готовъ всего себя отдать „на побораніе по церкви Божіи“.

Такимъ образомъ всѣ рѣчи государей къ отцамъ соборовъ въ извѣстной степени напоминаютъ собою рѣчи тѣхъ полководцевъ, которые, передъ битвой съ непріателемъ, стараются воодушевить своихъ соратниковъ, поднять въ нихъ мужество и отвагу, возбудить въ нихъ готовность всѣмъ пожертвовать ради побѣды; цари на соборахъ это — полководцы, отцы соборовъ—ихъ соратники.

Въ какомъ отношеніи царь находился къ соборнымъ засѣданіямъ и ко всему происходившему на соборѣ, это съ достаточною ясностію можно видѣть изъ дѣяній нѣкоторыхъ соборовъ, о которыхъ до насъ дошли болѣе подробныя свѣдѣнія.

На соборѣ 1660 года, объ оставленіи каеэды Никономъ, царь, какъ мы видѣли, призвалъ къ себѣ во дворецъ архіереевъ и другихъ членовъ собора, поучалъ ихъ и внушалъ разсмотрѣть и рѣшить предложенное имъ дѣло съ полнымъ безпристрастіемъ. Выслушавъ это „мудрѣйшее повелѣніе“ государя, отцы собора оставили дворецъ и направились въ патриаршую крестовую палату, гдѣ и происходили соборныя засѣданія. По повелѣнію государя сюда явился бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ, исполнявшій на соборѣ роль высшаго оберъ-прокурора Св. Синода. Этотъ царскій „синаклитикъ“ „принесъ на соборъ сказки писмянныя“, въ которыхъ заключались показанія всѣхъ тѣхъ лицъ, какія были свидѣтелями оставленія Никономъ патриаршей каеэды, послѣ извѣстной его службы въ Успенскомъ соборѣ. Всѣ эти письменныя показанія были ранѣе, по повелѣнію государя, отобраны отъ нихъ. Соборъ „сказокъ слушавъ“ и провѣривъ ихъ личными показаніями свидѣтелей, которые нарочно были вызваны на соборъ, пришелъ къ заключенію, „что святѣйшій патриархъ Никонъ оставилъ свой патриаршій престоль своею волею“. Съ этимъ заключеніемъ соборъ от-

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 71.

правиль для доклада государю боярина Салтыкова. Тотъ, доложивъ дѣло государю, „пришедъ на соборъ сказалъ, что великій государь... указалъ преосвященному собору выписать изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ о отшествіи бывшаго патріарха Никона, а у выписки указалъ великій государь быть преосвященному архіепископу Маркелу вологодскому и бѣлозерскому, и преосвященному архіепископу Иларіону рязанскому и муромскому, и преосвященному Макарію архіепископу псковскому и изборскому, Чудова монастыря архимандриту Павлу, Александрова монастыря Свирскаго игумену Симону“. Согласно приказанію государя соборъ назначилъ указанныхъ ему лицъ для выписки правилъ. Сдѣланныя выписки правилъ представлены были потомъ на благоусмотрѣніе государя, причемъ соборъ свидѣтельствуеть, что „сія вся правила и предреченная свидѣтельства *трикратно предлагахомъ предъ лицемъ великаго государя въ его царскихъ палатахъ*“ т. е. царь, очевидно, считалъ представляемыя ему выписки правилъ недостаточными и три раза возвращалъ ихъ собору для дополненій. Но не смотря на дополненія, государь всетаки находилъ и теперь выписки правилъ соборомъ не вполне удовлетворительными, и указалъ собору на средство достигнуть по этому дѣлу болѣе удовлетворительныхъ результатовъ. „Овъ, великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, правилъ святыхъ отецъ и свидѣтельскихъ отвѣтовъ слушавъ, указалъ пригласить обрѣтшихся въ Москвѣ греческихъ архіереевъ... и выписать имъ изъ правилъ св. апостолъ и св. отецъ, и быти имъ для свидѣтельства на соборѣ;“ въ переводчики къ греческимъ іерархамъ назначень былъ извѣстный Епифаній Славинецкій. Такимъ образомъ составъ собора былъ усиленъ включеніемъ въ него, по повелѣнію государя, новыхъ членовъ — трехъ находившихся тогда въ Москвѣ греческихъ архіереевъ, которые должны были сдѣлать выписки правилъ изъ греческихъ книгъ, что дѣйствительно ими и было исполнено. Тогда „*наки преосвященный соборъ предстахомъ предъ лицемъ великаго государя царя,* и опять представилъ ему выписки изъ правилъ, сдѣланныя и русскими и греческими архіереями, какъ вполне согласныя между собою въ томъ, что Никонъ по правиламъ долженъ быть лишенъ архіерейства и самаго священства, и что на его мѣсто слѣдуетъ немедленно поставить новаго патрі-

арха. Это рѣшеніе собора государь, говоритъ соборное дѣяніе, „разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ синклитомъ“ т. е. обсудивъ его съ своею боярскою думою, нашель правильнымъ, и потому „повелѣлъ тако быти.. и соборное сіе писаніе совершити“ т. е. окончательно написать его. Когда оно было наконецъ написано и представлено на благоусмотрѣніе государя, онъ исправилъ его своею рукою (почему оно и сохранило помѣту: „правлено рукою государя“) и затѣмъ повелѣлъ „соборное сіе писаніе совершити и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церкви при себе, великомъ государѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при своемъ царскомъ синклитѣ“ ¹⁾.

Въ 1660 году собранъ былъ и другой соборъ по поводу обвиненій, взведенныхъ суздальскимъ попомъ Никитою на суздальскаго архіепископа Стефана, о чемъ ранѣе, по приказанію государя, произведенъ былъ на мѣстѣ розыскъ и собраны были „обыскныя рѣчи“. Теперь на соборъ великій государь, говоритъ соборное дѣяніе, „прислалъ къ намъ, преосвященному собору, обыскныя рѣчи съ бояриномъ съ Петромъ Михайловичемъ Салтыковымъ, да съ думнымъ дьякомъ Алмазомъ Ивановымъ, чтобъ намъ по тѣмъ обыскнымъ рѣчамъ правильно объ этомъ архіепископѣ Стефанѣ поразсудить, и у того дѣла великій государь указалъ съ нами, архіереями, быть боярину своему Петру Михайловичу Салтыкову, да думному діаку Алмазу Иванову. И тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы соборнѣ съ бояриномъ и діакомъ слушали и по тѣмъ обыскамъ и рѣчамъ познали“... Здѣсь особенно характерно то обстоятельство, что на соборномъ судѣ надъ архіепископомъ, наряду съ архіереями, какъ полноправные члены собора, и значить, какъ судьи архіепископа, были и міряне: царскій бояринъ и дьякъ.

12 декабря 1666 года въ патриаршей крестовой палатѣ, въ присутствіи восточныхъ патриарховъ, всѣхъ русскихъ и греческихъ членовъ собора, состоялось засѣданіе для объявленія соборнаго приговора Никону. Когда всѣ собрались, „святѣйшіе вселенскіе патриархи послали извѣстить великому

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 53—111. Гиббенетъ, т. 1, стр. 180—220.

государю стольника князь Петра Прозоровскаго, что бѣ великій государь изволилъ прислать къ нимъ на соборъ отъ своево царскаго синклита ково онъ, великій государь, укажетъ“; царь прислалъ на соборъ боярь: Никиту Ивановича Одоевскаго, Петра Михайловича Салтыкова, думнаго дворянина Прокофія Кузмича Елизарова и думнаго дьяка Алмаза Иванова. „И какъ бояря и думный дворянинъ и дьякъ въ крестовую пришли, и святѣйшіе патріархи, благословя ихъ, велѣли имъ сѣсть на скамьѣ“¹⁾, т. е. присутствовать, какъ представителямъ государя, на соборномъ засѣданіи.

Изъ приведенныхъ нами свидѣтельствъ слѣдуетъ, что всѣ соборныя засѣданія происходили подъ постояннымъ наблюденіемъ государя, что когда онъ самъ не присутствовалъ на соборныхъ засѣданіяхъ, то посылалъ на соборъ своихъ довѣренныхъ боярь, думныхъ дворянъ и дьяковъ; что государю докладывалось о всякомъ рѣшеніи и заключеніи, къ какому приходилъ соборъ по тому или другому вопросу; что соборъ среди своихъ засѣданій требовалъ отъ царя дальнѣйшихъ указаній и распоряженій для веденія соборныхъ дѣлъ, и, какъ скоро получалъ ихъ, сейчасъ же приводилъ въ исполненіе; что посылаемые царемъ на соборъ его бояре, думные люди и дьяки, не просто только присутствовали на соборныхъ засѣданіяхъ, но и принимали въ нихъ непосредственное дѣятельное участіе, о чемъ прямо свидѣлствуютъ сами присутствовавшіе на соборѣ архіереи, когда въ своихъ соборныхъ дѣяніяхъ заявляютъ, что „тѣхъ обыскныхъ рѣчей мы (т. е. архіереи) соборныя съ бояриномъ и діакомъ слушали... и познали“. Не трудно видѣть также, что царскіе сиклитики, какъ довѣренныя лица государя, играли на соборахъ очень видную и вліятельную роль, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ они были главною пружиною, двигающаго соборныя дѣла въ нужномъ опредѣленномъ направленіи, такъ какъ за ними всегда стоялъ самъ великій государь. Да и кромѣ того, имъ придавало необходимо особую силу на соборахъ ихъ предварительное близкое знакомство съ предметами соборныхъ засѣданій, какаго никакъ не могъ имѣть случайно вызванный въ Москву, для присутствія на соборѣ, заурядный провинціальный архіерей.

1) Гиббенетъ т. II, стр. 1098.

Что касается самыхъ соборныхъ постановленій и рѣшеній, то и онѣ составлялись по большей части въ духѣ желаній государя, и иногда въ этомъ отношеніи дѣло заходило такъ далеко, что, изъ угожденія предъ царемъ, соборъ дѣлалъ постановленія, рѣшительно несогласныя съ совѣстію и убѣжденіями отцовъ собора. Вотъ факты.

Въ 1572 году царь Иванъ Васильевичъ собралъ соборъ изъ архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ и всего освященнаго собора, и просилъ разрѣшить ему вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный. Соборъ отвѣтилъ на это незаконное, антицерковное требованіе царя, согласіемъ и постарался подыскать такія каноническія основанія, которыя будто бы дозволяютъ, при извѣстныхъ условіяхъ, разрѣшить царю четвертый бракъ, какъ церковно-законный. А между тѣмъ еще очень недавно, — тому только двадцать лѣтъ назадъ, Стоглавый соборъ, подъ предсѣдательствомъ того же самаго царя постановилъ, чтобы четвертаго брака недопускать ни подъ какимъ видомъ, и чтобы, навсегда и незыблемо утвердить это постановленіе, ссылаясь на слова Григорія Богослова: „первый рече (Григорій Богословъ) бракъ — законъ, второй—прощеніе, третій—законопреступленіе, четвертый—нечестіе, *понеже свинское есть житіе*“¹⁾). И это „свинское житіе“ теперь приходилось собору признать публично житіемъ церковно-законнымъ и допустимымъ для благочестивѣйшаго православнаго государя. Правда соборъ 1572 года въ своемъ разрѣшеніи государю вступить въ четвертый бракъ, какъ церковно-законный, сдѣлалъ такую прибавку: „а прочіи человекѣ отъ мірскихъ, царьскаго синклита и до простыхъ, никакоже да не дерзнетъ таковая сотворити—четвертому браку сочетатися; аще кто, гордостію дмяся или отъ неразумія, дерзнетъ таковая сотворити, пригрознымъ клятвамъ да будетъ таковой за дерзость по священнымъ правиломъ проклятъ“²⁾). Но эта приписка служитъ только еще къ большому обличенію малодушія и угодничества отцовъ собора 1572 года, которые очевидно вполне сознательно, только ради страха предъ царемъ, нарушили ясные, вполне опредѣленные ими самими признаваемые обязательными для

¹⁾ Стоглавъ, стр. 119—120. Изд. брат. св. Петра.

²⁾ А. Э. 1, № 284, стр. 331.

всѣхъ церковные законы о не допустимости для всѣхъ православныхъ четвертаго брака ¹⁾).

Лжедмитрій желалъ жениться на католичкѣ Маріи Мнишекъ, которая, что бы стать русскою царицею, должна была принять православіе. По тогдашнимъ русскимъ понятіямъ и существовавшей у насъ церковной практикѣ, католическое крещеніе не признавалось истиннымъ крещеніемъ, и всѣхъ католиковъ, обращающихся въ православіе, у насъ обязательно перекрещивали, почему и Марія Мнишекъ должна была подвергнуться перекрещиванію. Понятно, что она не подъ какимъ видомъ не могла согласиться на это, т. е. признать себя доселѣ некрещенной. Что бы добиться ея присоединенія къ православію не перекрещиваніемъ, а только чрезъ миропомазаніе, Лжедмитрій поступаетъ такимъ образомъ: онъ заставляетъ русскихъ епископовъ поставить въ патріархи тогдашняго рязанскаго архіепископа грека Игнатія. Нужно имѣть въ виду, что тогдашняя греческая церковь присоединяла католиковъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а перекрещиванія ихъ, какъ дѣйствія канонически неправильнаго, не допускала. Значитъ и грекъ Игнатій считалъ единственно правильнымъ присоединеніе Мнишекъ къ православію чрезъ миропомазаніе, а не перекрещиваніе. Ради именно этого Лжедмитрій поставилъ его въ патріархи т. е. что бы онъ, какъ патріархъ, заставилъ русскихъ епископовъ, въ дѣлѣ присоединенія Марины къ православію, слѣдовать не русской тогдашней, а греческой церковной практикѣ. И дѣйствительно, когда Марина пріѣхала въ Москву, Лжедмитрій собралъ соборъ изъ епископовъ, на которомъ „вмѣняетъ ей (Маринѣ), преокаянный, латынское богопротивное крещеніе

¹⁾ Нельзя думать, что бы отцы собора 1572 года считали возможнымъ изъ общаго правила о недопустимости четвертаго брака дѣлать исключеніе въ пользу государей, такъ какъ Стоглавъ, который имъ конечно хорошо былъ извѣстенъ, сказавъ о четвертомъ бракѣ, какъ о „свинскомъ житіи“, сейчасъ продолжаетъ: „премудрый царь Левъ и къ четвертому браку совокушилъ ся баше, и во отлученіе впаде отъ Николы патріарха, ему жъ много моляшесь царь, еже разрѣшити его отъ таковаго связанія. И яко онъ не умоленъ бысть, отъ церкви его изгна и внего паки мѣсто Евоемья, мужа освященна, постави на патріаршество. И сему много моляшесь, еже разрѣшити его отъ таковаго связанія, — не токмо разрѣши его, но и отвержена и не прощена сотвори ради четвертаго брака, съ множайшими святителями возбранивъ“.

во истинное святое христіанское купельное порожденіе“. На соборѣ грекъ патріархъ Игнатій, придерживаясь греческой тогдашней практики, отрицалъ законность и нужду перекрещиванія Марины. По одному современному событіямъ сказанію „не многи поистине“ сначала было заявили на соборѣ, отстаивая русскую церковную практику, что Марину слѣдуетъ крестить вновь. Но другіе—большинство изъ чело-вѣкогодія, изъ за слабости къ мірской славѣ „на обою ногу болѣніемъ хромлюще, прельстившася; купножь не пастырски, но наемнически, и ужаснушася, воли его быти повинувшеся, попустиша. Зряще то и первыи умолюша, яко словеса беззаконныхъ премогоша, и вси даша ему плещи“ ¹⁾. Такимъ образомъ епископы единственно, какъ объясняетъ современный событіямъ бытописатель, изъ чело-вѣкогодничества, изъ слабости къ славѣ мірской, изъ страха предъ царемъ, отказались на соборѣ, вопреки своему убѣжденію, вопреки существовавшей тогда у насъ церковной практикѣ, отъ перекрещиванія Марины и присоединили ее къ православію чрезъ миропомазаніе.

Царь Алексѣй Михайловичъ былъ горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ единогласія въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Онъ вѣрилъ, что отъ многогласія, тогда у насъ всюду господствовавшаго, церковныя службы теряютъ всякую назидательность, спасительность и полезность для вѣрующихъ, и что такимъ образомъ многогласіемъ разрушается благочестіе на Руси. Въ виду этого 11-го февраля 1649 года онъ собралъ у себя „въ средней“ соборѣ, на которомъ долженъ былъ обещаться и рѣшиться вопросъ о введеніи единогласія вмѣсто прежняго многогласія. На этомъ соборѣ, кромѣ патріарха, присутствовали: два митрополита, три архіепископа, одинъ епископъ, пять архимандритовъ, семь игуменовъ, десять протопоповъ и освященный соборъ. Вопреки ожиданіямъ и намѣреніямъ царя, соборъ порѣшилъ остаться при прежнемъ многогласіи, что и подкрѣпилъ своими подписями подъ соборными дѣяніями. Голосъ представителей церкви по данному чисто церковному вопросу сказался, такимъ образомъ, ясно и опредѣленно, но зато онъ былъ не согласенъ съ убѣжде-

¹⁾ Временникъ, рукопись Флорисшевой пустыни, № 108—682, л. 165 об. и 166.

ніями и намѣреніями царя, что и погубило соборъ. Царь не утвердилъ состоявшагося соборнаго постановленія о многогласіи въ церковномъ пѣніи и чтеніи, такъ что оно, не смотря на всю свою формально - каноническую правильность, не получило никакой практической силы и значенія, не стало закономъ. Но этаго мало. Черезъ два года царь заставилъ того же патріарха Іосифа снова пересмотрѣть этотъ вопросъ на новомъ соборѣ и рѣшить его такъ, какъ желалъ этого царь. И дѣйствительно на соборѣ 1651 года патріархъ Іосифъ, вопреки своему соборному постановленію въ 1649 году, рѣшилъ всюду уничтожить многогласіе и призналъ для всѣхъ обязательнымъ единогласіе. Это новое соборное постановленіе было признано царемъ и потому стало закономъ. Очевидно воля и желанія государя царили въ соборныхъ рѣшеніяхъ и по чисто церковнымъ вопросамъ.

Иногда государя дѣйствовали на церковныхъ соборахъ не такъ рѣшительно и круто, какъ въ указанныхъ выше случаяхъ, но достигали своихъ цѣлей средствами болѣе дипломатическими, такъ что со стороны казалось, что соборъ дѣйствуетъ вполне свободно и самостоятельно, постановляетъ свое рѣшеніе не подъ внѣшнимъ давленіемъ, а по внутреннему убѣжденію, хотя въ дѣйствительности было далеко не такъ. Укажемъ два случая подобнаго образа дѣйствій государя на церковныхъ соборахъ.

Важнѣйшимъ событіемъ нашей церковной жизни XVII вѣка была извѣстная церковная реформа патріарха Никона. А между тѣмъ эта реформа произведена была, и потомъ окончательно утверждена и принята церковію, единственно благодаря усиліямъ и настояніямъ царя Алексѣя Михайловича, тѣмъ воздѣйствіямъ не только на отдѣльныхъ лицъ, но и на цѣлыя соборы, какое онъ оказывалъ. Безъ дѣятельнаго участія и одобренія царя, эта реформа была бы невозможна. Дѣло тутъ заключается въ слѣдующемъ. Церковная реформа, въ духѣ всецѣлаго сближенія во всемъ русской церкви съ тогдашнею греческою, была задумана и подготовлена царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и его ближайшимъ совѣтникомъ и руководителемъ — царскимъ, духовникомъ, благовѣщенскимъ протопопомъ Стефаномъ Вонифатьевичемъ, съ нѣкоторыми другими лицами. Они, такъ сказать, воспитали и подготовили Никона къ роли церковнаго реформатора; намѣ-

тили ему общую программу будущихъ реформъ, подготовили почву и средства для ея выполнения, и потомъ уже сдѣлали его патріархомъ ¹⁾. Понятно, при такихъ условіяхъ, что царь былъ искренно заинтересованъ въ успѣхѣ реформъ Никона и готовъ былъ оказывать ему въ этомъ дѣлѣ всякую поддержку. Рѣшительное значеніе для всей церковной реформы Никона имѣлъ соборъ 1654 года, на которомъ рѣшался принципиальный вопросъ: слѣдуетъ или нѣтъ признать наши церковныя книги, чины и обряды погрѣшившими, отступившими отъ старины, и потому требующими исправленія по греческимъ образцамъ? Видную главную роль на соборѣ игралъ Никонъ, но исходъ того или иного голосованія на поставленный вопросъ зависѣлъ отъ царя. Никонъ обратился къ собору съ рѣчью, въ которой указалъ на причины побудившія собрать соборъ, на тѣ вопросы, которые подлежали соборному разсмотрѣнію и рѣшенію. Въ оправданіе задуманной церковной реформы онъ сослался на постановленіе константинопольскаго собора объ учрежденіи въ Россіи патріаршества, которое и прочелъ все собору. Затѣмъ указывая на нѣкоторыя русскія церковныя будто бы нововведенія Никонъ, обращаясь къ собору, спрашивалъ: „и о семъ прошу рѣшенія: новымъ-ли нашимъ печатнымъ Служебникамъ послѣдовать, или греческимъ и нашимъ, старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показываютъ? И ектеньи во святѣй литургіи сугубыя положены молебныя за многія прошенія, а въ греческихъ и нашихъ служебникахъ малыя: и о семъ како быти? На этотъ вопросъ Никона, говорить соборное дѣяніе: „*великій государь царь...* преосвященныя митрополиты, архіепископы, и епископъ... и священныя архимандриты и игумены... большого собора пречистыя Богородицы протопопъ... и весь освященный соборъ, *все едино отвѣщали:* достойно и праведно исправить противъ старыхъ харатейныхъ и греческихъ“. Итакъ, на соборѣ 1654 года царь первый подаетъ голосъ наравнѣ съ другими членами собора, и дѣлаетъ такой необычный для царя поступокъ конечно съ особою цѣлю: что бы предупредить со стороны собора возможность отрицательнаго отвѣта на поставленный Никономъ

---

¹⁾ Эти положенія будутъ подробно обоснованы въ особомъ изслѣдованіи, которое готовимъ къ печати.

вопросъ. Расчетъ былъ вѣрный. Если самъ царь первый подалъ голосъ въ смыслѣ необходимости совершить исправленіе русскихъ церковныхъ книгъ, чиновъ и обрядовъ, то конечно ни одинъ архіерей, никакой другой членъ собора, не отважился дать отвѣтъ несогласный съ заявленнымъ государемъ; это значило бы открыто идти противъ ясно и публично выраженнаго желанія царя. Очевидно голосъ государя подсказалъ отцамъ собора, что и какъ имъ слѣдуетъ отвѣчать на поставленный Никономъ вопросъ, и всѣ они дѣйствительно послѣдовали за царемъ, благодаря чему вопросъ о церковной реформѣ принципиально рѣшенъ былъ соборомъ такъ, какъ этаго желалъ царь.

Церковная реформа Никона, являвшаяся въ дѣйствительности осуществленіемъ плановъ государя, вызывала сильное неудовольствіе какъ среди архіереевъ и духовенства, такъ и среди народа. Непосредственный очевидецъ и внимательный наблюдатель церковно-реформаторской дѣятельности Никона, дьяконъ Павелъ Алепскій, сообщаетъ, что на соборѣ 1655 года Никонъ одобрилъ вновь исправленный съ греческаго Служебникъ, при чемъ говорилъ: „я самъ русскій и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія. На это, рассказываетъ Павелъ, нѣкоторые изъ членовъ высшаго духовенства отвѣтили: вѣра дарованная намъ Христомъ, ея обряды и таинства, все это пришло къ намъ съ востока. Но другіе, замѣчаетъ Алепскій, такъ какъ во всякомъ народѣ бываютъ люди упрямые и не покорные,—молчали, скрывая свое неудовольствіе, и говорили про себя: не хотимъ дѣлать измѣненій ни въ нашихъ книгахъ, ни въ нашихъ обрядахъ и церемоніяхъ, принятыхъ нами изъ стари. Только эти недовольные, говоритъ Павелъ, не имѣли смѣлости говорить открыто, зная, какъ трудно выдержать гнѣвъ патріарха, какъ поступилъ онъ съ епископомъ коломенскимъ, котораго сослалъ въ заточеніе“.—Когда Никонъ 21 декабря 1655 года, послѣ торжественной службы въ Успенскомъ соборѣ, въ виду всѣхъ перемѣнилъ русскій клобукъ на греческій; то, рассказываетъ Алепскій, бывшіе въ соборѣ епископы, игумены, священники и весь народъ подняли ропотъ и говорили: посмотрите какъ онъ перемѣнилъ архіерейскую одежду, которая, по внушенію Св. Духа, была предана св. Петромъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы сдѣлались христіанами. И

земля не потрясется въ виду своевольныхъ дѣйствій того, кто доселѣ одѣвался по русски, а теперь едѣлся грекомъ? Но, замѣчаетъ Павелъ, ропщущіе роптали тихо, боясь гнѣва государя“ 1). Самъ Никонъ при оставленіи имъ патріаршей кафедръ принужденъ былъ публично и съ горечью сознаться, что паства не понимала смысла и значенія его церковно-реформаторской дѣятельности, называла за нее Никона то иконоборцемъ, то еретикомъ, а когда онъ указывалъ на авторитетъ въ церковныхъ дѣлахъ восточныхъ патріарховъ, она хотѣла побить его камнями. Но вотъ Никонъ оставилъ патріаршій престолъ и окончательно разошелся съ царемъ. Съ паденіемъ Никона, казалось, должна была пасть и его церковная реформа. Такъ и думали и на такой исходъ крѣпко надѣялись всѣ защитники старины. Они создали очень быстро цѣлую противониконовскую литературу, въ которой подвергли самой строгой безошадной критикѣ всю реформаторскую дѣятельность Никона, находя ее безусловно губительной для русской церкви, для чистоты и не поврежденности русскаго православія. Царь постоянно получалъ отовсюду челобитныя съ настоятельными просьбами возстановить нарушенную Никономъ святую старину. Даже изъ среды епископовъ стали раздаваться голоса въ этомъ духѣ и казалось, что защитники старины дѣйствительно восторжествуютъ и реформа Никона, какъ не имѣвшая подъ собою твердой почвы въ общественномъ настроеніи, будетъ неминуемо уничтожена. Можетъ быть такъ бы и случилось, если бы не царь. Онъ, какъ мы сказали, былъ главнымъ виновникомъ церковной реформы Никона, онъ остался ея убѣжденнымъ горячимъ приверженцемъ и послѣ удаленія Никона, и не только не думалъ объ ея уничтоженіи, а на оборотъ: рѣшилъ торжественно и окончательно признать и утвердить ее голосомъ всей русской церкви.

Царь шелъ къ своей цѣли очень осторожно, но въ тоже время вѣрно. Прежде всего среди тогдашнихъ іерарховъ онъ приблизилъ къ себѣ такихъ лицъ, которые были несомнѣнными сторонниками реформы Никона, и готовы были проводить и отстаивать намѣренія и планы царя среди архіереевъ

---

1) Архідиакона Павла Алепскаго: Путешествіе антиохійскаго патр. Макарія въ Россію, переводъ съ арабскаго Муркоса.

и духовенства вообще. Такими лицами были: Павелъ митрополитъ Крутицкій, Иларіонъ архіепископъ рязанскій, Іоакимъ чудовскій архимандритъ, вполслѣдствіи патріархъ. Черезъ нихъ царь проводилъ свои намѣренія и черезъ нихъ воздѣйствовалъ на другихъ архіереевъ. Подготовивъ почву царь; 29 апрѣля 1666 года, созываетъ на соборъ архіереевъ, но прежде открытія собора, на предсоборномъ собраніи, предлагаетъ имъ предварительно письменно, за собственноручною подписью каждаго, отвѣтить на слѣдующіе три вопроса: „*первое*: какъ намъ долженствуетъ исповѣдати святѣйшихъ греческихъ патріарховъ: константинопольскаго, александрійскаго, антиохійскаго и іерусалимскаго, аще они православни суть? *Второе*: книги греческія *печатныя* и древнія рукописныя, ихже святѣйшіе греческіе патріархи употребляютъ и понимаютъ все славословіе Божіе исполняютъ, и чины церковныя, како исповѣдати долженствуемъ? *Третье*: соборъ, бывшій въ богоспасаемомъ, преименитомъ, царствующемъ, великомъ градѣ Москвѣ, при благочестивѣйшемъ и богохранимомъ государѣ нашемъ царѣ и великомъ князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцѣ, и при святѣйшемъ Никонѣ патріархѣ, и царскаго пресвѣтлаго величества при всемъ его синклитѣ, подписанный священныхъ руками, какъ исповѣдати нынѣ намъ долженствуетъ, иже содѣяся въ царскихъ палатахъ въ лѣто отъ созданія міра 7162, отъ поплоти рожества Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ лѣто 1654-е? „Понятно само собою, что всѣ находившіеся въ предсоборномъ собраніи архіереи, архимандриты и игумены прекрасно знали, какой отвѣтъ на поставленные вопросы желаетъ получить царь, и что иного отвѣта, несогласнаго съ волею и желаніемъ царя, имъ дать не возможно, тѣмъ болѣе что каждый изъ нихъ долженъ былъ дать свой письменный отвѣтъ въ отдѣльности отъ другихъ, за своею собственноручною подписью. Кромѣ того, относительно нѣкоторыхъ членовъ предсоборнаго собранія заранѣе было извѣстно, что они напишутъ свои отвѣты согласно съ желаніемъ царя, почему, при такихъ условіяхъ, охотниковъ проявить свое не согласіе съ государемъ конечно не нашлось. Такимъ образомъ всѣ важнѣйшіе члены собора, *еще за два мѣсяца до открытія соборныхъ засѣданій*, уже дали государю, каждый въ отдѣльности,

письменное заявленіе, что тогдашнихъ греческихъ патріарховъ, ихъ печатныя и рукописныя книги они признають вполне православными, точно такъ же признають и соборъ 1654 года, рѣшившій произвести у насъ церковную реформу, т. е. еще до собора они уже письменно выразили полное согласіе на признаніе правильности всей произведенной Никономъ реформы ¹⁾. Предварительно заручившись этими письменными заявленіями всѣхъ важнѣйшихъ отцовъ предстоящаго собора царь, чрезъ два мѣсяца послѣ этого, открылъ соборъ, увѣренный, что онъ окончательно утвердить произведенную Никономъ церковную реформу. Но не смотря на такую увѣренность царь всетаки и на самомъ соборѣ предпринялъ особыя мѣры, что бы реформа была утверждена торжественно, и притомъ всѣми присутствовавшими на соборѣ, а не только тѣми, которые уже ранѣе дали ему свои подписи, предрѣшавшія вопросъ въ положительномъ смыслѣ. Открывая соборъ, царь обратился къ нему съ рѣчью, въ которой заявлялъ, что онъ обрѣлъ въ своей царской сокровищницѣ „богодуховенную книгу, Хризовуль имянованную“, подъ которымъ онъ разумѣлъ то соборное дѣяніе константинопольской церкви, утверждавшее учрежденіе патріаршества на Руси, которое прислано было царю Федору Ивановичу, и между прочимъ заключало въ себѣ писанный по гречески символъ вѣры, послужившій основою для исправленія русскаго символа при Никонѣ. Этотъ самый „Хризовуль“ былъ читанъ и Никономъ на соборѣ 1654 года въ видахъ оправданія его намѣренія исправить русскія церковныя книги по греческимъ. Теперь самъ царь сталъ читать собору эту „богодуховенную книгу“, и когда дошелъ до заключающагося въ ней символа, то всталъ съ своего мѣста и прочелъ его стоя, послѣ чего обратился съ вопросомъ къ архіереямъ и бояромъ: „такъ-ли символъ святой и прочія догматы понаписанному во Хризовуль держать? „Когда новгородскій митрополитъ Питиримъ отъ лица собора отвѣтилъ: „такъ вѣримъ, такъ держимъ, яко же въ ней святѣйшіи четыре восточніи патріарси, написавше руками си и печатьми утвердивше, прислаша, и яко же твое пресвѣтлое царское величество благоволи намъ во услышеніе всѣмъ

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. II, стр. 35.

прочести“,—тогда царь, „цѣловавъ символъ святыи въ Хризовулѣ, вручи и преосвященному собору, его, вси по чину цѣловавше архіереи, предаша благороднымъ бояромъ, околничимъ и думнымъ людемъ, ко еже цѣловати“. Это цѣлованіе символа, заключающагося въ Хризовулѣ, начатое самимъ государемъ и потомъ, по его предложенію, продолженное всѣми архіереями, присутствовавшими на соборѣ боярами, околничими и думными людьми, служило торжественнымъ и очевиднымъ для всѣхъ согласіемъ всего собора съ своимъ предсѣдателемъ царемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественнымъ признаніемъ всею церковію правоты книжныхъ церковныхъ исправленій Никона. Значитъ, благодаря именно усиліямъ и настояніямъ государя церковная реформа Никона, не смотря на сильную оппозицію ей въ народѣ, духовенствѣ и среди самихъ архіереевъ, была наконецъ торжественно и окончательно признана всею русскою церковію. Послѣ этаго перваго засѣданія, окончательно порѣшившаго все дѣло о реформѣ, на послѣдующихъ соборныхъ засѣданіяхъ царь болѣе не присутствовалъ.

Такимъ образомъ весь процессъ выработки соборныхъ рѣшеній и постановленій всегда находился въ прямой или косвенной зависимости отъ государя, и въ большинствѣ случаевъ служилъ выраженіемъ царскихъ намѣреній и желаній въ сферѣ церковныхъ дѣлъ. То же нужно сказать и объ окончательныхъ постановленіяхъ соборовъ, получавшихъ потомъ силу закона.

Всѣ соборныя обсужденія, мнѣнія и рѣчи записывались на соборахъ особыми лицами и, на основаніи этихъ записей, составлялись потомъ такъ называемыя „соборныя дѣянія“. Нероновъ заявлялъ на соборѣ: „азъ же говорилъ Андреяну протопопу: что ты, братъ Андреяне, мои рѣчи пишешь. не всѣ (всѣ?); а что вы говорите съ патриархомъ всякія не подобныя рѣчи, и тѣхъ не единой рѣчи не пишешь? ¹⁾“. Въ постановленіи собора 1660 года о суздальскомъ архіепископѣ Стефанѣ замѣчено: „а приписалъ (писалъ соборное постановленіе) смиренный Иларіонъ, архіепископъ рязанскій и муромскій, по приговору всего священнаго собора“, т. е. Иларіонъ рязанскій былъ избранъ соборомъ своимъ секретаремъ и велъ всѣ

---

¹⁾ Матер. для ист. раск. т. 1, стр. 50.

соборныя записи. На соборномъ судѣ надъ Никономъ въ 1666 году было нѣсколько человѣкъ, которые записывали каждый все, что дѣлалось и говорилось на соборѣ; нѣсколько такихъ записей въ черновомъ видѣ дошли до насъ. Обработка соборныхъ матеріаловъ, извлеченіе изъ нихъ нужныхъ постановленій, требовало иногда много времени, а иногда и прямо творчества со стороны тѣхъ лицъ, которымъ царь поручалъ составить соборныя дѣянія. Возьмемъ, на примѣръ, соборъ 1666—1667 года, составить дѣянія котораго царь поручилъ извѣстному Симеону Полоцкому. Послѣдній, предъ оффиціальными дѣяніями собора, сначала помѣщаетъ сочиненное имъ очень витіеватое и довольно безсодержательное „сказаніе о святомъ соборѣ повелѣніемъ благочестивѣйшаго, тишайшаго, самодержавнѣйшаго, великаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи самодержца, въ царствующемъ преименитомъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ на новоявльшіяся раскольники и мятежники святаго православно каѳолическія церкви совокупленномъ въ лѣто 7174“. Помѣстивъ сочиненное имъ сказаніе, Полоцкій переходитъ затѣмъ къ изложенію самыхъ соборныхъ дѣяній. Такъ какъ соборныя засѣданія были открыты рѣчью царя къ собору, то онъ прежде всего помѣщаетъ: „Слово великаго царя ко освященному собору“. Но здѣсь сейчасъ же онъ дѣлаетъ такую любопытную замѣтку: „здѣ написать рѣчь великаго государя, или, доложивъ его великаго государя, сію послѣдующую“ т. е. Полоцкій попросту самъ сочиняетъ рѣчь отъ лица государя и, съ доклада государю, помѣщаетъ ее, какъ царскую рѣчь, въ соборныя дѣянія. Въ отвѣтъ на обращеніе царя къ собору, отъ лица послѣдняго, говорилъ новгородскій митрополитъ Питиримъ. И опять у Полоцкаго такая тутъ помѣта: „здѣсь рѣчь преосвященнаго митрополита написать, или, вмѣсто ея, сей отвѣтъ“, и спокойно свое сочиненіе вноситъ въ текстъ соборныхъ дѣяній, выдавая его за отвѣтъ государю Питирима. Иногда государь, находя соборное рѣшеніе вопроса несогласнымъ съ его собственными взглядами и убѣжденіями, относился къ нему прямо отрицательно т. е. не утверждалъ его, какъ это было, на примѣръ, съ соборнымъ дѣяніемъ 1649 года о единогласіи. Иногда только нѣкоторыя отдѣльныя дѣянія соборовъ царь считалъ не удобнымъ пре-

давать оглашенію, и тогда онѣ совѣмъ вычеркивались изъ официальныхъ соборныхъ дѣяній, какъ не бывшія. Такъ, на примѣръ, на соборѣ 1667 года, въ теченіи нѣсколькихъ засѣданій горячо обсуждался вопросъ о власти царской и патріаршей, причемъ русскіе архіереи очень единодушно и настойчиво проводили ту мысль, что священство выше царства, тогда какъ греческіе архіереи наоборотъ усиливались доказать, что царство выше священства. Въ официальныхъ соборныхъ дѣяніяхъ 1667 года объ этихъ засѣданіяхъ нѣтъ и намѣка,—онѣ вычеркнуты были государемъ какъ очень неприятныя для него. Иногда государь даже собственноручно вносилъ поправки въ состоявшіяся соборныя постановленія. Такъ на постановленіи собора 1660 года, о низложеніи Никона съ патріаршаго престола, встрѣчается такая помѣта: „правлено рукою государя“.

Когда соборное дѣяніе, просмотрѣнное и исправленное государемъ, согласно его желаніямъ и цѣлямъ, получало свой окончательный официальный видъ, на основаніи его царь учинялъ опредѣленіе“ т. е. соборнымъ опредѣленіямъ придавалъ форму закона, обязательнаго для всѣхъ, причемъ не рѣдко самъ въ формѣ указовъ разсылалъ соборныя опредѣленія въ разныя учрежденія.

Такимъ образомъ тѣ или другія постановленія церковныхъ соборовъ XVI XVII столѣтій были результатомъ довольно длиннаго процесса, въ которомъ главная заправляющая роль принадлежала государю. Этотъ указанный нами процессъ выработки постановленій церковныхъ соборовъ особенно ясно и опредѣленно выраженъ въ обращеніи Федора Алексѣевича къ собору 1682 года. Царь письменно передалъ этому собору рядъ вопросовъ съ тѣмъ“, чтобы о тѣхъ дѣлахъ великій господинъ, святѣйшій Іоакимъ, патріархъ московскій и всеа Руси, съ преосвященными митрополиты и со архі-епископы совѣтывали, а что усовѣтуютъ, о томъ великому государю объявили, чтобъ всемъ тѣмъ дѣламъ опредѣленіе учинить нынѣ, прежь архіерейскаго отпуску съ Москвы“. Въ приведенныхъ словахъ государя очень ясно опредѣлены тѣ стадіи, чрезъ которыя проходили соборныя дѣянія, именно: царь предлагаетъ отъ себя вопросы, которые должны порѣшить члены собора, совѣтуясь между собою, а что „усовѣтуютъ“, т. е. къ какому рѣшенію придуть отцы собора,

они должны доложить государю, который, на основаніи представленнаго ему доклада, „по тѣмъ всѣмъ дѣламъ опредѣленіе учинить“, т. е. придасть соборнымъ постановленіямъ форму закона, обязательную для всѣхъ, и уже подъ этимъ окончательнымъ опредѣленіемъ должны будутъ подписаться всѣ присутствовавшіе на соборѣ архіереи, прежде чѣмъ они разъѣдутся изъ Москвы.

Иногда соборныя постановленія получали силу закона и приводились въ исполненіе не иначе, какъ только послѣ того, какъ онѣ проходили чрезъ боярскую думу, на разсмотрѣніе и утвержденіе которой передавалъ ихъ царь, прежде чѣмъ утвердить ихъ окончательно. Такъ въ дѣянiяхъ собора 1580 года, запретившаго архіереямъ и монастырямъ приобретать новыя земли, говорится: „а которое мѣсто убогое, земли будетъ мало, или не будетъ, и онъ (монастырь) бьетъ челомъ государю, и государь съ митрополитомъ соборнымъ и съ бояры приговоря, и устроить тотъ монастырь землю, какъ будетъ пригоже“, т. е. соборный приговоръ предполагается приводить въ исполненіе только послѣ того, какъ онъ пройдетъ чрезъ боярскую думу ¹⁾.—Еще въ 1551 году Стоглавый соборъ постановилъ повсюду учредить должности поповскихъ старостъ и десятскихъ священниковъ. Но только въ 1594 году царь Федоръ Ивановичъ „поговоря съ отцомъ своимъ и богомольцомъ святѣйшимъ Іовомъ патріархомъ московскимъ и всея Русіи, приговоря съ своими государевыми бояры, а велѣлъ государь... въ своемъ государствѣ—царствующемъ градѣ Москвѣ учинити старостъ поповскихъ и десятскихъ для церковнаго благочинія и всякихъ ради потребъ церковныхъ“ ²⁾. Опять постановленіе церковнаго собора приводится въ исполненіе только послѣ приговора объ этомъ боярской думы.—Въ 1651 году соборъ постановилъ во всѣхъ церквахъ ввести единогласное пѣніе и чтеніе. Но постановленію этого собора рѣшительно воспротивились нѣкоторые московскіе священники думавшіе, что соборное постановленіе о единогласіи для нихъ не обязательно, не имѣетъ силы закона, такъ какъ на соборѣ не было бояръ и окольныхчихъ, и оно не проходило чрезъ боярскую думу. „Лукинскій попъ Сава

¹⁾ Собр. госуд. гр. и дог. т. 1, стр. 585.

²⁾ А. Э. т. 1, № 360.

съ товарищи говорилъ такія рѣчи: мнѣ-де къ выбору, который выборъ о единогласіи, руки не прикладывать, напередъ бы де велѣли руки прикладывать о единогласіи бояромъ и околничимъ: любо-де имъ будетъ единогласіе?¹⁾ Царь Алексѣй Михайловичъ это требованіе московскихъ приходскихъ священниковъ о томъ, чтобы постановленіе церковнаго собора сначала прошло чрезъ боярскую думу, а потомъ уже проводилось въ исполненіе какъ законъ, нашель вполне справедливымъ, и потому соборное постановленіе о единогласіи провелъ чрезъ боярскую думу. Въ своей грамотѣ отъ 25 мая 1651 года въ Сійскій монастырь, игумену Θεодосію, царь пишетъ, что онъ, „совѣтовавъ“ съ патріархомъ, архіереями, архимандритами, игуменами, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ „и со всѣмъ нашимъ сигклитомъ“, что онъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ „и съ нашимъ сигклитомъ уложили“, чтобы пѣть во святыхъ церквахъ единогласно, чинно и не мятежно, и чтобы всѣ неуклонно слѣдовали сему нашему государскому и отца нашего великаго господина святѣйшаго Іосифа патріарха московскаго и всеа Русіи и всего освященнаго собора „и нашего сигклита соборному уложению“²⁾. Это неоднократное упоминаніе въ царской грамотѣ, вмѣстѣ съ освященнымъ соборомъ, и „царскаго сигклита“, заявившаго свое согласіе на введеніе единогласія, сдѣлано государемъ конечно не просто: оно показываетъ, что въ виду требованія московскаго приходскаго духовенства, чтобы „къ выбору о единогласіи напередъ приложили руки бояре и околничіе: любо-ли де имъ будетъ единогласіе?“—царь передалъ соборное рѣшеніе о единогласіи на утвержденіе своей боярской думы, которая вполне согласилась по вопросу о единогласіи съ состоявшимся ранѣе соборнымъ рѣшеніемъ.— Въ 1656 году, въ октябрѣ, патріархъ Никонъ, съ согласія государя, собралъ у себя соборъ, который постановилъ открыть новыя архіерейскія каѳедры въ Смоленскѣ и Вяткѣ, и на первую перевести суздальскаго архіепископа Филарета, а на вторую Коломенскаго епископа Александра³⁾. Между тѣмъ ровно черезъ годъ, въ 1657 году, тоже въ октябрѣ, государь

¹⁾ Записки рус. археол. общ. т. II, стр. 394—396.

²⁾ А. Э. т. IV, № 327.

³⁾ Матер. для ист. раск. т. 1, стр. 9.

„совѣтоваль со отцемъ своимъ и богомольцомъ святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ московскимъ и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и съ митрополиты, и съ архіепископы, и епископы, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и говорилъ съ своими государевыми бояры, и съ околничими, и думными людьми, чтобъ устроить по мѣстамъ властей: въ Бѣлѣгородѣ митрополита, въ Смоленскѣ да во Мстиславлѣ архіепископа, на Вяткѣ да въ Великой Перми епископа. И указаль государь и патріархъ и бояре приговорили: перевести въ Бѣлгородъ митрополита крутицкаго Питирима, въ Смоленскѣ архіепископа суздальскаго Филарета, на Вятку епископа коломенскаго Александра 1). Очевидно, постановленія одного церковнаго собора 1656 года объ открытіи новыхъ архіерейскихъ кафедръ было еще недостаточно, нужно было потомъ перенести дѣло въ боярскую думу и рѣшить его окончательно уже въ слѣдующемъ 1657 году по указу государя и по приговору бояръ.—Когда въ 1660 году соборъ представилъ государю свое рѣшеніе, что Никонъ не можетъ болѣе оставаться патріархомъ и на его мѣсто немедленно слѣдуетъ избрать другое лицо, то говоритъ соборное дѣяніе, „онъ великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ, *разсуждая премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ съ своимъ царскимъ синклитомъ, повелѣлъ тако быти... и соборное сіе писаніе совершити* и руками всему освященному собору подкрѣпити въ соборной и апостольской церквѣ при себѣ, великомъ государѣ... и при своемъ царскомъ синклитѣ“. Очевидно соборное рѣшеніе 1660 года, царь перенесъ на разсмотрѣніе боярской думы и только послѣ того, какъ съ своимъ царскимъ синклитомъ „премудре, благоразсуднѣ и праведнѣ“ обсудилъ представленное ему соборное дѣяніе, повелѣлъ его совершить т. е. написать окончательно, а членамъ собора приложить къ нему свои руки въ присутствіи его, государя, и всего царскаго синклита.

Если намъ извѣстны случаи, когда постановленія церковныхъ соборовъ передавались царемъ на разсмотрѣніе и окончательное утвержденіе ихъ боярскою думою, то были и такія случаи, когда чисто церковное дѣло сначала рѣшалось

1) Дворцовые разряды, дополн. къ III тому, стр. 110.

только царемъ вмѣстѣ съ боярскою думою, а потомъ уже состоявшееся постановленіе передавалось на церковный соборъ, который только церковно долженъ былъ оформить то, что ранѣе рѣшено было царемъ и думою. Такъ, напримѣръ, было у насъ съ учрежденіемъ патріаршества. Въ официальномъ разсказѣ объ этомъ событіи прямо и рѣшительно заявляется, что мысль объ учрежденіи у насъ патріаршества въ первый разъ высказывается царемъ, который, посовѣтовавшись съ своею царицею, сообщаетъ затѣмъ свое рѣшеніе—учредить въ Москвѣ патріаршество, не собору русскихъ іерарховъ, какъ бы можно было ожидать, а боярской думѣ, которая обсудивъ это дѣло, одобрила намѣреніе царя. Заручившись согласіемъ думы, государь поручаетъ вести переговоры объ этомъ дѣлѣ, съ пріѣхавшими въ Москву антиохійскимъ патріархомъ, члену думы—Борису Годунову. Когда затѣмъ въ Москву въ 1588 году пріѣхалъ за милостынею константинопольскій патріархъ Іеремія, царь опять посовѣтовавшись съ своею царицею и поговоря съ боярами, рѣшился свою мысль—объ учрежденіи въ Москвѣ патріаршества немедленно привести въ исполненіе, причемъ для переговоровъ объ этомъ дѣлѣ съ патріархомъ Іеремію назначилъ только членовъ боярской думы: Бориса Годунова и дьяка Андрея Щелканова. И уже послѣ того, какъ вопросъ объ учрежденіи патріаршества былъ улаженъ окончательно, когда уже намѣчено было и лицо, предназначенное сдѣлаться первымъ патріархомъ московскимъ, собранъ былъ наконецъ, 17 января 1589 года, церковный соборъ, которому царь объяснилъ ходъ всего дѣла объ учрежденіи у насъ патріаршества и предложилъ митрополиту Іову посовѣщаться съ отцами собора: „какъ бы Богъ далъ, такое великое и преславное дѣло въ Россіи устроилось“. На это предложеніе государя отцы собора нашли возможнымъ отвѣтить только такимъ смиреннымъ заявленіемъ, „что они полагаются на волю его—благочестивѣйшаго государя“. Очевидно, что патріаршество у насъ было учреждено только царемъ совмѣстно съ боярскою думою, безъ всякаго видимаго дѣйствительнаго участія въ немъ духовныхъ властей. На церковный соборъ дѣло передано было вполнѣ рѣшенное, и передано не для какого-либо соборнаго обсужденія и принятія какихъ-либо рѣшеній по дѣлу, а съ единственною цѣлю придать ему,

какъ дѣлу церковному, необходимый для него формальный церковный характеръ.

Вообще нужно признать, что боярская дума въ церковныхъ дѣлахъ играла болѣе видную роль, нежели обыкновенно думаютъ, такъ какъ она то входила въ составъ церковныхъ соборовъ, то окончательно утверждала состоявшіяся постановленія, тѣмъ болѣе, что царь и о всякихъ вообще церковныхъ дѣлахъ совѣтывался съ своими боярами. По поводу, напримѣръ, неожиданнаго пріѣзда въ Успенскій соборъ Никона и принятія у него благословенія ростовскимъ митрополитомъ Іоною, государь „совѣтовавъ со властью, а съ бояры поговоря“ указалъ о пріѣздѣ Никона и принятіи отъ него благословенія Іоною, послать къ архіереямъ грамоты, приглашавшія ихъ въ Москву на соборъ. Потому же поводу царская грамота говорить: и посовѣтовавъ съ освященнымъ соборомъ, и поговоря съ нашими, великаго государя, бояры, посылали въ соборную церковь“. Или: „и мы, великій государь, посовѣтовавъ со властью, и съ бояры нашими поговоря, указали ему, Никону, сказать“ ¹⁾.

Если, такимъ образомъ, царь являлся инициаторомъ всѣхъ церковныхъ соборовъ XVI и XVII столѣтій, и безъ его воли и согласія они не могли состояться; если онъ подготовлялъ напередъ всѣ матеріалы, которые должны были быть предметомъ соборныхъ обсужденій и рѣшеній; если онъ опредѣлялъ сколько лицъ и какія именно должны присутствовать на соборныхъ засѣданіяхъ, слѣдилъ за дѣятельностію послѣднихъ, давалъ имъ то или другое направленіе; если онъ исправлялъ и даже видоизмѣнялъ самыя соборныя рѣшенія по своимъ видамъ и цѣлямъ, иногда передавалъ ихъ на окончательное утвержденіе боярской думы; если всякое постановленіе церковнаго собора, чтобы получить силу обязательнаго закона, нуждалось въ утвержденіи царя, который всегда могъ не признать состоявшагося постановленія церковнаго собора и оно тогда уже не имѣло никакого практическаго значенія; то самъ собою возникаетъ вопросъ: что же такое были наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій?

Наши церковные соборы XVI и XVII столѣтій не были

---

¹⁾ Дѣло о патр. Никонѣ, стр. 164, 166, 167.

какими-либо самостоятельными, автономными церковными учреждениями, которымъ бы принадлежала инициатива своихъ собраний, самостоятельное опредѣленіе предметовъ своихъ занятій, задачъ и цѣлей, какія они хотѣли бы преслѣдовать, и которые имѣли бы право свободно и самостоятельно постановлять свои рѣшенія, какъ обязательныя для всѣхъ своихъ пасомыхъ.

Наши церковные московскіе соборы XVI и XVII столѣтій были только простыми *совѣщательными учреждениями при особѣ государя, они были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ*. Единственнымъ источникомъ всякаго закона, какъ государственнаго, такъ и церковнаго, былъ у насъ царь, который государственные законы издавалъ „поговоря“ съ своими боярами т. е. съ боярскою думою; церковные законы издавалъ „посовѣтывавшись“ съ своими царскими богомольцами; патриархами и другими архіереями, архимандритами, игуменами и совѣмъ освященнымъ соборомъ. Различіе между боярскою думою и освященнымъ соборомъ заключалось въ томъ, что боярская дума была постояннымъ, непрерывно дѣйствующимъ при государѣ учрежденіемъ, тогда какъ церковные соборы созывались только на время, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ вновь возникавшихъ и чрезвычайныхъ, такъ какъ обычное теченіе церковныхъ дѣлъ регулировалось обычною патриаршею и архіерейскою епархіальною властію. Если боярская дума занималась почти исключительно разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ государственныхъ, то церковные соборы занимались разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ дѣлъ специально церковныхъ. Но такъ какъ дѣла государственныхъ и церковныхъ въ тогдашней жизни были тѣсно связаны между собою, и такъ какъ въ боярской думѣ и на церковныхъ соборахъ предсѣдательствовалъ одинъ и тотъ же государь, то онъ, при рѣшеніи важныхъ государственныхъ дѣлъ, призывалъ на совѣтъ въ боярскую думу своихъ государевыхъ богомольцевъ, а на церковные соборы своихъ думныхъ людей, или же передавалъ постановленія церковныхъ соборовъ на утвержденіе боярской думы. Бывали, какъ мы видѣли, и такіе случаи, что государь съ своею думою рѣшалъ и специально церковные вопросы и потомъ, состоявшееся рѣшеніе, въ видахъ придать ему церковную форму, передавалъ на

церковный соборъ, который и утверждалъ то, что ранѣе рѣшено было царемъ съ боярскою думою.

Такъ какъ церковные соборы были только совѣщательными учрежденіями при государѣ, съ которыми государь совѣтывался по дѣламъ церковнымъ, то этимъ вполне опредѣляется весь существенный характеръ дѣятельности соборовъ. Московскіе государи были глубоко благочестивы, всецѣло преданы церкви, они всячески старались и заботились, чтобы ихъ подданные строго хранили благочестіе, соблюдали всѣ церковные уставы, выполняли всѣ церковныя требованія и предписанія. Въ упадкѣ благочестія, въ несоблюденіи церковныхъ признанныхъ порядковъ и требованій, они видѣли не только нарушеніе правилъ вѣры и благочестія, но и пагубное потрясеніе коренныхъ основъ всей жизни государственной, которая правильно-нормально можетъ существовать и развиваться только при правильной нормальной церковной жизни,—при процвѣтаніи въ народѣ правой вѣры истиннаго благочестія. Въ виду этаго государи, созывая церковный соборъ и предлагая на обсужденіе его тѣ или другіе вопросы, ставили отцамъ собора первою и непремѣнною обязанностію, чтобы вопросы были разсматриваемы и рѣшаемы на соборѣ, какъ этаго требуетъ божественный законъ т. е. правила св. апостолъ, св. отецъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ, церковные уставы и другія признаваемые церковію узаконенія. Соборъ всѣ свои постановленія обязательно долженъ былъ обосновать на этихъ указанныхъ основахъ, обязательно долженъ былъ такъ или иначе подвести ихъ подъ принятыя церковныя нормы и правила, чтобы такимъ образомъ ничѣмъ не нарушить божественнаго закона. Въ такой постановкѣ, въ такомъ веденіи дѣла и заключалась собственно задача церковнаго собора. Какъ скоро соборъ это сдѣлалъ, т. е. показалъ, что его обсужденія и рѣшенія вопроса дѣйствительно основаны на божественномъ законѣ, вполне согласны съ нимъ, а не есть результатъ личнаго усмотрѣнія, домышленія или творчества отцовъ собора,—роль собора была кончена, онъ выполнилъ свое назначеніе, и отъ государя уже зависѣло далѣе придать или не придать рѣшеніямъ собора окончательную форму обязательнаго закона, почему, напримѣръ, Стоглавый соборъ въ своихъ постановленіяхъ выражается о себѣ: „по данной

намъ отъ Бога власти и царскимъ совѣтомъ соборнѣ повелѣхомъ“, такъ что одна данная отъ Бога власть, безъ царскаго совѣта, немогла составить соборнаго повелѣнія. Въ виду этаго наши русскіе соборы никогда не употребляли въ своихъ постановленіяхъ формулы: „изволися Духу Святому и намъ“. Правда было въ этомъ отношеніи одно исключеніе. Когда ярославскій митрополитъ Іона принялъ, въ 1664 году, отъ Никона благословеніе въ Успенскомъ соборѣ, царь по этому случаю немедленно созвалъ тогда изъ бывшихъ въ Москвѣ архіереевъ соборъ; Павла митрополита сарскаго, Паисія газскаго, Козмы амасійскаго, Макарія гревенскаго, Θεодосія сербскаго и Нектарія архіепископа погоянинскаго. Этотъ соборъ свое постановленіе формулировалъ: „обаче убо изволися Духу Святому и намъ, нѣкое снисхожденіе еотворити“... Тотъ же соборъ, разрѣшая царю принимать благословеніе отъ ростовскаго митрополита Іоны, выражается: „суди же Духъ Святыи и мы, яко мочно естъ“¹⁾... Но не трудно видѣть, что на этомъ соборѣ, изъ шести присутствовавшихъ архіереевъ, русскій былъ только одинъ, а остальные пять всѣ иностранцы, которые и употребляли не свойственную русскимъ соборамъ формулу: „изволися Духу Святому и намъ“, „суди Духъ Святыи и мы“. Русскіе архіереи отлично знали, что они призывались царемъ на соборъ не для того, чтобы рѣшать на немъ дѣла по вдохновенію или, что имъ „изволися“, а только на основаніи точнаго и определеннаго божественнаго закона, ни отступать отъ котораго, ни видоизмѣнять его, ни тѣмъ болѣе передѣлывать, они не имѣли никакого права; они хорошо знали, что относительно соборныхъ постановленій все рѣшить въ концѣ воля и усмотрѣніе благочестивѣйшаго государя, а не ихъ вдохновеніе. Поэтому, конечно, и самымъ постановленіямъ нашихъ церковныхъ соборовъ никогда не придавалось характера непогрѣшимости и неизмѣняемости, въ нихъ не видѣли акта непосредственнаго дѣйствія Св. Духа, а обычныя церковно-государственныя постановленія, опирающіяся и находившія свое оправданіе въ божественномъ законѣ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что наши церковные соборы пред-

¹⁾ Стоглавъ, стр. 78. Изд. брат. Св. Петра. Дѣло о Никонѣ, стр. 162—163.

ставляли изъ себя, такъ сказать, собраніе свѣдущихъ людей или экспертовъ по вопросамъ церковнымъ, объясняется почему государи, призывая архіереевъ на соборъ, не только, иногда, предписывали имъ являться съ искусными т. е. болѣе свѣдущими и образованными иноками, ¹⁾ но и сами заботились и предпринимали мѣры, чтобы на соборѣ были люди свѣдующіе въ дѣлахъ вѣры, благочестія, въ знаніи и толкованіи церковныхъ правилъ и постановленій, люди могущіе дать собору нужныя разъясненія и указанія отъ божественнаго закона. Такъ въ 1554 году царь Иванъ Васильевичъ пишетъ нарочитое посланіе къ Максиму греку, приглашая его явиться въ Москву на соборъ, собранный на Матвѣя Башкина. „Да будеши и ты, пишеть царь Максиму, поборникъ по православіи, яко же первіи богоносніи отцы, такожь и ты покажешися благочестію ревнитель, и тая жъ ты небесныя обители примуть, яже и онѣхъ, иже подвижавшеса за благочестіе... Явись симъ (древнимъ св. отцамъ) споспѣшникъ и ревнитель по благочестіи, и данный ти отъ Бога талантъ умножи, и ко мнѣ писаніе пришли на нынѣшнее злодѣйство“ ²⁾. Царь Алексѣй Михайловичъ пригласилъ на соборъ 1660 года извѣстнаго ученаго Епифанія Славинецкаго, поручилъ ему составленіе соборнаго дѣянія вмѣстѣ съ провѣркою правильности ссылокъ собора на тѣ или другія церковныя правила. И когда Епифаній доложилъ государю, что ссылки бывшихъ на соборѣ греческихъ архіереевъ на греческія правила не справедливы, въ чемъ онъ убѣдился сличивъ текстъ правила, приведеннаго греческими архіереями, съ подлинникомъ, въ которомъ это правило читается иначе, государь придалъ заявленію ученаго Епифанія такое значеніе, что не утвердилъ дѣяній собора 1660 г. и перенесъ дѣло о Никонѣ на разсмотрѣніе другаго—большаго Собора.—На соборъ 1667 года государь пригласилъ извѣстнаго Симеона Полоцкаго, которому и поручилъ составить самое соборное дѣяніе. Царь сильно также дорожилъ Паисіемъ Лигаридомъ и часто приглашалъ его на соборы и именно потому, что видѣлъ въ немъ челоуѣка свѣдущаго, ученаго, научными знаніями котораго по церковнымъ пред-

¹⁾ А. Э. т. IV, № 140.

²⁾ А. И. т. I, № 161.

метамъ онъ можетъ воспользоваться для своихъ цѣлей, что и было въ дѣйствительности. Эти лица, какъ люди научно-образованные, несомнѣнно имѣли на соборахъ очень большое и дѣйствительное вліяніе, къ ихъ голосу и заявленіямъ прислушивались царь и всѣ члены собора, такъ что на направление и характеръ соборной дѣятельности они могли имѣть очень сильное вліяніе, тѣмъ болѣе что отъ нихъ, отъ ихъ научнаго и литературнаго таланта, иногда очень много зависѣло и самое составленіе соборнаго дѣянія въ томъ или другомъ видѣ.

Такимъ образомъ, если по идеѣ церковнаго собора его главными строителями и дѣятелями должны бы быть прежде всего епископы, какъ носители высшей іерархической благодати, высшей церковной власти и какъ представители всѣхъ пасомыхъ, то въ дѣйствительности это дѣло стояло у насъ далеко не такъ. Въ дѣйствительности нашимъ архіереямъ на соборахъ XVI и XVII столѣтій принадлежала самая скромная, малодѣятельная и вліятельная роль. Они являлись на соборъ во все не потому, что у нихъ самихъ, или въ средѣ ихъ паствы, назрѣвала настоятельная потребность соборно обсудить и порѣшить тѣ или другіе выдвинутые жизнью церковные вопросы, а единственно потому, что являться на соборъ имъ приказывалъ царь, и они не смѣли ослушаться его приказанія, такъ что они являлись на соборъ только въ силу своего оффиціального положенія, а не по своимъ внутреннимъ влеченіямъ и убѣжденіямъ, или какъ представители голоса, нужды и интересовъ своей паствы. Являясь изъ своихъ епархій на соборъ, они совсѣмъ не были подготовлены къ рѣшенію соборныхъ вопросовъ, которые ранѣе не были имъ извѣстны, а если и были извѣстны, то въ самыхъ общихъ и неопредѣленныхъ чертахъ. На соборѣ имъ давался уже готовый, опредѣленный и болѣе или менѣе обработанный предсоборною комиссіею матеріалъ, надъ которымъ и только въ предѣлахъ котораго они могли оперировать во время соборныхъ засѣданій, при чемъ въ работахъ ими руководили лица, ранѣе назначенныя царемъ и несравненно лучше и больше ихъ знавшія все относившееся къ предмету соборныхъ обсужденій. Они не смѣли возбуждать на соборѣ какихъ либо новыхъ—своихъ вопросовъ, не смѣли расширять и рамки тѣхъ вопросовъ, которые имъ были поставлены всѣ;

ихъ разсужденія должны были вращаться только въ тѣхъ предѣлахъ, какіе строго и опредѣленно были указаны заранѣе царемъ. О каждомъ своемъ рѣшеніи и постановленіи по тому или другому вопросу они должны были доносить царю и отъ него ждать дальнѣйшихъ указаній и распоряженій, такъ что вся ихъ соборная дѣятельность совершалась подѣ постояннымъ бдительнымъ контролемъ государя, или поставленныхъ имъ для этаго нарочитыхъ лицъ. Дѣлая тѣ или другія соборныя постановленія и рѣшенія, архіереи не имѣли въ тоже время полной увѣренности, что ихъ соборныя постановленія получаютъ силу закона, будутъ проведены въ жизнь, такъ какъ это зависѣло исключительно отъ воли и усмотрѣнія государя, который могъ видоизмѣнить соборныя постановленія и даже совсѣмъ не согласиться съ ними, не одобрить ихъ и не утвердить, и тогда они уже не имѣли никакой дѣйствительной силы и значенія,—собора тогда какъ бы и не существовало.

При указанныхъ условіяхъ конечно не возможно ожидать, чтобы наши іерархи могли проявить на соборахъ какую-либо свою инициативу, свое личное отношеніе къ современному имъ положенію церковныхъ дѣлъ,—стѣсненные во всемъ и совсѣхъ сторонѣ, они по необходимости двигались только по указанному имъ пути, казенно-канцелярски дѣлали порученное имъ дѣло; присутствуя на соборѣ, они только отбывали лежавшую на нихъ неизбѣжную повинность, а не дѣлали здѣсь своего личнаго, сердечнаго, живого дѣла. Правда, мы имѣемъ одинъ случай, когда наши архіереи отважились, по собственной инициативѣ, возбудить и обсуждать на соборѣ вопросъ, не поставленный царемъ и для него несприятный; и другой случай, когда архіереи просили царя снять съ соборныхъ обсужденій одинъ предложенный имъ проектъ.

Первый случай состоялъ въ слѣдующемъ; на соборѣ 1667 года два русскихъ архіерея—крутицкій митрополитъ Павелъ и рязанскій архіепископъ Иларіонъ, самые видные тогдашніе церковные дѣятели, и доселѣ бывшіе самыми усердными проводниками въ церковной жизни царскихъ предначертаній и, къ тому же, лично враги Никона, не ожиданно отказались на соборѣ подписаться подѣ осужденіемъ Никона на томъ основаніи, что тамъ (въ сужденіи Никона)

приводятся такія опредѣленія восточныхъ патріарховъ, которыя окончательно узаконяютъ рѣшительное преобладаніе свѣтскихъ властей надъ духовными, лишая послѣднихъ даже и тѣни какой бы то ни было самостоятельности. Въ прошеніи восточнымъ патріархамъ, присутствовавшимъ на соборѣ, Павелъ и Иларіонъ заявляли: „вы (восточные патріархи) находясь подъ насильственнымъ владычествомъ христоненавистныхъ агарянъ, за свое терпѣніе и страдапіе, несомнѣнно имѣете получить награду и вѣнецъ отъ праведнаго мздовадателя и вѣнценосца Спасителя; а мы, несчастные и ублажаемые за то, что находимся въ самыхъ нѣдрахъ христіанства, терпимъ великую нужду въ своихъ епархіяхъ и всякія затрудненія; и хотя много тяжкаго поневолю терпѣливо переносимъ отъ властей (свѣтскихъ): но страшимся еще худшаго впереди, когда утверждено будетъ, что государство выше церкви“. Къ заявленію Павла и Иларіона немедленно пристали и всѣ бывшіе на соборѣ русскіе архіереи, такъ что соборъ волей—неволей долженъ былъ заняться обсужденіемъ этого такъ не ожидаемо возникшаго и нестоявшаго въ соборной программѣ вопроса. Русскіе архіереи, на основаніи приведенныхъ ими выписокъ изъ сочиненій отцовъ и учителей церкви и даже Св. Писанія (2-я книга Ездры 4, 1—12) усиленно старались доказать, что священство выше царства, тогда какъ греческіе архіереи, и особенно Паисій Лигаридъ, всячески усиливались ослабить силу приводимыхъ русскими архіереями свидѣтельствъ, настаивали на превосходствѣ свѣтской царской власти надъ духовною патріаршею. Дѣло это, такъ неожиданно возникшее на соборѣ, вызвало сильный гнѣвъ государя противъ виновниковъ, возбудившихъ такой щекотливый вопросъ: Павлу и Иларіону не велѣно было выходить съ ихъ подворій т. е. они были арестованы; имъ запрещено было священнодѣйствовать, Павелъ крутицкій лишень былъ мѣстоблюстительства патріаршаго престола и на его мѣсто мѣстоблюстителемъ назначень былъ жившій въ Москвѣ сербскій митрополитъ Θεодосій. Впрочемъ смѣлые архіереи очень скоро принесли полную повинную въ своемъ проступкѣ, подписались подъ осужденіемъ Никона, просили греческихъ патріарховъ ходатайствовать за нихъ предъ царемъ, и дѣйствительно были имъ прощены, а самыя соборныя пренія о власти царской и патріаршей были царемъ

вычеркнуты и потому не вошли въ акты дѣяній собора 1667 года 1).

Такъ плачевно неудачно кончилась попытка русскихъ архіереевъ дѣйствовать на соборѣ по собственной инициативѣ, проявить и защитить на немъ свою архіерейскую самостоятельность, свою независимость отъ свѣтской власти. Послѣдняя увидѣла въ этихъ поползновеніяхъ архіереевъ не что иное, какъ архіерейское возмущеніе противъ законной власти, архіерейскую крамолу, и потому немедленно покарало главныхъ виновниковъ возмущенія, и если потомъ простило ихъ, то только благодаря быстро принесенному ими покаянію въ содѣянномъ преступленіи, а такъ же и благодаря ходатайству за нихъ восточныхъ патріарховъ.

Болѣе осторожно дѣйствовали архіереи на соборѣ 1682 года, когда царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ предложилъ собору обсудить составленный государемъ проектъ новаго устройства епархіальнаго управленія, по которому предполагалось раздѣлить Россію на 12 митрополій съ тѣмъ, чтобы каждый митрополитъ имѣлъ въ своемъ округѣ нѣсколькихъ подчиненныхъ ему епархіальныхъ архіереевъ, надъ которыми онъ имѣлъ право высшаго надзора, а также право суда и наказанія, дѣйствуя въ послѣднемъ случаѣ соборно со всѣми епископами своего округа. Во главѣ же всей русской церкви, какъ ея верховной представитель и начальникъ, долженъ стоять патріархъ, которому подчинялись всѣ областные митрополиты. Этотъ проектъ государя, связанный притомъ съ проектированнымъ имъ открытіемъ 33 новыхъ кафедръ, сверхъ существовавшихъ, крайне не понравился тогдашнимъ архіереямъ, такъ какъ онъ грозилъ имъ, съ одной стороны, территоріальнымъ сокращеніемъ ихъ тогдашнихъ епархій и, слѣдовательно, значительнымъ сокращеніемъ ихъ доходовъ; съ другой—ставилъ надъ ними, въ лицѣ областного митрополита—начальника, очень стѣснительный для нихъ надзоръ, какого они ни испытывали, когда зависѣли только отъ патріарха, всегда отъ нимъ далекаго и столь занятого, что онъ

---

1) Соборныя засѣданія съ преніями о власти царской и патріаршей подробно нами изложены, въ напечатанной въ Богословскомъ Вѣстникѣ нашей статьѣ: сужденіе большого московскаго собора о власти царской и патріаршей. (1892 г. Іюнь августъ и октябрь).

не имѣлъ серьезной практической возможности слѣдить за дѣйствительною жизнію и дѣятельностію епархіальныхъ архіереевъ. Въ виду этого соборъ архіереевъ обратился къ государю съ челобитною, „чтобы великій государь милостивно ко архіерейскому чину разсмотрѣніе положилъ и вновь гдѣ, въ пристойныхъ мѣстахъ и въ дальнихъ городѣхъ много-народныхъ; архіереевъ устроить—архіепископовъ и епископовъ, особыми ихъ епархіи, а не подъ митрополитами быть подвластнымъ, для того, чтобъ въ архіерейскомъ чинѣ не было какого церковнаго разгласія и межъ себя распри и вы-сости, и въ томъ несогласіи и нестроеніи святой церкви преобидѣнія, и отъ народа молвы и укоризны“. Государь внялъ соборному челобитію своихъ богомольцевъ и „ми-лостивно“, отложилъ проектъ о раздѣленіи Россіи въ цер-ковномъ отношеніи на 12 округовъ, оставивъ епархіальныхъ архіереевъ въ прежней непосредственной зависимости только отъ патріарха.

Въ указанныхъ нами случаяхъ архіереи отважились высту-пать, какъ самостоятельная сила, единственно потому, что они думали отстоять свои специально-архіерейскіе интересы, которые нарушались, въ первомъ случаѣ, рѣшительнымъ преобладаніемъ свѣтской власти надъ духовною, а во второмъ случаѣ проектъ царя, казалось имъ, наносилъ архіереямъ и существенный матеріальный вредъ и, въ тоже время, грозилъ подчинить ихъ ограничительному докучливому надзору окружныхъ митрополитовъ. Впрочемъ мы имѣемъ и еще случай, когда одинъ архіерей выступилъ на соборѣ уже по чисто церковному вопросу и дозволилъ себѣ не согласиться съ мнѣніемъ не царя, а только патріарха. Это было на со-борѣ 1654 года, на которомъ патріархъ Никонъ выступилъ какъ церковный реформаторъ. Епископъ коломенскій Павѣль не согласился съ Никономъ во взглядѣ на поклоны въ че-тырнадцатницу и, опираясь на имѣвшіеся у него старые уставы, изъ которыхъ одинъ онъ принесъ на соборъ, фор-мально заявилъ свое несогласіе съ патріархомъ. За такую смѣлость—высказывать и отстаивать свое мнѣніе о покло-нахъ, Павѣль жестоко поплатился: онъ былъ лишенъ ка-еядры, сосланъ въ монастырь и погибъ потомъ не извѣст-нымъ образомъ. Все это конечно довольно ясно и опре-дѣленно характеризуетъ ту степень свободы мнѣній и су-

жденій, какая допускалась тогда на нашихъ церковныхъ соборахъ ¹⁾).

Кромѣ крайней пассивности и угодливости нашихъ архіереевъ предъ свѣтскою властію, въ ихъ соборной дѣятельности замѣчается еще одна характерная черта. На нашихъ церковныхъ соборахъ поднимались иногда живые и важные потому времени вопросы, выдвигаемые настоятельными запросами самой жизни, стремленіями ея улучшить въ томъ или другомъ отношеніи. Такіе живые, имѣвшіе для всей общественной жизни особую важность вопросы, выходили обыкновенно или снизу отъ какихъ либо уважаемыхъ старцевъ иноковъ и отъ представителей блага духовенства, или же сверху отъ государя, но никогда они не исходили изъ архіерейской среды.

Такъ въ извѣстномъ письмѣ „о нелюбкахъ“ между заволжскими старцами и іосифлянами говорится, что уважаемые всѣми и самимъ великимъ княземъ старцы—Паисій Ярославовъ и его ученикъ Нилъ Сорскій, присутствовавшіе на соборѣ о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ, когда соборъ окончилъ съ этимъ вопросомъ, внесли отъ себя предложеніе,

---

¹⁾ Впрочемъ встрѣчаются и явленія противоположнаго характера, когда на соборахъ, даже по строго церковнымъ вопросамъ, допускалась иногда излишняя свобода, доходившая до брани и оскорбленій. Въ 1649 году, 11 февраля, патріархъ Іосифъ отъ своего лица и отъ лица всего освященнаго собора подалъ государю жалобу на царскаго духовника, благовѣщенскаго протопопа Стефана Вонифатьева, въ которой писалъ: „въ нынѣшнемъ, государь, во 157 году, февраля въ 11 день, указалъ ты, благочестивый и христілюбивый государь царь, мнѣ, богомольцу своему, и намъ, богомольцамъ своимъ, быть у себя, государя, въ средней. И тотъ благовѣщенскій протопопъ Стефанъ билъ челомъ тебѣ, благочестивому государю, на меня, богомольца твоего, и на насъ, на весь освященный соборъ, а говорилъ: будто въ Московскомъ государствѣ нѣтъ церкви Божіи, а меня, богомольца твоего, называлъ волкомъ, а не пастиремъ: тако же называлъ и насъ, богомольцевъ твоихъ, митрополитовъ, и архіепископовъ, и епискупа, и весь освященный соборъ бранными словами, и волками, и губителями, и тѣмъ насъ, богомольцевъ твоихъ... бранилъ и безчестилъ“. Стефанъ бранилъ патріарха и соборъ за то, что они утвердили многогласіе, за которое всецѣло стоялъ и царь, не придавшій поэтому жалобѣ патріарха никакого значенія. Очевидно на соборахъ можно было смѣло отстаивать свое мнѣніе и даже рѣзко почитать съ нимъ не согласныхъ, но только въ томъ случаѣ, если за пощадителемъ стоялъ самъ царь...

что бы монастыри не владѣли селами. „И егда совершися соборъ о вдовыхъ попѣхъ и діаконѣхъ, говорить письмо „о нелюбакахъ“, и нача старецъ Ниль глаголати, что бы у монастырей сель не было, а жили бы черныцы по пустынямъ, а кормили бы ся рукодѣлемъ: а съ ними пустынники бѣлозерскіе. И сіе слышавъ игуменъ Іосифъ нача имъ вопреки глаголати“ 1). Такимъ образомъ очень важный для того времени и очень живой вопросъ о правѣ монастырей владѣть крестьянами, такъ долго и сильно волновавшій потомъ тогдашнее общество, вызвавшій страстную борьбу и горячую литературную полемику, былъ возбужденъ на соборѣ извѣстными старцами, причемъ старцами же велась и вся дальнѣйшая борьба и полемика по данному вопросу. Архіереи, съ своей стороны, стали въ этомъ вопросѣ на сторону „стяжателей“ т. е. тѣхъ, которые защищали и отстаивали право монастырей владѣть крестьянами, хотя это требованіе находилось въ полномъ противорѣчии съ идеєю всецѣлаго монашескаго нестяжанія и отреченія отъ всего мірскаго, хотя владѣніе крестьянами дѣйствовало на всю монашескую жизнь самымъ вреднымъ и прямо разлагающимъ образомъ. Но этого мало. Тогдашніе іерархи не только не стали на сторону идей Нила Сорскаго, какъ бы имъ слѣдовало, но даже открыли рѣшительное преслѣдованіе монаховъ нестяжателей и ихъ сторонниковъ, всячески усиливаясь представить ихъ чуть не еретиками, такъ какъ и сами архіереи въ обилии тогда владѣли крестьянами. Такимъ образомъ своихъ дѣйствій въ данномъ вопросѣ тогдашніе іерархи ясно показали, что для нихъ личные матеріальные интересы были выше и важнѣе правильной, нормальной постановки жизни тогдашняго монашества, къ чему стремился Ниль Сорскій и его послѣдователи.

На томъ же соборѣ 1503 года, который рѣшалъ вопросъ о вдовыхъ священникахъ и дьяконахъ, былъ выслушанъ протестъ ростовскаго вдоваго священника Георгія Скрипиды, въ которомъ онъ горячо возставалъ противъ приговора собора, запретившаго всѣмъ вдовымъ священникамъ и дьяконамъ, безъ различія ихъ жизни и поведенія, священнодѣйствовать, исключая того случая, когда они примуть иноче-

(1 Приб. къ твор. св. отцовъ, т. X, стр. 505.

ское постриженіе и тогда имъ разрѣшалось отправлять церковныя службы въ монастыряхъ. „Вы осудили, говорилъ Скрипица, присутствовавшимъ на соборѣ іерархамъ, вѣхъ іереевъ и діаконовъ, настоящихъ и будущихъ, за смерть ихъ женъ; но въ смерти они неповинны, смерть наводитъ Богъ... Вы положили въ церкви вѣчную вражду между собою и священниками: какъ же дерзаете входить въ святой алтарь?.. Зачѣмъ вы смѣшали добрыхъ съ злыми, и не разлучивъ злыхъ отъ праведныхъ, велите постригаться въ монашество, что бы священнодѣйствовать?.. И вашему собору кто не удивится, кто не посмѣется въ чужихъ земляхъ, услышавъ, что іереямъ и діаконамъ, по смерти женъ, запрещено служить?.. Вы говорите: мы совершили то ради благочестія, очищая церковь, такъ какъ попы вмѣсто женъ держатъ наложницъ. Но разсудите, отъ кого то зло сталося въ нашей землѣ: не отъ вашего-ли нерадѣнія, что вы злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Господа священноначальницы, смѣло заявлялъ Скрипица, благословно ни вы сами, ни священники избранными, не дозираете священникомъ, а во грады и села не посылаете опытовати, какъ кто пасеть церковь Божию; назираете священниковъ по царскому чину земнаго царя: бояры и дворецкими, недѣльщиками, тѣны и доводчики, своихъ дѣля прибытковъ, а не по достоянію святительскому. Апостоль пишетъ: служащіи олтарю, со алтаремъ содѣляются. И вамъ достойтъ пасти церковь священниками богобоязненными, а не мірскимъ воинствомъ“. Этотъ горячій и вполне справедливый по существу протестъ священника Георгія Скрипицы 1), противъ постановленія собора, незаконно запретившаго всѣмъ безъ исключенія вдовымъ священникамъ и діаконамъ священнодѣйствовать, его вполне справедливое указаніе на крайнюю не нормальность тогдашняго епархіального управления, которое архіереи, ради своихъ матеріальныхъ выгодъ, вели исключительно чрезъ своихъ свѣтскихъ служилыхъ людей,—не былъ принятъ однако во вниманіе архіереями, которые отнеслись къ нему совершенно индеферентно, не придавъ ему никакого значенія, хотя этотъ протестъ былъ, очевидно, воплемъ отчая-

---

1) Чтен. общ. ист. и древн. 1848 г. № 6, смѣсь, стр. 48.

нія людей несправедливо обиженныхъ и постоянно притѣ-
сняемыхъ.

Съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича въ Москвѣ образова-
вался, по преимуществу изъ передоваго болѣе образован-
наго бѣлаго духовенства, кружокъ ревнителей благочестія,
во главѣ котораго стоялъ царскій духовникъ, благовѣщен-
скій протопопъ Стефанъ Вонифатьевичъ. Этотъ кружокъ,
опиравшійся на молодого сочувствовавшего ему царя, энер-
гично выступилъ на публичную борьбу съ разными обще-
ственными пороками и недостатками, господствовавшими въ
народѣ языческими суевѣріями, языческими игрищами и
крайнею грубостію нравовъ, съ лѣнностію, пьянствомъ и рас-
пущенностію духовенства, съ различными церковными не-
строаяніями и непорядками, особенно на борьбу съ много-
гласіемъ въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Кружокъ ревнителей
благочестія поставилъ своею задачею водворить въ на-
родѣ истинное благочестіе, возвысить его нравственную жизнь,
просвѣтить его церковное сознаніе, съ помощію восстановле-
нія забытаго было у насъ церковнаго учительства; перевос-
питать и нравственно возвысить самое духовенство, уничто-
жить различные вопіющіе церковные непорядки. Отъ патри-
арха и другихъ архіереевъ кружокъ, опираясь на царя, на-
стоятельно требовалъ неотложныхъ и энергичныхъ мѣръ и
преобразованій въ указываемомъ имъ духѣ и направленіи,
настаивалъ, чтобы и сами архипастыри являли собою обра-
зецъ истинно архипастырскаго служенія церкви, сами бы
подавали собою примѣръ подчиненному имъ духовенству въ
надлежащемъ выполненіи имъ своихъ пастырскихъ обязан-
ностей относительно пасомыхъ. Естественно было ожидать,
что дѣятельность кружка ревнителей благочестія, какъ въ
высшей степени полезная и плодотворная, по крайней мѣрѣ
по своему замыслу, встрѣтитъ у архипастырей полное одо-
бреніе, поддержку и всякое поощреніе. Но въ дѣйствитель-
ности получилось совершенно обратное. Патриархъ Іосифъ и
другіе архіереи отнеслись къ дѣятельности кружка не только
не одобрительно, но и прямо враждебно. Они увидѣли въ дѣя-
тельности кружка обличеніе и порицаніе ихъ архипастырской
безпечности и равнодушія къ дѣлу улучшенія и воспитанія
пасомыхъ, покушеніе на ихъ архіерейскія права, такъ какъ
только отъ высшей іерархической власти должны исходить

всѣ церковныя мѣропріятія и руководство жизнію пасомыхъ, а не отъ какихъ-то бѣлыхъ священниковъ, хотя бы дѣйствительно ревностныхъ къ благочестію и болѣе другихъ просвѣщенныхъ. Когда, поэтому, кружокъ ревнителѣй благочестія рѣшительно поставилъ вопросъ объ уничтоженіи многогласія и обязательномъ введеніи единогласія, когда царь, сочувствуя кружку, въ февралѣ 1649 года созвалъ соборъ, чтобы на немъ рѣшить вопросъ о введеніи единогласія; то бывшіе на соборѣ патріархъ и архіереи, изъ противодѣйствія непріятному имъ кружку ревнителѣй, соборно постановили узаконить очевидное безчиніе: многогласіе въ церковномъ пѣніи и чтеніи. Правда царь не утвердилъ этаго соборнаго постановленія, а чрезъ два года заставилъ патріарха и архіереевъ пересмотрѣть вопросъ и рѣшить его въ пользу единогласія, при чемъ патріархъ Іосифъ съ другими архіереями, исполняя настоятельное желаніе царя, вопреки прежнему своему соборному постановленію, призналъ въ 1651 году и утвердилъ соборно, чтобы въ церковномъ пѣніи и чтеніи отнюдь не допускалось бы многогласія, а всюду бы и всегда употреблялось только единогласіе. Но, очевидно, эта необходимая мѣра, уничтожавшая одно изъ вопіющихъ злоупотребленій въ нашемъ богослуженіи, была проведена въ жизнь единственно волею и настояніемъ государя, вопреки противодѣйствію патріарха и архіереевъ, защищавшихъ старое, давно установившееся у насъ церковное безчиніе.

Однимъ изъ ненормальныхъ и прямо болѣзненныхъ явленій въ епархіальной жизни древней Руси было то обстоятельство, что, при громадности территоріи и общей многочисленности народонаселенія, у насъ даже къ концу XVII в., было всего только 17 епархій. Нужны были, при тогдашнихъ путяхъ сообщенія, цѣлые мѣсяцы, а въ Сибири чуть не годы, чтобы какое либо распоряженіе архіерея дошло до всего духовенства и части его епархіи, и многіе мѣсяцы на то, чтобы духовенство могло переслать свой отвѣтъ архіерею на его требованія и распоряженія. О какомъ либо прямомъ и непосредственномъ воедѣйствіи архипастыря не только на своихъ многочисленныхъ пасомыхъ, которыхъ онъ совсѣмъ не зналъ, а они его, но и на самое особенно сельское духовенство, не могло быть и рѣчи, такъ какъ архіереи

буквально не имѣли никакой возможности сами объѣзжать свои громадныя епархіи, а духовенство ради той же громадности разстояній, не могло свободно и когда нужно являться къ своему епархіальному архіерею. Вслѣдствіе этого паства и духовенство такъ и оставались безъ непосредственнаго призора и руководства со стороны своего архипастыря, предоставленныя въ церковно-религіозной жизни самимъ себѣ и разнымъ случайнымъ вліяніямъ, откуда бы онѣ не исходили. Конечно архіереи могли дѣйствовать чрезъ указы, приказы, посланія и другія подобныя произведенія канцелярскаго искусства; но дѣйствительная цѣнность и дѣйственность подобнаго рода канцелярскихъ упражненій слишкомъ хорошо извѣстна, чтобы о ней можно было говорить серьезно, какъ о факторѣ, могущемъ оказать воспитывающее вліяніе на церковную жизнь епархіи. Понятно поэтому какъ важенъ былъ и полезенъ—въ видахъ нормальнаго и болѣе широкаго развитія въ народѣ церковно-религіозной жизни, проектъ царя Федора Алексѣевича объ образованіи на Руси новыхъ 70 или 72 епархій. Осуществленія этого проекта требовали самыя насущныя интересы вѣры и церкви, самыя насущныя и священные интересы всего православнаго народонаселенія тогдашней Россіи. Такъ дѣйствительно и смотрѣлъ на свой проектъ самъ государь, но не такъ посмотрѣли на него архіереи, и потому постарались не допустить его, по крайней мѣрѣ въ цѣломъ видѣ, до утвержденія соборомъ. Сначала патріархъ съ освященнымъ соборомъ призналъ цифру 70 для вновь открываемыхъ епархій чрезмѣрно большею, и тогда царь сократилъ ее до 33-хъ и въ этомъ видѣ передалъ проектъ на разсмотрѣніе собора въ увѣренности, что онъ пойдетъ навстрѣчу справедливымъ царскимъ желаніямъ. Но соборъ не оправдалъ надеждъ государя, онъ призналъ, что слѣдуетъ и полезно открыть новыя епархіи, но не 70 или 33, какъ хотѣли царскіе проекты, а только *одинадцать*, да и изъ этихъ одинадцати въ дѣйствительности открыты были только *четыре*, а остальные семь совсѣмъ не открывались. Ясное дѣло, что архіереи вовсе не сочувствовали проекту царя и совсѣмъ не желали открытія новыхъ епархій, а если и соглашались на открытіе очень немногихъ, то соглашались очень неохотно, только уступая желанію и настояніямъ государя.

Очень характерны тѣ причины, какія побуждали архіереевъ дѣйствовать на соборѣ такимъ страннымъ и для нихъ, какъ архипастырей церкви, прямо непозволительнымъ образомъ въ дѣлѣ, которое, казалось бы, требовало отъ нихъ къ себѣ совершенно иного отношенія.

Учредить новыя епархіи можно было конечно не иначе какъ раздробивъ уже существующія, чрезъ выдѣленіе изъ нихъ тѣхъ или другихъ частей, и значить: съ учрежденіемъ новыхъ епархій необходимо сокращались предѣлы старыхъ, а вмѣстѣ съ этимъ необходимо болѣе или менѣе уменьшались и доходы прежнихъ архіереевъ. Каждый монастырь, каждая приходская церковь съ причтомъ были обложены въ древней Руси извѣстными податями въ пользу епархіальнаго архіерея, и потому отчужденіе ихъ отъ данной епархіи, въ видахъ образованія новой, неизбѣжно сокращало прежніе обычные доходы архіерея. Это обстоятельство и было одною изъ главныхъ причинъ, почему архіереи всячески противились открытію новыхъ епархій: они боялись потерять часть своихъ доходовъ, и потому легче мирились съ церковно-епархіальною распущенностію и безпризорностію, чѣмъ съ открытіемъ новыхъ епархій. Они, не стѣсняясь, заявляли на соборѣ, что будто бы „у митрополитовъ изъ епархіи: астраханскаго, псковскаго, смоленскаго, нижегородскаго; у архіепископовъ: у суздальскаго, у тверскаго—изъ ихъ епархій не изъ чего вновь быть архіереомъ: епархіи малоградны и разстояніемъ не дальныя... Въ вятскую епископію прибавить архіерея не изъ чего, потому что во градѣхъ церквей и монастырей мало“. Очевидно боязнь оскудѣть въ доходахъ и прибыляхъ продиктовала архіереямъ приведенныя соборныя заявленія.

Не менѣе, если не болѣе, характерна и другая причина, по которой архіереи не хотѣли согласиться съ проектомъ государя объ открытіи намѣченныхъ имъ новыхъ епархій. Въ своей челобитной соборъ іерарховъ просить государя „архіереевъ устроить“ только „въ пристойныхъ мѣстахъ и въ дальнихъ городѣхъ и многонародныхъ“, а въ самомъ соборномъ постановленіи іерархи разъясняютъ, что они разумѣютъ подъ пристойными для архіереевъ мѣстами. Соборное постановленіе говоритъ, что въ далекіе города „на Лѣну въ Дауры посылать отъ духовнаго чину архимандріи-

товъ и игуменовъ и священниковъ добрыхъ и учительныхъ для ученія христіанскаго закона и просвѣщенія невѣрныхъ; а епископамъ въ тѣхъ дальнихъ городахъ нынѣ быть неудобно-малолюдства ради христіанскаго народа“. Въ этомъ официальномъ соборномъ заявленіи архіереевъ ярко вскрывается присущій имъ довольно своеобразный ихъ взглядъ на самихъ себя, на свое общественное положеніе и обязанности, на свое отношеніе къ паствѣ. Архіерей, по ихъ представленію, какъ „владыка“ и „великій господинъ“, могъ жить только „въ пристойныхъ мѣстѣхъ“, какими были города „многонародные“, когда въ городахъ и окружающей ихъ области было много церквей и монастырей, съ которыхъ бы архіерей могъ получать довольные для его жизни и надлежащей обстановки доходы, почему въ тѣхъ дальнихъ городахъ, гдѣ христіанское православное народонаселеніе не многочисленно, гдѣ мало церквей и монастырей — „епископомъ быть неудобно“. Неудобно имъ быть на бѣдныхъ окраинахъ и потому еще, что тамъ пришлось бы имъ заниматься миссіонерствомъ среди невѣрныхъ, а подобное занятіе для епископа соборъ іерарховъ находилъ тоже неудобнымъ, несогласнымъ съ высокимъ общественнымъ положеніемъ и достоинствомъ „владыки“. Въ виду этого соборъ и постановляетъ: посылать въ отдѣльные, окраинные, съ малымъ христіанскимъ населеніемъ, города, гдѣ требуется просвѣщать и обучать невѣрныхъ, не архіереевъ, а лицъ низшаго іерархическаго ранга: архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ, которые и должны заниматься тамъ „обученіемъ христіанскому закону и просвѣщеніемъ невѣрныхъ“. Очевидно древне-русскій архіерей и представить себѣ не могъ, чтобы ему, какъ архипастырю и преемнику самихъ Апостоловъ, можно было жить не въ многонародномъ, а въ какомъ нибудь незначительномъ, отдаленномъ и малонаселенномъ городкѣ, жить безъ обычной богатой, помѣрски пышной архіерейской обстановки, получать не большіе, а только умѣренныя доходы, заниматься не дѣлами только епархіальнаго управленія и совершеніемъ пышныхъ архіерейскихъ служеній, а скромнымъ и невиднымъ дѣломъ, хотя и апостольскимъ, — просвѣщенія и обученія невѣрныхъ. Государственный сановникъ убивалъ въ древне-русскомъ архіерейѣ духовнаго архипастыря.

И такъ въ древне-русскихъ архіереяхъ XVI и XVII столѣтій, какъ дѣятеляхъ на церковныхъ соборахъ, мы видимъ полную безличность и крайнюю угодливость предъ государственною властію, которая, создавъ имъ особое по правамъ и власти привилегированное положеніе въ обществѣ и государствѣ, сдѣлавъ ихъ важными и властными государственными чиновниками, взамѣнъ этого требовала отъ нихъ полного послушанія себѣ, ревностнаго безприкословнаго служенія своимъ видамъ и цѣлямъ. Древне-русскіе архіереи, при такихъ условіяхъ, необходимо и неизбѣжно сдѣлались и на церковныхъ соборахъ только простыми орудіями въ рукахъ свѣтской власти, которая пользовалась ими для полного поработанія себѣ церкви, для низведенія ея на степень зауряднаго государственнаго учрежденія, престога государственнаго вѣдомства по дѣламъ церковнымъ, обязаннаго неукоснительно проводить въ жизнь всѣ предписанія свѣтскаго правительства. Понятно, что архіереи—чиновники никогда и не думали являться на церковные соборы съ какими либо своими проектами, планами, запросами, вытекавшими изъ ихъ положенія какъ архипастырей церкви и духовныхъ руководителей своей паствы, и въ чемъ либо несогласными съ видами и цѣлями свѣтскаго правительства: все это слишкомъ бы противорѣчило ихъ чиновничьему духу, ихъ чиновничьей дисциплинѣ, тѣмъ болѣе что за всякое попользованіе въ этомъ направленіи имъ, какъ чиновникамъ, могла грозить серьезная опасность испортить свою чиновничью карьеру, потерять то высокое привилегированное положеніе, какое они занимали благодаря только милости и благоволенію къ нимъ государей.

Съ другой стороны древне-русскіе архіереи XVI и XVII столѣтій, полагаясь во всемъ только на волю и усмотрѣніе благочестивѣйшихъ государей, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы видѣли, въ своей соборной дѣятельности проявляли очень малую архипастырскую заботливость о самыхъ законныхъ и настоятельныхъ нуждахъ и интересахъ своей паствы, довольно индеферентно относились къ ея религиозно-нравственному просвѣщенію, улучшенію и процвѣтанію. Это происходило потому, что, въ силу разныхъ историческихъ условій, паства по отношенію къ своимъ епархіальнымъ архіереямъ была чѣмъ-то стороннимъ и далекимъ отъ нихъ, не-

имѣла съ ними никакой живой органической связи, архіереи не сросались съ нею въ единый цѣльный организмъ, живущій одною жизнію, одними и тѣми же интересами и воодушевляемый и движимый однимъ и тѣмъ же духомъ; архіереи были для паствы хотя и необходимымъ, но въ тоже время какимъ-то внѣшнимъ, случайнымъ и пришлымъ элементомъ, приводящимъ въ ея жизнь и исчезающимъ изъ нея по дѣйствию извнѣ, по мимо ея воли, желанія и участія. Древне-русскіе архіереи единственную жизненную и прочную точку опоры для себя видѣли не въ своей паствѣ, не въ тѣсномъ органическомъ единеніи со всею ея жизнію, а только въ сильной свѣтской государственной власти, при усердной службѣ видамъ и цѣлямъ которой, они всегда рассчитывали найти въ ней поддержку и опору для своихъ специально архіерейскихъ интересовъ. Имъ никогда и въ голову не приходило, что настоящая и дѣйствительная ихъ опора заключается вовсе не въ свѣтскомъ правительствѣ, а именно въ ихъ пасомыхъ, которые одни, своею любовію и преданностію своимъ излюбленнымъ архипастырямъ, только и могутъ дать имъ настоящую церковную независимость и самостоятельность, превратить ихъ изъ государственныхъ чиновниковъ въ настоящихъ церковныхъ архипастырей, живущихъ съ паствою одною жизнію, имѣющихъ съ нею одни радости и горе, и потому для нея всегда особенно дорогихъ и желанныхъ. При такой постановкѣ дѣла, мы никогда не встрѣчались бы въ древней Руси съ такими грустными явленіями, когда архіереи, если и отваживаются иногда въ исключительныхъ случаяхъ выступать противъ свѣтской власти, то выступаютъ единственно только ради защиты и огражденія своихъ специальныхъ узко-архіерейскихъ интересовъ, но никогда коллективно не встаютъ за общіе интересы всей церкви, за интересы и права своихъ пасомыхъ, хотя бы и видѣли по отношенію къ нимъ въ дѣйствіяхъ свѣтской правительственной власти что либо неправильное, несогласное съ духомъ и ученіемъ Христа и Апостоловъ.

Изъ всего нами сказаннаго о церковныхъ московскихъ соборахъ XVI и XVII столѣтій само собою открывается, что эта соборность была очень своеобразная, мало похожая на истинную настоящую соборность. Она вовсе не служитъ показателемъ и обнаруженіемъ широты и свободы тогдашней цер-

ковной жизни, проявленіемъ ея высшихъ духовныхъ творческихъ силъ и дѣятельности, тѣмъ болѣе, что она неимѣла никакой прямой, непосредственной и органической связи съ жизнью, нуждами и интересами паствы, а потому не имѣла и на народную жизнь сколько нибудь замѣтнаго оживляющаго и просвѣтляющаго ея вліянія, не оставляла въ ней въ этомъ отношеніи какаго либо замѣтнаго слѣда. Въ концѣ концовъ такая соборность свидѣтельствовала не о подъемѣ общественной церковно - религіозной жизни, а только о стараніи и заботахъ свѣтскаго правительства дать правильное и нормальное направленіе церковнымъ дѣламъ, когда находило, что онѣ приняли въ какомъ либо отношеніи не правильное теченіе, почему и главнымъ дѣтелемъ на соборахъ была собственно не церковь, а свѣтская правительственная власть. Отсюда понятнымъ становится и то обстоятельство, что соборы у насъ совсѣмъ прекращаются, какъ скоро во главѣ церковнаго управленія сталъ Синодъ. Это произошло потому, что если наши соборы были только органами царскаго законодательства по дѣламъ церковнымъ, то они должны были потерять смыслъ дальнѣйшаго своего существованія, сдѣлались болѣе ненужными, когда явился Синодъ. Въ лицѣ Синода, этого постоянного церковнаго собора въ миниатюрѣ, свѣтское правительство приобрѣтало такой органъ, который съ большимъ удобствомъ и легкостію могъ быть, и дѣйствительно былъ, постояннымъ надежнымъ проводникомъ государственныхъ видовъ и цѣлей въ дѣлахъ церковныхъ, нежели какими были прежніе церковные соборы, очень хлопотливо, медленно и рѣдко собираемые. Поэтому вполне естественно было, что съ учрежденіемъ св. Синода церковные соборы, за полную ихъ ненадобностію для свѣтскаго правительства, окончательно прекратили свое существованіе, тѣмъ болѣе что созывавшее ранѣе соборы свѣтское правительство, со времени Петра I-го, перестало интересоваться церковными вопросами съ тѣмъ напряженіемъ, съ какимъ ими интересовались благочестивые московскіе государи, бывшіе великими любителями, почитателями и знатоками всякой уставной церковности, чего уже нельзя сказать о государяхъ петербургскаго періода. Конечно теперь можно было бы отъ архіереевъ ожидать инициативы собранія соборовъ, такъ какъ они, опираясь на каноны, могли

бы настаивать предъ свѣтскою властію на необходимости созывать церковные соборы. Но наши іерархи какъ до Петра были чиновниками, дѣйствовавшими по приказу и указкѣ свѣтскаго правительства, такъ такими же большею частью они остались и послѣ Петра, и потому они не считали себя въ правѣ выступать и въ церковныхъ дѣлахъ съ собственною инициативою, а по прежнему ждали во всемъ приказаній и распоряженій со стороны свѣтской власти.

Н. Кантеревъ.

Оттиски, изъ №№ 10, 11 и 12 Богословскаго Вѣстника за 1906 г.

Печатать разрѣшается. Ноября 20 дня, 1906 г.
Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.